
СВИДѢТЕЛЬ
ИСТОРІИ
РОМАНЪ

МИХ. ОСОРГИНЪ

СВИДѢТЕЛЬ ИСТОРІИ

РОМАНЪ

Парижъ 1932

Обложка работы художника
Ф. Рожанковскаго

Возможно, что я дѣлаю ошибку, укладывая вымыселъ въ рамки историческихъ фактовъ. Во всякомъ случаѣ, я долженъ сказать, что въ этомъ романѣ только одно дѣйствующее лицо можетъ считаться портретомъ; всѣ остальныя лица, какъ и событія, писаны смѣшанными красками и лишь случайно, въ отдѣльныхъ чертахъ, могутъ напоминать дѣйствительныхъ героевъ и дѣйствительныя событія, связанныя съ первой русской революціей.

Авторъ

часть первая

О Л Е Н Ь

СМЕРТЬ МУШКИ

Въ утро, когда міръ былъ еще маленькимъ, уютнымъ и прозрачнымъ, весь состоялъ изъ родного дома съ садомъ и сосѣдней деревни Федоровки, а кончался лѣсной опушкой и рѣкой, и когда добро и зло еще не жили раздѣльно, а пытались уравновѣситься и сговориться, — кучеръ Пахомъ, самъ огромный и въ огромныхъ сапогахъ, всклокоченный и хмурый съ похмелья, шагнулъ съ кухоннаго крыльца и раздавилъ на смерть щенка Мушку.

Мушка даже не успѣлъ взвизгнуть — и жизнь его кончилась. Наступивъ всей тяжестью грузнаго тѣла на мягкое, Пахомъ поскользнулся, хотѣлъ крѣпко выругаться, но оборвался на полусловѣ и сокрушенно ахнулъ:

— И-эхъ ты, никакъ барышнина собачка!

Огромный Пахомъ смущенно обтиралъ огромный сапогъ о траву, росшую у крыльца, пока кухарка доказывала ему о пьяныхъ глазахъ и о душегубствѣ. Когда прибѣжала Наташа, Мушка уже не дрыгалъ лапой. Дѣвочка наклонилась, попробовала поднять Мушку, но отдернула руки: это уже не Мушка, а лепешка изъ шкурки съ раздавленной головой и налитымъ кровью глазомъ, злымъ и укоряющимъ. Наташа встала, съ ужасомъ посмотрѣла на Пахома и на кухарку и безъ слезъ побѣжала въ садъ. Пока она бѣжала, сдерживая дыханье, ей

слышался позади мягкій и четкій топотъ мушкиныхъ лапокъ. Въ саду она съ разбѣгу прыгнула на скамейку и подобралась, — никого не было, ни Мушки, ни людей. И все таки она не плакала, а только вся спряталась въ первый жизненный ужасъ.

Прозрачность міра затуманилась, его простота лопнула подъ пахомовымъ сапогомъ, какъ грецкій орѣхъ. Теперь за стволомъ березы, которая раньше была удивительно привѣтливой, пряталось страшное, съ яснаго неба могъ упасть камень, а въ цвѣтахъ притаилась змѣя. Осторожно спустивъ ноги со скамейки, чтобы не ступить на что нибудь полуживое и скользкое, Наташа кинулась бѣжать изъ сада къ дому, но къ другому входу, споткнулась на лѣсенкѣ, зашибла колѣнку, испуганно закричала — и только тогда хлынули слезы изъ голубыхъ открытыхъ глазъ.

Утѣшали ее напрасно, — можно утѣшить въ любомъ горѣ, а тутъ страшное открытіе и загадка не по силамъ. Открытіе — смерть, а загадка — за что? Если можно убить Мушку — то, значитъ, можно все! Теперь ничему нельзя вѣрить, ни участливымъ словамъ, ни добрымъ улыбкамъ! Отъ теплаго, шелковистаго, счастливаго Мушки остался злой глазъ, проклявшій и домъ, и садъ, и всѣхъ, и Наташу. Пахомъ вытеръ о траву огромный сапогъ — и радости больше не можетъ быть.

Глупая нянька бубнитъ надъ ухомъ, что найдемъ новаго Мушку, получше прежняго, а глупая мама выговариваетъ Пахому: «какъ вамъ не стыдно, вотъ видите, что значитъ пить!». Пахомъ вяло оправдывается: «гдѣ ее, маленькую, примѣтишь, легла на самой дорогѣ», а нянька бурчитъ: «ты эдакъ-то и человѣка раздавишь!». Все это — напрасныя рѣчи, и Наташа не слушаетъ. Все равно — міръ расколотъ, теперь ничего не вернешь! Она больше не плачетъ, а быстро думаетъ, и ничего приду-

мать не можетъ — все спуталось. Мушки больше нѣтъ, и ничего прежняго больше нѣтъ.

Кучеръ Пахомъ, полный раскаянія, прибралъ и подмелъ у чернаго крыльца, такъ что и слѣда не осталось; даже песочкомъ присыпалъ. Руками поднять не рѣшился, а снесъ на лопатѣ Мушкинъ трупъ за садовую ограду и тамъ зарылъ, наваливъ курганчикъ земли. Теперь, ступая подкованнымъ сапогомъ, все смотритъ подъ ноги, а на садовой дорожкѣ даже поднялъ игрушечное ведерко и осторожно, обѣими руками, поставилъ его на скамейку. Души у щенка не можетъ быть, у него замѣсто души паръ, — а все же загублена малая жизнь, это Пахомъ чувствовалъ. Не махни онъ съ крыльца, какъ увалень, да и не совсѣмъ проспавшись, — не было бы такого случая, и выросъ бы Мушка въ большого пса, барышнѣ Наталочкѣ на радость. Очень было обидно Пахому за самого себя, и этимъ вечеромъ онъ выпилъ больше обычнаго, — и въ утѣху, и съ горя. Выпивши — жаждалъ подраться, но никто съ нимъ, такимъ огромнымъ, во всей деревнѣ драться не могъ, да и день былъ не праздничный. Поздно вечеромъ Пахомъ вернулся сумрачный, и, шагая въ темнотѣ, высоко подымалъ ноги и осторожно опускалъ, чтобы не наступить на неладное.

«ДАЙТЕ ХОДУ ПАРОХОДУ!»

Деревня Федоровка неподалеку отъ Рязани, — то есть, это по-россійски неподалеку, а на лошадяхъ ѣхать больше полсутокъ. Лѣтомъ можно пароходомъ, такъ какъ деревня близка къ рѣкѣ, а имѣнье Калымовыхъ у самаго берега Оки. Выѣдетъ лодка, пароходъ замедлитъ ходъ, потомъ дастъ ходъ задній, вода забурлитъ подъ колесами, съ лодки поймаютъ чалку, и такъ на ходу и

принимаютъ пассажира, а легкій багажъ летитъ швыркомъ.

Рязанцы — народъ прочный и основательный. Какъ про всѣхъ — и про нихъ сложены сказки и прибаутки. Рязанцы «солнышко мѣшкомъ ловили» и «острогъ конопатили блинами». Былъ бой рязанцевъ съ москвичами. Москвичи отмахали солнышко шапками на рязанскую сторону, чтобы ослѣпить; а рязанцы попробовали поймать солнышко мѣшкомъ: навели мѣшокъ, поймали, завязали, — а оно и выскочило. Тогда они рѣшили: «Плохо намъ, не сдобровать! Попросимъ у москвичей мировую». Юморъ у рязанцевъ тяжелый, сытный, былинный, а сами они крѣпки, коренасты, женщины дородны и румяны, дѣти смѣлы и озорны. Которые живутъ во глубинѣ страны — мечтатели, а прирѣчные — больше любятъ созерцать.

Наташино дѣтство прошло между городомъ и деревней. Въ гимназическіе годы — она училась въ Рязани — много читала, но умѣла и пѣть, и плясать, какъ настоящая деревенская: отбивала каблуками частую дробь, держа плечи на уровнѣ, и пѣла частушки. Въ семнадцать лѣтъ носила двѣ темныя косы — толстыя, до самаго полу, — была ширококоста, хорошо скроена и крѣпко сшита. Училась такъ-себѣ, ни плохо, ни хорошо, а среди пріятельницъ и пріятелей была настоящимъ коноводомъ по части выдумокъ и веселаго озорства. Любила весной кататься по Окѣ въ молодой компаніи, съ пѣснями, съ брызгами, съ ахами, съ приваломъ на томъ берегу, при кострахъ. А когда уѣзжала съ семьей на лѣто въ деревню, — не скучала и одна, и ловко управляла плоскодонной лодкой. Самое настоящее удовольствіе — уплыть на веслахъ вверхъ по теченію, какъ можно дальше вдоль берега, а потомъ, выѣхавъ на середину рѣки, весла сложить, лечь на дно лодки и плыть по во-

лѣ обратно, любуясь качающимся небомъ, — и не столько думать, сколько просто смотрѣть.

Давно истлѣли мушкины косточки за оградой сада, и на собачьей могилѣ выросла такая же трава, какъ и вездѣ, только посинѣй и погуще. И давно поняла Наташа, что смерть — одно изъ явленій жизни, что смерти, собственно, и нѣтъ, а есть простое превращеніе Мушки — въ траву, бывшаго — въ настоящее, настоящаго — въ будущее. Страшнаго въ этомъ ничего нѣтъ. Если вотъ сейчасъ перевернется лодка и до берега не доплыть, — Наташа исчезнетъ, а міръ останется, а можетъ быть и міръ исчезнетъ съ нею, но это все равно. А возможно, что она превратится въ рыбу, въ водоросль, въ морщинку рѣчной ряби, потомъ подымется паромъ надъ рѣкой, впутается въ стадо небесныхъ барашковъ, прольется дождемъ надъ садомъ и огородами, станетъ сокомъ березы или яблокомъ — и какая то ея частица вернется въ человѣческую жизнь опять рязанской дѣвушкой, которая будетъ пѣть:

Разъ полосыньку я жала,
Золоты снопы вязала...

А вечеромъ, въ середкѣ хоровода, будетъ отбивать каблучками дробь въ рязанской пляскѣ и лущить сѣмечки.

Уже давно Наташа слышитъ, какъ въ дно лодки часто и ровно стучитъ пароходное колесо. Думаетъ: «раньше свистка не поднимусь!». Пароходъ идетъ снизу, лоцманъ видитъ лодку, а въ лодкѣ какъ будто никого и нѣтъ. Уже совсѣмъ вблизи онъ тянетъ за рукоятку, и по рѣкѣ пробѣгаетъ густой гудокъ. Наташа приподымается, не спѣша садится за весла, смотритъ, въ какую сторону удобнѣе отплыть, — и въ два взмаха, нехотя, уступаетъ дорогу. Пароходъ съ боковыми колесами, и прямо на лодку надвигаются большіе поперечные водяные

валы. Наташа быстро повертываетъ лодку носомъ въ разрѣзъ валовъ — и опять бросаетъ весла. Дальній берегъ, съ лугами и деревьями, исчезаетъ въ водѣ, затѣмъ возносится къ небу, опять ныряетъ, опять выростаетъ, и въ лодку захлестывается гребень невысокой волны. Какъ на качеляхъ — и жутко и радостно. Съ парохода смотрятъ: — «Ну и смѣлая дѣвка! Вотъ перевернетъ волной — наплаваешься». Откуда имъ знать, что все это давно обдумано и что смерти, въ сущности, нѣтъ, а есть только превращеніе, — какъ было съ Мушкой!

Рѣка и лѣсъ — два неизмѣнныхъ друга. Рѣка широкая, вольная, и лѣсъ настоящій, хвойный, съ опушками изъ березы, осины и орѣшника. Въ рѣкѣ огромныя рыбины, въ лѣсахъ волки, зайцы, и еще ягоды и грибы. Послѣ гимназіи придется ѣхать въ Москву, большущій городъ, гдѣ курсы, театры, новые люди и, конечно, совсѣмъ особая жизнь. Придется прочитать много книгъ, а послѣ кѣмъ-нибудь сдѣлаться; странно, что полагается кѣмъ-то быть, хотя развѣ нельзя просто остаться Наташей Калымовой? Правда, вѣчно жить въ Рязани, когда есть, вѣдь, еще большой міръ, и есть еще заграница, сѣверный полюсъ, вулканы, Парижъ, Австралія, — это было бы невозможно! Видѣть нужно очень много и нужно куда то затратить силушку, которая уже чувствуется и которой долженъ быть исходъ.

Взмахъ веслами. Только скрипнули въ уключинахъ, лодку взбросило и подало впередъ; зажурчала вода, и за кормой раздѣлилась надвое. Еще взмахъ — эхъ ма!

И запѣла частушку своей деревни:

Дайте ходу пароходу,
Натяните паруса;
Я за то его любила, —
За кудрявы волоса!

А никакого милаго еще и въ головѣ не было. Но все придетъ — будетъ и милый.

Пока — крѣпло тѣло на парномъ молокѣ, а душа питалась здоровой рязанской природой: столько то лѣсной смолы, столько то рѣчного простору, безъ счета солнца — и воздухъ полными легкими, до дна!

ЧЕРЕДА ДНЕЙ

Какъ плывутъ по небу бѣлые барашки — никто ихъ не гонитъ — и уплываютъ въ неизвѣстное — и никто ихъ больше не видитъ, — такъ уходятъ пестрымъ стадомъ дни — и трудно угнаться за ними памятью. Каждый знаетъ, когда зацвѣла или когда подломилась его личная жизнь, но въ ея бѣгѣ и сутолокѣ только вчерашнiй день очень памятенъ, и только завтрашнiй очень важенъ, а, самое главное, — сегодня.

Былъ годъ четвертый, и былъ годъ пятый двадцатаго вѣка. Юноши тѣхъ дней теперь осторожно спускаются подъ гору, а взрослые тѣхъ дней старѣютъ и убываютъ въ числѣ. Прошлымъ называется великая война и послѣдняя революцiя, а что было до этого — то уже исторiя.

Юность Наташи Калымовой совпала съ героическими днями Россiи, съ ея самымъ первымъ пробужденiемъ. Но та весна была такъ коротка, и такъ быстро вернулись морозы, что именно молодыя посадки и пострадали всего больше. Годъ четвертый былъ годомъ «святого негодованiя», пятый — пылкаго героизма и несбывшихся надеждъ. А когда на лобное мѣсто политической свободы прибѣжалъ, запыхавшись, человѣкъ тыла, ему ничего не осталось, какъ назвать толпу, расходившуюся съ кладбища, смѣшнымъ именемъ «Думы народнаго гнѣ-

ва». Но гнѣва уже не было, и народъ притихъ. Подъ разбитымъ колоколомъ трепался наскоро мочальной веревочкой подвязанный языкъ.

Лѣто девятьсотъ пятаго года Наташа, какъ всегда, проводила въ деревнѣ. За прошлую осень и зиму она прослушала въ Москвѣ столько лекцій, докладовъ и споровъ, что кружилась голова и не было возможности разобраться. Теперь, въ деревенской тиши, отдыхала, взрослѣла и разсѣивала туманъ. Героическое ее влекло, но въ ея душѣ оно никакъ не укладывалось въ программу и книжныя истины. Тѣ, кого называли вождями, меньше всего были похожи на былинныхъ богатырей, — были они худосочны, вихрасты, говорливы и лишены мускуловъ. Очень красиво и громко звучало слово «народъ»; но почему его, этого новаго бога, нужно жалѣть, какъ слабаго и голоднаго ребенка, — этого Наташа никакъ понять не могла. Въ деревнѣ Федоровкѣ крестьяне жили хорошо, избы были крыты тесомъ, а не соломой, ничьи животы не пухли, коровы были у всѣхъ, а ранней весной и поздней осенью прирѣчные мужики подрабатывали рыбачествомъ. Слушая московскихъ ораторовъ, развивавшихъ аграрную программу, Наташа видѣла передъ собой золотыя ржаныя поля и заливные луга, — и ужъ тогда не могла слѣдить за вязью пышныхъ и напрасныхъ словъ. Однажды, слушая эсеровскую звѣзду, чернокудраго и черноглазаго «Непобѣдимаго», — невольно подумала: «А отличитъ ли онъ рожь отъ овса и овесъ отъ гречихи? Или ему знакомы только книжныя поля?». Но когда говорили о революціонныхъ подвигахъ, о вооруженной борьбѣ съ властью, — это понимала и принимала, какъ красоту борьбы неравной.

На курсахъ она больше всего увлекалась философіей, напрягая мысль и путаясь въ терминахъ. Но ея головкѣ, отягченной толстыми косами, нужны были не

стройность и логичность философскихъ системъ, а простые отвѣты на простые вопросы: о жизни и смерти, о разумѣ и вѣрѣ, о загадкѣ мірозданія, о временномъ и вѣчномъ; прочтя двѣ страницы ученическими глазами, на третьей она задумывалась о своемъ. Бога отвергла безъ особаго труда, но поспѣшила сдѣлать богомъ «бѣлокураго звѣря». И, разъ его найдя, уже не разставалась съ «Заратустрой». Ее, какъ и всю тогдашнюю молодежь, увлекала, конечно, не столько сила мысли моднаго нѣмецкаго философа, сколько поэзія его высокаго озорства.

Къ осени нужно было рѣшить не мало житейскихъ вопросовъ. Если вѣрить, то нужно, увѣровавъ, дѣйствовать; если дѣйствовать, — такъ итти до конца. И не по чувству долга, которое малоцѣнно, а для того, чтобы куда нибудь затратить силушку. Растворяться въ словахъ и спорахъ, когда всѣ курятъ и всѣ говорятъ одновременно, — это для людей иной породы: съ ними скучно и безцѣльно! А если итти, то съ тѣми, кто умѣетъ дѣйствовать. Но такихъ людей Наташа еще не встрѣчала, — хотя искала съ жадностью. Гдѣ они, настоящіе бѣлокурые звѣри, тѣ, кто смѣло нападаютъ, бросаютъ страшный снарядъ и, оттолкнувъ руку палача, сами накидываютъ на шею петлю? Для кого революція — не споръ о программахъ и не жалобная пѣсня, а свободная и радостная жизнь? О нихъ пишутъ и говорятъ, — но какъ ихъ найти?

И думала:

— Они — герои, а я — самая обыкновенная дѣвушка. Они — служители высокихъ идей, — а у меня никакія отвлеченныя идеи въ головѣ не укладываются. Но я и не хочу быть героиней, я просто хочу жить полнѣе. А жизнь дана не для того, чтобы ее экономить и расходовать по капелькамъ. Все — такъ ужъ все, иначе — по-

стричься въ монашенки и шептать молитвы. Но только это не по мнѣ!

Она, рослая, здоровая, голубоглазая, и вправду въ монахини не годилась. И отъ чорта, и отъ ладана была одинаково далека. Рязанскія дѣвушки полногруды и солидны: глазъ не закатываютъ и на шею не бросаются. Но со скучными и расчетливыми людьми имъ тошнехонько, и долго стоять на мѣстѣ онѣ не могутъ и не хотятъ. Людей опредѣляютъ на глазъ и дѣлятъ на настоящихъ и никчемныхъ; съ послѣдними не по дорогѣ.

Близкихъ подругъ и друзей у Наташи не было, хотя она никого не сторонилась. Но, выждавъ и высмотрѣвъ, могла избраннаго пожаловать и дружбой, и любовью. Это ужъ будетъ, значитъ, настоящій человѣкъ; пока его не было — да вѣдь и рано!

. . . .

Въ тѣ годы зачиналась новая русская исторія. Годъ былъ урожаенъ на молодыхъ героевъ, — но они народились не на японской войнѣ, непонятной и безславной; они народились въ глубинахъ Россіи, единицами и гнѣздами. И народились на скорую погибель, — чтобы оставить въ исторіи красный героическій слѣдъ и подготовить будущее.

Все проходитъ — остаются книги. Въ книгахъ строчка за строкой нанизано то, что было, и то чего быть не могло. За тысячу человѣкъ думаетъ одинъ, и съ его пера стекаетъ на бумагу недальняя мудрость и ненарочная выдумка. Будто бы вотъ въ эти годы, вотъ этой мыслью жили въ Россіи всѣ люди, или ужъ, въ крайнемъ случаѣ, — всѣ лучшіе. А это не такъ: однимъ живетъ пьяный кучеръ Пахомъ, другимъ пастухъ деревни Федоровки, великій мыслитель и искусникъ по лапотной части, и еще совсѣмъ инымъ — городской человѣкъ. А старая липа въ калымовскомъ саду, какъ росла тогда, такъ и

по сей день даетъ цвѣтъ и не хочетъ сохнуть, и никакъ не убѣдишь ее, что важное случилось и описано въ книгахъ парадными словами.

Поздней весной, уѣзжая изъ Москвы въ отцовское помѣстье, Наташа упаковала въ чемоданъ цѣлыя стопы книгъ, чтобы читать ихъ лѣтомъ на досугѣ. Въ городѣ эти книги только путали голову. Когда ѣхала, расписала свой лѣтній отдыхъ по часамъ и по отдѣламъ: первый отдѣлъ — задача философіи, второй отдѣлъ — философія грековъ, третій отдѣлъ — теорія познанія. Утромъ купаться, до обѣда читать. А когда увидала Оку и дохнула рѣчнымъ воздухомъ, сразу поняла, что вся программа полетитъ кувыркомъ.

На рѣкѣ двѣ зари: утренняя и вечерняя; а часовъ никакихъ нѣтъ. Охъ, трудно будетъ съ собой справиться!

Вотъ уже и лодка отчалила на свистокъ. А на берегу знакомая таратайка, и на козлахъ грузная копна человѣческаго тѣла — постарѣвшій и осѣвшій кучеръ Пахомъ.

Можетъ быть, — кто знаетъ? — это лѣто будетъ послѣднимъ.

ЗЕНОНЪ

Какъ хорошъ міръ, если смотрѣть на него не изъ окна городского дома, не на мостовую съ лошадинымъ пометомъ, — а стоя посреди лужайки или на берегу рѣки! Хорошъ и полонъ чудесъ. Отъ одуванчика до кучевыхъ облаковъ, отъ низкаго полета зяблика до всплеска большой невидной рыбины, — прекрасенъ живой міръ, вѣчно шепчущій, въ тѣни прохладный, на солнцѣ шевелящій волосы горячимъ дыханьемъ. И будто бы про-

стой, — а самъ не простой, не раскрывающій всякому свою мудрость.

По страницамъ книги бѣгаютъ свѣтовые зайчики. Кукушка считаетъ года и мѣшаетъ бесѣдовать современной рязанской дѣвушкѣ Наташѣ Калымовой съ элейскимъ философомъ Зенономъ, жившимъ въ пятомъ вѣкѣ до Христа.

Зенонъ придумалъ состязанье въ бѣгѣ черепахи съ Ахиллесомъ. Какъ ни надрывается Ахиллесъ — не можетъ догнать черепаху: догналъ, а она опередила на свой шагъ, опять догналъ, — она опять впереди. Въ эту минуту прямо надъ Наташиной головой большая зеленая стрекоза, а по мѣстному — коромысло, однимъ броскомъ и догнала, и защемила комара. Зенонъ говоритъ: не можетъ этого быть, въ мірѣ нѣть движенія, все это только кажется! А если поднять отъ книжки голову — бѣжитъ рѣка, по рѣкѣ бѣгутъ струйки, у самаго берега серебристая уклейка губой ловитъ намокшую муху — и на глади рождается и расплывается кружокъ. Имя рѣкѣ Ока, Зенону незнакомое, а для Наташи такое свое, что можно отдать за него всю душу — и то мало. И, однако, она хмуритъ брови, опять смотритъ на страницу книги и старается понять, какъ же это такъ, что движеніе — только иллюзія? Всѣ предметы природы, значитъ, и камень, и трава, и стрекоза, и солнечный свѣтъ, и сама она, Наташа, — все это реально лишь, какъ воплощеніе божества, какъ застывшее величіе неизъяснимой и всевластной воли, внѣ насъ стоящей. Умомъ этого не понять, а чувство радо слить въ одно цѣлое весь этотъ трепетъ міра, и даже безо всякихъ умствующихъ ссылокъ на математику. Просто — я въ стрекозѣ и стрекоза во мнѣ, а голосъ кукушки — мой голосъ, и во мнѣ прохлада окскихъ водъ.

И тутъ, ставъ и оглянувшись внимательно, съ дѣ-

ничьей боязнью, Наташа быстренько скидываетъ платье и рубашку, спускается по мягкимъ травамъ ската, морщится, ступивъ на острый камушекъ, — и вотъ она въ водѣ, къ ужасу уклеекъ, плотичекъ и живо юркнувшаго въ нору рака.

Можетъ быть, и нѣтъ движенія въ реальности, но и вода несетъ тѣло, и руки ей помогаютъ, подвигая его саженками, по мальчишески; и не будь Ока слишкомъ широкой, можно бы уплыть на тотъ берегъ, на этомъ оставивъ оченъ умнаго и очень нелѣпаго Зенона, который и плавать не умѣетъ, и Оки не видалъ, да и вообще смѣшной старикашка, запутавшійся бородой въ переплетѣ книги, если была у него борода. И, нисколько его не стыдясь, этого слѣпого умника, Наташа пробуетъ лечь на спину, что на быстрой рѣкѣ не такъ просто. Ее относитъ теченіемъ, и, выйдя поодаль на берегъ, она бѣжитъ къ платью немного согнувшись, потому, что если слѣпъ Зенонъ, то не слѣпы кузнечики, и небесные барашки тоже не слѣпы, и вообще, на всякій случай.

— Итакъ, — говоритъ Зенонъ, — будемъ продолжать. Если предположить, что быстроногій Ахиллесъ пробѣжитъ десять локтей, отдѣляющихъ его отъ черепахи...

Быстроногій Ахиллесъ, сбросивъ на бѣгу хитонъ, летитъ такъ, что сверкаютъ на солнцѣ голыя пятки, и уязвимая, и заколдованная. Онъ весь — порывъ и движеніе, кудри развѣваются, издали слышно его частое дыханье. На черепаху это не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія: ползетъ не торопясь, зная, что ея побѣда обезпечена. Разумѣется, сочувствіе Наташи на сторонѣ Ахиллеса, но ей нравится и увѣренность черепахи, какая то обреченность этого состязанія. Силой своей скептической мысли Зенонъ не даетъ Ахиллесу перепрыгнуть черезъ черепаху и унестись по берегу рѣки до самаго

перелѣска. Есть тутъ какой то математическій фокусъ, но Наташѣ онъ такъ же неизвѣстенъ, какъ и огорченному бѣгуну.

Лѣто пройдетъ быстро — уже начали косить сѣно; и не оглянешься, какъ пора въ Москву. А, между прочимъ — основная цѣль жизни еще не выяснена, будущее еще не намѣтилось! Опять будутъ рѣчи о страждущемъ народѣ и деспотизмѣ самодержавной власти. Потомъ о соотношеніи личности и общества, о путяхъ эволюціи и революціи, о методахъ борьбы и, главное, тактикѣ. И еще объ общественномъ долгѣ и личномъ самопожертвованіи. Долгъ — вздоръ, а отдать свою жизнь такъ, какъ хочется, — развѣ это жертва? Это и значитъ — выиграть свою жизнь! И все таки интересно, любила ли Перовская Желябова? Какую роль въ ея жизни сыграла эта любовь?

Послѣ купанья такъ хочется ѣсть, что Наташа выпила бы цѣлую крынку молока; но днемъ парного нѣтъ, нужно ждать, пока пригонятъ коровъ. А пока бы хоть чернаго хлѣба съ крупной солью! И свѣжій огурецъ. Зенонъ, уткнувшись лицомъ въ траву, пробуетъ задремать, но его перевертываютъ, захлопываютъ, прижимаютъ теплымъ локтемъ и почти бѣгомъ несутъ домой — черезъ поля высокой ржи, которая уже налилась и начинаетъ золотиться. По переплету пощелкиваютъ колосья, и Зенону со всѣми его единомышленниками и всѣми его врагами безпокойно, потому, что руки Наташи въ безпрерывномъ движеніи: она рветъ колосья, вычищаетъ еще не зрѣлыя зерна и ѣстъ ихъ бѣлыми зубами.

У нея свѣтлые голубые глаза, очень ясные, потому, что молодые. И она здорова, потому, что выросла въ деревнѣ и еще не замучена городомъ. Кожа золотится, босымъ ногамъ прохладно въ тѣни высокой ржи. Міръ пахнетъ травами, прекрасный міръ, невѣдомый тѣмъ,

кто смотритъ изъ городскихъ оконъ на мостовую и думаетъ, что ничего другого нѣтъ, что такъ и нужно жить — въ пыли, въ дыму и людскомъ гомонѣ. И кто, значитъ, не вѣдаетъ великаго счастья — быть обнятымъ природой и плыть по воздуху, надъ полемъ, надъ лѣсомъ, въ горячемъ солнечномъ лучѣ, мошкой, мотылькомъ, ястребомъ, въ шопотѣ травъ, во всей этой изумительной музыкѣ лѣтняго дня и въ ощущеніи молодости, котораго никакими словами не изобразишь и не разскажешь.

И вотъ — изгородь стараго сада, калитка, липовая аллея и крылечко дома. Зенонъ чувствуетъ, какъ молодая неразумная сила несетъ его по скрипучей лѣстницѣ и плашмя хлопаетъ на плоскую доску стола. Нуженъ весь его стоицизмъ, чтобы и тутъ отрицать множественность вещей и настаивать на иллюзорности движенія, — но какъ иначе поступить мудрецу, который двѣ съ половиной тысячи лѣтъ твердитъ одну и ту же остроумную выдумку о черепахѣ и Ахиллесѣ? Саркастически улыбаясь, онъ прислушивается къ удаляющимся шагамъ.

СВИДѢТЕЛЬ ИСТОРІИ

Въ семь часовъ утра отецъ Яковъ пробуждается совершенно свѣжимъ и вполнѣ готовымъ въ походъ. Умывается и одѣвается безшумно, чтобы не обезпокоить гостепріимныхъ хозяевъ, волосы расчесываетъ прилежно, рясу осматриваетъ обстоятельно, сапоги натягиваетъ только въ передней, передъ выходомъ. Затѣмъ, съ толстымъ портфелемъ подмышкой, отецъ Яковъ тихо выходитъ, осторожно притворяетъ за собою дверь и легкой поступью, при всей своей грузности, спускается по лѣстницѣ. Въ восемь утра онъ уже въ гущѣ любопыт-

ной человѣческой жизни, которую любитъ и которую изучаетъ вдоль и поперекъ.

Отецъ Яковъ — безприходный попъ, родомъ изъ пріуральской губерніи. Безприходнымъ сталъ послѣ разныхъ сложныхъ событій и непріятностей, и семейныхъ, и общественныхъ, и финансовыхъ. Въ чемъ дѣло — никто точно не помнитъ, и въ родныя мѣста отецъ Яковъ больше не жалуетъ. Было что то со сборомъ на голодающихъ и съ пріютомъ для дѣвочекъ, — исторія стародавняя. Есть у отца Якова какія то средства, постоянныя и ничтожныя, хватающія на билетъ третьяго класса и на закусочную лавку. Жительствуетъ больше по знакомымъ, не напрашиваясь, а по дружбѣ, со скромностью. Толстъ и слегка краснощекъ, — но не пьетъ спиртного и не склоненъ къ чревоугодію; просто — всякая жизнь и всякое питаніе ему на пользу. Сегодня онъ въ Москвѣ, завтра въ Питерѣ, черезъ недѣлю въ Вологдѣ, въ Уфѣ, въ Рязани, зимой — по городамъ, лѣтомъ — на Волгѣ и Камѣ, третьимъ классомъ парохода отъ Рыбинска до Астрахани, отъ Нижняго до Перми. И всюду друзья и знакомые, временный пріютъ, ласковый привѣтъ.

Никто не знаетъ точно, зачѣмъ странствуетъ отецъ Яковъ, и никто не удивляется его дальнимъ перелетамъ.

— Откуда вы, отецъ Яковъ?

— Да вотъ нынѣ изъ Тулы. Хорошій городъ, и люди привѣтливые.

— Что вы тамъ дѣлали, отецъ Яковъ?

— А смотрѣлъ, знакомился. Городъ самоварный и прянишный, хорошій городокъ. И общество прекрасное.

Отецъ Яковъ хвалитъ все и всѣхъ. Дурного онъ не хочетъ видѣть, и говорить о дурномъ не любитъ. Въ каждомъ мѣстѣ заводитъ добрыя знакомства, все больше съ мѣстными интеллигентами — съ докторами, съ ад-

вокатами; съ духовными лицами мало, хотя не чуждается. Не брезгаетъ и исправниками и очень интересуется революціонерами, но о подобныхъ встрѣчахъ и знакомствахъ никогда не болтаетъ: понимаетъ, что нельзя.

Портфель отца Якова полонъ рекомендацій, бумажекъ съ печатями, брошюрокъ земскаго и епархіальнаго изданія, его собственныхъ писаній и визитныхъ карточекъ съ адресами. Кое-гдѣ, по городамъ, у вѣрныхъ и скромныхъ людей, хранятся его архивы: склады имъ же изданныхъ книжекъ и тетради его дневниковъ, обернутыя въ бумагу, перевязанныя аккуратной веревочкой и припечатанныя его печатью. А пишетъ отецъ Яковъ преимущественно краткія изслѣдованія о мѣстныхъ обычаяхъ, провинціальныхъ памятникахъ старины, о кустаряхъ, о ярмаркахъ, — и для газетъ, и для изданія книжечкой въ знакомой типографіи. Пишетъ путаннымъ, узорнымъ почеркомъ, со средней грамотностью, поповскимъ стилемъ, со множествомъ пышныхъ прилагательныхъ, но вещи не глупыя и не пустыя. Это, какъ разъ, тѣ самыя листовки и двухлистовочки, рѣже — поболѣ, которыя, выйдя изъ подъ невѣдомаго пера въ незнаемыхъ книгопечатняхъ, потомъ дѣлаются библіографическими рѣдкостями и собираются такими же, какъ отецъ Яковъ, странными и любознательными человѣками. Отецъ Яковъ знаетъ всѣ типографіи и всѣхъ маленькихъ издателей; и книжечекъ выпустилъ не меньше двадцати, а статеекъ написалъ безъ числа. Любитъ и гонораръ — конечно, маленькій, соотвѣтственный его стилю и его неизвѣстности.

Главная страсть отца Якова — сидѣть за чаемъ въ обществѣ просвѣщенныхъ людей и слушать ихъ разговоры, своихъ замѣчаній не вставляя. Когда видитъ, что его стѣсняются, отходитъ или совсѣмъ уходитъ; но къ нему скоро привыкаютъ, и никогда никто не могъ уп-

рекнуть отца Якова въ нескромности: самъ слушаетъ, но о слышанномъ по чужимъ домамъ не переноситъ.

— Ну, а вы, отецъ Яковъ, какъ объ этомъ думаете?

— Я то? Мнѣ думать не нужно, это дѣло не мое, дѣло свѣтское, ваше дѣло!

Иногда проговаривается, какъ бы невзначай:

— Былъ я въ Питерѣ и посѣтилъ знаменитаго батюшку отца Гапона.

— Да что вы, отецъ Яковъ! Какъ же вы къ нему добрались?

— Знакомые друзья помогли, отрекомендовали. Человѣкъ поистинѣ любопытный. Поглядѣлъ на него, послушалъ.

— А не боитесь, отецъ Яковъ? Вѣдь за такое знакомство и нагорѣть можетъ.

— А что же я дѣлаю, я только полюбопытствовалъ. Все же — собратъ по священной рясѣ, а его поступками я не интересуюсь, не мое дѣло. Я въ прошломъ году и у самого министра Плеве побывалъ, нынѣ убіеннаго.

— А къ нему какъ попали и зачѣмъ?

— Путемъ протекціи. Имѣлъ къ нему дѣло, хлопоталъ за малышей, за пріютскихъ дѣтей, о малой субсидіи. Имѣлъ, конечно, записочку отъ сіятельной княгини, отъ покровительницы.

— Ну и что же?

— А ничего. Интересно. Человѣкъ былъ важный и основательный. Надо ихъ смотрѣть, вліятельныхъ личностей и правителей государства.

— Разговаривали?

— Разговоръ былъ малый, всего минутку побылъ. А посмотрѣть любопытно. Знаменитая была личность, историческая.

— Какъ же вы это такъ, на обѣ стороны: и у Плеве, и у Гапона?

— Какія же стороны? Для меня сторонъ нѣтъ, дѣло не мое. Для меня всѣ люди одинаковы. Это вы судите да сопоставляете, а мнѣ все одинаково любопытно.

Все любопытно отцу Якову! Кипитъ Россія — и отецъ Яковъ стоитъ у котла со своей ложкой, вынутой изъ всевмѣщающаго портфеля. Впередъ другихъ не суется, а если возможно тихонько и неазартно зачерпнетъ похлебки. Лю-бо-пытно! Но въ общемъ — его дѣло сторона, онъ только частный наблюдатель жизни, смиренный свидѣтель исторіи. Въ мемуарахъ своихъ, конечно, помѣститъ все, но это уже для потомства, а не ради пустого разговора.

Въ девятьсотъ пятомъ году, передъ самыми свободами, великимъ любопытствомъ горѣлъ отецъ Яковъ. Всегда осторожный и осмотрительный, тутъ онъ позволялъ себѣ заглянуть въ такія мѣста и такія квартиры, куда раньше не рѣшился бы пойти. На дачѣ, подъ Москвой спалъ ночами въ одной комнатѣ съ человѣкомъ таинственнымъ, навѣрняка — нелегальнымъ, а, можетъ, и террористомъ, — такое было время. Впрочемъ, на дачѣ почтенной, у земляка и стараго знакомаго, большого либерала, помогавшаго революціонерамъ. Таинственнаго человѣка звали Николаемъ Ивановичемъ, и спалъ онъ не раздѣваясь, даже и башмаковъ не снимая, у открытаго окна, которое выходило на огородъ, а дальше — пустырь до самаго лѣса. Укладываясь спать, подолгу бесѣдовали; отецъ Яковъ разсказывалъ, коротко, немногословно и безъ яркихъ красокъ, объ уральскихъ лѣсахъ и о верховьяхъ Камы, какъ онъ тамъ нашелъ русское племя, которое и про Бога не знало и даже браковъ не имѣло, — такъ, жили, кто съ кѣмъ хотѣлъ, и никому не молились. А его собесѣдникъ, оказывается, знавалъ и эти мѣста, и много другихъ подобныхъ, и сибир-

скую тайгу, но почему зналъ — не разсказывалъ, а отецъ Яковъ, конечно, не выспрашивалъ.

Иногда Николай Ивановичъ подшучивалъ надъ отцомъ Яковомъ:

— Вотъ заберетъ насъ ночью полиція, святой отецъ, и будемъ мы вмѣстѣ сидѣть въ тюрьмѣ. Тамъ, бываетъ, не плохой борщъ даютъ.

— Меня забирать не за что, я — лицо духовное, свѣтскимъ не занимаюсь. Да и васъ за что же трогать, — вы человѣкъ достойный и почтенный.

— А зачѣмъ вы по свѣту бродите, отецъ Яковъ? Что васъ носитъ?

— Брожу, по разнымъ малымъ дѣламъ хлопочу. Ну, и такъ смотрю. Жизнь то, Николай Ивановичъ, любопытна! Всѣ суетятся, и каждому хочется, чтобы вышло по его.

— А вы, значитъ, со стороны смотрите?

— Я смотрю, никому не мѣшаю. Мнѣ все интересно.

— А можетъ быть вы — опасный человѣкъ, отецъ Яковъ? Чѣмъ вы подлинно занимаетесь, — никому не вѣдомо.

Отецъ Яковъ отвѣчалъ немного обиженно, но степенно:

— Дурнымъ дѣломъ не занимаюсь, и многіе меня знаютъ. Болтать — не болтаю, а и скрывать нечего. Если же кто не довѣряетъ, — не нужно со мною, съ попомъ, водиться. Кто вѣритъ — тотъ и вѣритъ, насильно же ничьей дружбы, ниже довѣрія, не ищу.

— Я вѣрю, отецъ Яковъ, вы не обижайтесь, я пошутилъ. Я знаю людей, много среди нихъ околачивался. Тоже вѣдь и я про свои дѣла языкъ не распускаю.

— Ну вотъ и прекрасно.

За три дня сожительства подъ однимъ гостепріимнымъ кровомъ такъ подружились, что даже помѣнялись

обувью. Отца Якова, по лѣтнему времени, прельстили новые легкіе штиблеты Николая Ивановича, а тому оказались какъ разъ по ногѣ, и впору, и удобны, поповскіе полусапожки.

По вечерамъ, за долгимъ чаемъ, Николай Ивановичъ читалъ наизусть стихи — Пушкина, Некрасова, Алексѣя Толстого, а отецъ Яковъ слушалъ съ восхищеніемъ. Также слушалъ, самъ порою подпѣвая, церковныя молитвы и пѣснопѣнія, которыя Николай Ивановичъ исполнялъ удивительно. При цыганскихъ же романсахъ скромный попъ немного краснѣлъ, но неодобренія не высказывалъ. И всѣ, кто за чаемъ присутствовалъ, любовались ихъ дружбой и тихонько посмѣивались.

Когда Николай Ивановичъ внезапно уѣхалъ, даже не попрощавшись, и куда — не говорили, а потомъ въ газетахъ описывали наружность неопознаннаго террориста, убившаго градоначальника, — отецъ Яковъ молча читалъ газету, смущенно бѣгалъ глазками и спрашивалъ хозяина:

— А что, видно, другъ то мой, Николай Ивановичъ, надолго уѣхалъ?

Хозяинъ, который и самъ догадывался, кому онъ давалъ пріютъ, съ дѣланнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ:

— Не знаю, отецъ Яковъ, онъ не сказалъ. Да я и вообще его мало знаю, случайное знакомство. Попросили пріютить, — ну я его и пріютилъ.

Отецъ Яковъ продолжалъ въ раздумьѣ:

— Видно надолго! И въ моихъ полсапожкахъ уѣхалъ. Хорошій былъ человѣкъ, веселый, а въ душѣ какъ бы страждущій. Лю-бо-пытно!

Однако скоренько собрался, поблагодарилъ за гостепріимство и тоже уѣхалъ, то ли изъ опаски, то ли дальше смотрѣть міръ, людей и событія.

Впрочемъ, подолгу отецъ Яковъ не любилъ заживаться нигдѣ.

«НАШИ»

Человѣческая память дырява, какъ рѣшето: на крутыхъ поворотахъ исторіи она безслѣдно процѣживаетъ не только давнее, но и вчерашній день.

Онъ забылъ, посѣдѣвшій, изможденный, больно высѣченный жизнью сегодняшій историкъ, что прошлое, по которому онъ умиленно вздыхаетъ, было не лучше нынѣшняго, что лишь перетасована колода тѣхъ же самыхъ картъ, и коробъ человѣческихъ страданій, иначе уложенныхъ и умятыхъ, по прежнему полонъ, что не существующій прогрессъ былъ только его собственной напрасной и неостроумной выдумкой.

Онъ забылъ, пришибленный обваломъ неоправданныхъ надеждъ, какъ, благоговѣйно расточая признательность, онъ преклонялся передъ жертвенностью неразумныхъ и пылкихъ юношей, имъ же соблазненныхъ, которые оставляли дѣтскія игры, смѣхъ и учебу и шли убивать и умирать во славу миража — счастья будущихъ поколѣній.

Злостный банкротъ, онъ съ негодованіемъ спрашиваетъ: да какъ же могли они надѣяться, что на крови выростетъ благополучіе и изъ преступленій родится справедливый законъ? Онъ клянетъ ихъ молодость и ихъ поступки, видя въ нихъ источникъ нынѣшнихъ золъ. Но, строго ихъ осуждая, онъ въ тайнѣ мечтаетъ о новыхъ молодыхъ мстителяхъ, которые съ такой же жертвенностью обрушатся на настоящее, если не во имя будущаго, то хотя бы съ мечтой о возвратѣ прошлаго; за дымной завѣсой нынѣшняго пожара это прошлое уже рисуется ему прекраснымъ потеряннымъ раемъ.

Въ дни Россіи, отодвинутые въ исторію великой войной и величайшей революціей, никто не спрашивалъ, почему простая и здоровая русская дѣвушка, воспитанная не хуже другихъ и не менѣе отзывчивая на доброе, бросала родной домъ и ученье и уходила въ ряды тѣхъ, кого одни называли преступниками, другіе — святыми. Это было такъ же просто и естественно, и такъ же мало, какъ подать копѣйку нищему или броситься въ воду спасать утопающаго. Даже не было подвигомъ: только проявленіемъ душевной чуткости и сознанія невозможности поступать иначе.

На снѣгу была кровь — какъ тогда была у крылечка, гдѣ Пахомъ раздавилъ щенка. Вечеромъ, къ Наташѣ забѣжала подруга по курсамъ:

— Ты знаешь, что дѣлается на Прѣснѣ?

— Стрѣляютъ?

— Прѣсня горитъ! Ее подожгли снарядами. Наши тамъ едва держатся.

Н а ш и — пріобщало Наташу къ партіямъ возстанія. Онѣ обѣ чувствовали, что нужно куда то итти, что то дѣлать, помогать с в о и м ъ, можетъ быть, стрѣлять или подставлять грудь подъ пули. Нельзя же читать книжку, пить чай или спать, когда рядомъ люди борются и гибнутъ. Но куда итти?

Затерянныя въ ночи пустынныхъ улицъ, тѣсно, другъ къ дружкѣ, какъ орѣшки-двойчатки, въ обходъ, закоулками, по льду Москва-рѣки, онѣ пробрались на Прѣсню, гдѣ видно было зарево и слышалась рѣдкая ружейная стрѣльба. Было жутко и необыкновенно. Не зная, куда итти, онѣ держали путь на звуки выстрѣловъ. Имъ рисовалось, что вотъ сейчасъ будутъ высокія баррикады съ красными флагами, валы изъ труповъ и силуэты немногихъ смѣльчаковъ, сражающихся противъ солдатскихъ отрядовъ. Но и на Прѣснѣ, куда онѣ, наконецъ,

добрались, переулки были пусты, огни въ домахъ потушены, и только на окнахъ верхнихъ этажей отражалось зарево недальняго пожара.

Въ одномъ мѣстѣ онѣ натолкнулись на бѣжавшаго юношу въ студенческой фуражкѣ, остановили его и спросили, гдѣ происходитъ бой. Онъ сначала не понялъ, потомъ указалъ въ сторону и на ходу крикнулъ: «Да вы туда не ходите, тамъ чортъ знаетъ, что творится, еще убьютъ васъ!». Онѣ съ бьющимся сердцемъ пошли по указанію, и совсѣмъ неожиданно, повернувъ за уголъ, оказались у какого то загражденія, гдѣ нѣсколько темныхъ фигуръ наваливали снѣгъ на кучу пустыхъ ящиковъ и поливали водой. Это и была баррикада, которую онѣ такъ страстно хотѣли видѣть и совсѣмъ иначе себѣ представляли.

Студентъ, котораго онѣ встрѣтили, вернулся сюда. Сперва начальственно прикрикнулъ на нихъ, зачѣмъ онѣ понапрасному тутъ бродятъ и рискуютъ жизнью, — но, въ сущности, риска было мало, и баррикада никѣмъ не обстрѣливалась; ее готовили на случай, что солдаты сюда пробьются.

— Пока еще наши держатся и на Большой и на Средней Прѣснѣ; только оружія у насъ мало.

Опять — н а ш и! Дѣвушкамъ они рисовались молодыми великанами, грудью защищающими Прѣсню отъ натиска огромныхъ солдатскихъ массъ. Если бы пробраться туда и хотя бы подавать имъ заряженныя ружья!

— Но развѣ нѣтъ подмоги изъ города?

— Какая подмога! Дружинниковъ мало, да сюда и не пройти; Прѣсня кругомъ обложена.

— Мы прошли.

— Тамъ, пожалуй, всего и не знаютъ.

— Мы можемъ вернуться и сказать. Только, кому?

— А и правда, вамъ все равно назадъ итти! Не здѣсь же оставаться.

Онъ научилъ ихъ, какъ пройти на Прохоровскую фабрику и какъ разыскать тамъ либо Никодима Ивановича, либо товарища Оленя.

— Только тамъ опасно! Ужъ не знаю, ходить ли вамъ...

— Мы не боимся.

— А ужъ они вамъ скажутъ, что нужно, и адресъ дадутъ. Главное, что у насъ и револьверовъ мало, а патроновъ и совсѣмъ ничего!

Теперь онѣ пробирались съ жуткимъ и радостнымъ сознаніемъ важности порученія. Теперь онѣ были участницами борьбы!

Дальше было то, что запоминается на всю жизнь: тѣни людей на фонѣ горящаго зданія, свистъ пролетѣвшаго снаряда, суматоха революціоннаго штаба, гдѣ долго никто не могъ указать имъ, какъ найти нужныхъ имъ людей. То, что имъ рисовалось страшнымъ и величественымъ, оказалось живымъ, суетнымъ и словно бы веселымъ. И было странно слышать въ отвѣтъ на ихъ разспросы:

— Лучше всего, пройдите на кухню, тамъ комитетъ собирается.

Все мелькало сказочнымъ видѣніемъ; даже едва запомнилось лицо товарища Оленя, котораго онѣ, наконецъ, разыскали и который, только минутку подумавъ, кинулъ имъ:

— Это хорошо. Вы тамъ скажите, что намъ держаться трудно и что пусть, если могутъ, посылаютъ сюда и людей, и оружіе. Люди есть, а, главное — оружіе. И нужны бомбы. Такъ и скажите.

Далъ адресъ и не велѣлъ записывать.

— Здѣсь не задерживайтесь, уходите!

Опять темными закоулками, сами плохо соображая дорогу, онѣ пробрались черезъ «кольцо войскъ», котораго не было. По льду рѣки шли уже при первомъ разсвѣтѣ. Между собой почти не говорили, и другъ дружкѣ не сознавались въ усталости. Страшнымъ въ пути оказалось одно: трупъ человѣка на снѣгу; можетъ быть, замерзъ, можетъ быть, былъ убитъ случайной пулей. Покосились, какъ лошади, и обошли подалѣ. Но запомнили навсегда.

Рано утромъ явились по адресу, передали, что сказано, и были непріятно поражены, когда человѣкъ, къ которому ихъ послали, развелъ руками и недовѣрчиво отвѣтилъ:

— Что за чепуха, откуда намъ достать! Да и доставить невозможно!

Онѣ горячо настаивали и вызвались доставить сами; бомбы, — такъ бомбы! Онъ спросилъ:

— А есть у васъ въ городѣ безопасная квартира?

Наташа предложила свою комнату. Онъ переспросилъ адресъ и сказалъ, чтобы ждали весь день до вечера. Онѣ ушли съ чувствомъ исполненнаго долга.

Вернувшись домой, Наташа, не раздѣваясь, легла отдохнуть. Заснувъ, проспала до полудня, затѣмъ въ волненіи прождала весь день, — но никто не явился. Все равно, теперь она уже втянута въ дѣло — участница вооруженнаго возстанія! Не сегодня, такъ завтра ей могутъ доставить цѣлый ящикъ динамитныхъ снарядовъ, и, ночью, скользя по льду, она будетъ носить ихъ на осажденную Прѣсню или куда понадобится.

Только на слѣдующій день зашла такая же, какъ она, молоденькая дѣвушка съ конфетной коробкой, трижды перевязанной крѣпкой лентой.

— Вы — Наташа?

— Да.

— Я отъ Павла Ильича. Онъ проситъ васъ похранить эту коробочку. Куда ее поставить?

— Куда хотите, все равно.

— Нѣтъ, такъ нельзя, нужно быть съ нею осторожной.

Коробочку поставили на подоконникъ, прикрывъ газетой.

— А что съ ней дѣлать?

— За ней зайдутъ, или вамъ скажутъ. Главное — не ударьте обо что нибудь. Вы понимаете?

— Понимаю. А развѣ не нужно отнести на Прѣсню?

Дѣвушка сказала, что больше ничего не знаетъ, что ей поручено только доставить коробочку. А Прѣсня, говорятъ, вчера взята войсками, много рабочихъ арестовано, есть разстрѣлянные, и теперь на Прѣсню проникнуть невозможно.

— Я тамъ была прошлой ночью.

— Да, а теперь тамъ сняты всѣ баррикады и занята Прохоровская фабрика.

Теперь Наташа стала стражемъ не нужной больше небольшой бомбоньерки. Это и есть революція? Да, это и есть революція!

Какъ нянюшка, сидѣла и стерегла. Нѣсколько дней не выходила изъ комнаты, но и не дотрагивалась. Уже не было на Москвѣ стрѣльбы; уже набиты были тюрьмы и выходили газеты. Уже подошло Рождество.

Рѣшилась опять пойти справиться по тому же адресу. Уходя, дрожащими руками взяла съ подоконника коробку, прижала къ груди и, осторожно и несмѣло ступая, донесла до комода и спрятала въ ящикъ, гдѣ были письма гимназическихъ подругъ, запрещенная книжка и пучекъ высохшихъ колосьевъ ржи — память о минувшемъ лѣтѣ въ деревнѣ.

ОТЦА ЯКОВА ЛѢТОПИСЬ

Пухлая, бѣлая рука отца Якова — на каждомъ суставѣ по подушечкѣ — писала слова съ завитушками; если когда-нибудь дотошному историку пригодятся эти писанія, — намучается онъ надъ поповскимъ почеркомъ! А пригодиться могли бы, въ особенности «Лѣтопись отца Іакова Кампинскаго», куча тонкихъ школьныхъ тетрадей, съ напечатанными на обложкѣ словами: «Тетрадь учени... ...-го класса», а на оборотѣ обложки, на третьей и четвертой ея страницахъ — таблица умноженія, мѣры жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ и хронологія царствованій отъ призванія варяговъ до нашихъ дней.

Въ этихъ тетрадочкахъ, на обѣихъ сторонахъ линованныхъ страницъ, отецъ Яковъ записывалъ ходъ лично имъ наблюденныхъ достопамятныхъ событій, а также довѣрія заслуживающіе слухи, съ предпочтеніемъ — которыхъ не было въ газетахъ. Тетрадокъ съ собой не возилъ, кромѣ послѣдней, а заполнивъ, — оставлялъ, гдѣ въ то время находился, на сохраненіи у вѣрныхъ людей, своихъ многочисленныхъ знакомыхъ: одна — въ Москвѣ, другая — въ Рязани, а то — въ Уфѣ, въ Саратовѣ, въ Твери или въ самомъ Санктпетербургѣ. Все подумывалъ собрать эти тетрадочки воедино и хотя бы сшить вмѣстѣ въ одну обложку и передать самому вѣрному человѣку, — и все никакъ не удавалось.

Въ декабрѣ тысяча девятьсотъ пятаго года, послѣ дней Рождества, почти подъ самый новый годъ, записалъ:

«Нынѣ стрѣльбы на улицахъ города Москвы болѣе не слышно, и можно полагать, конецъ происшедшимъ чрезвычайнымъ волненіямъ. Сказываютъ убито поболь-

ше тысячи человѣкъ, ежели не всѣ двѣ, особливо на Прѣснѣ, гдѣ рабочій людъ, съ помощью студенчества понастроили загражденій, впослѣдствіи сожженныхъ и разрушенныхъ съ пролитіемъ крови.

«Самые же декабрьскіе дни начались осажденіемъ училища господина Ивана Ивановича Фидлера, гдѣ и заперлись ученики и постороннія лица изъ числа бастующихъ и революціонныхъ вожаковъ. И впервые, въ первопрестольной столицѣ били по дому пушками! Но тѣ не сдавались, а бросали изъ оконъ начиненныя динамитомъ разрывныя бомбы страшной силы, что видѣлъ своими глазами и слышалъ ушами, находясь въ одномъ изъ близлежащихъ домовъ. По вечеру разрывались, какъ бы синимъ огонькомъ съ потрясающимъ грохотомъ. Зрѣлище страшное и трудно забываемое! А когда помянутую молодежь выпустили на честное слово, если выйдутъ безъ оружія, то окончилось для нихъ избіеніемъ и многочисленными арестами, а нѣкоторыхъ зарубили на улицѣ. Женщины, присутствовавшія въ ихъ числѣ въ училищѣ, совѣтовали, чтобы не выходить и до конца сопротивляться, мужчины же, а поточнѣе еще совсѣмъ мальчики и юноши, возмнили обмануть бдительность и пробиться, что лишь немногимъ и удалось. Предварительно же, Ивану Ивановичу, коего знавалъ лично, свои же ученики подстрѣлили изъ револьвера ногу за то, что, поднявши бѣлый платъ, хотѣлъ за всѣхъ сдаться, жалѣя собственный домъ.

«А вслѣдъ за симъ было взорвано на воздухъ, но не вполнѣ, московское охранное отдѣленіе, что въ Гнѣздниковскомъ переулкѣ. А именно, двое мальцовъ подошли пѣшкомъ подъ самыя окна и бросили жестянки съ динамитомъ, зажегши фитиля отъ раскуренныхъ папиросокъ. Послѣ чего оба скрылись. Такъ что всѣ разсказы о налетѣ на лихачахъ чуть ли не цѣлымъ отрядомъ

дружинниковъ, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, о чемъ знаю достовѣрно.

«Загражденія и баррикады видалъ лично и своими глазами повсемѣстно. Подъ прикрытіемъ рясы іерея, но и не безъ должной опаски, наблюдалъ на Садовой улицѣ, какъ десятокъ юныхъ смѣльчаковъ съ неописуемой дерзостью отбили у солдатъ пушку, а что дѣлать съ той пушкой не знали, почему и послали одного посмотрѣть въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона, какъ отвинчивать замокъ, но отвѣта не дождались, да такъ и бросили, во время убѣжавши. На другой день, будто бы, раздобыли нужные чертежи, но уже новаго случая отбить пушку не встрѣтилось.

«Слыхалъ также, но безъ ручательства, что по снѣгу, вдоль Тверского Бульвара катились двое въ простыняхъ, понеже на снѣгу менѣе примѣтно, въ намѣреніи подкатиться этимъ способомъ къ самому дому господина градоначальника и взорвать. Однако, докатиться не удалось, ибо, начавъ съ неудобнаго конца, приходилось катиться вверхъ.

«Встрѣтилъ на Арбатѣ близъ Серебряннаго переулка, гдѣ церковь Николы Явленнаго, отрядъ кавалеристовъ, и всѣ ѣхали съ ружьями на перевѣсъ, направляя дуло въ прохожую публику изъ опасенія бросаемыхъ бомбъ. Я же миновалъ благополучно, поднявши кверху обѣ руки, какъ было приказано, а портфельчикъ придерживая бородой на вѣсу. Полагаю, и тутъ былъ спасенъ саномъ священника. Офицеръ крикнулъ: «Эй, батюшка, сидѣли бы дома, а то неровенъ часъ, — подстрѣлятъ!». Я же поспѣшилъ пройти мимо, избавясь отъ опасности.

«На Прѣсню, однако, пройти въ тѣ дни не удалось, но и въ самомъ городѣ видѣлъ неубранные трупы убіенныхъ, а посреди прочихъ старуху, очевидно, къ безпо-

рядкамъ не причастную, но солдаты изъ опасенія стрѣляли, безъ различія пола и возраста.

«Тюрьмы, сказываютъ, полнымъ полны, равно, какъ и участковыя помѣщенія для задержанныхъ. Изъ другихъ городовъ извѣстія, что ничего особеннаго не происходитъ, такъ что, главнымъ образомъ, взволновалась только наша матушка-Москва. На праздникъ Рождества Христова утихло, хотя народу въ храмахъ было поменѣ обычнаго, не по невѣрію, а изъ опаски».

Перечтя записанное и подумавъ, отецъ Яковъ закончилъ такъ:

«Сей бурный и событіями несчастливый годъ закончился обильнымъ пролитіемъ человѣческой крови. Не мнѣ, скромному созерцателю событій, изыскивать оныхъ причины. Потрясенная военными неудачами, больна и страждетъ духомъ наша возлюбленная родина. И грядущее не ясно! Возьметъ ли верхъ благоразуміе или продлятся неурядицы и смятеніе? Одно скажу — пожелаемъ народу русскому успокоенія и возврата къ мирному труду, основѣ благосостоянія! И да извлекутъ изъ проистекшихъ достопамятныхъ событій поучительные выводы и правящіе и управляемые!».

Тутъ опять задумался отецъ Яковъ, свидѣтель исторіи. Въ своихъ скитаніяхъ онъ видѣлъ правящихъ и жилъ среди управляемыхъ; и опытъ жизни говорилъ ему, что и тѣ, и другіе не проявляли склонности къ поучительнымъ изъ событій выводамъ. И еще онъ зналъ, что во глубинахъ уѣздной Россіи столичныя дѣла не имѣли яснаго отзвука, и что разговоры о свободахъ, о народномъ представительствѣ и отвѣтственномъ министерствѣ были и чужды и непонятны крестьянской Россіи и толковались ею по своему: «правда ли, будто царь отыметъ землю у господъ и отдастъ мужикамъ?». Все же прочее скользило мимо уха и не западало въ память.

Поэтому, свою декабрьскую запись отецъ Яковъ окончательно заключилъ отвлеченнымъ разсужденіемъ и поэтической картиной, а именно:

«Сидя нынѣ у окна наблюдаю паденіе густого снѣга, между тѣмъ, какъ до сей поры зима была повсемѣстно малоснѣжна. Не могу нарадоваться летящему бѣлому пуху, способнику грядущихъ урожаевъ. Не важнѣе ли сіе всякихъ собесѣдованій и споровъ о высокой политикѣ?! Вспоминаю бѣлые пласты снѣговыхъ покрововъ нашихъ прикамскихъ и пріуральскихъ мѣстностей, гдѣ былъ рожденъ и откуда пустился въ странствіе по стогнамъ россійскимъ, не въ качествѣ священнослужителя, но какъ бы вѣчный путникъ, любопытствующій о жизни возлюбленной Родины! На этомъ и закончу, уступивъ временно лирическому подъему, объясняемому настоящимъ моимъ одиночествомъ и значительностью переживаемыхъ дней!».

Послѣднія строки лѣтописца отца Іакова Кампинскаго переѣхали со страницъ ученической тетради на розовую ея обложку и заняли промежутокъ печатныхъ строкъ, утверждавшихъ, что въ верстѣ пятьсотъ саженъ, а въ сажени три аршина.

Дописавши, отецъ Яковъ довольно и не безъ хитрецы улыбнулся, крупно проставилъ число, мѣсяцъ и годъ, а на лицевой обложкѣ тетради подправилъ чернилами ея номеръ.

Былъ отецъ Яковъ аккуратенъ и любилъ во всемъ систему и порядокъ.

ПОДЪ НОВЫЙ ГОДЪ

Въ ночь подъ новый годъ въ селѣ Черкезовѣ, подъ Москвой, въ домикѣ учителя, собралось нѣсколько мо-

лодыхъ людей. Новогодній пиръ не отличался пышностью: студень съ хрѣномъ, картошка со сметаной и, вмѣсто шампанскаго, двѣ бутылки краснаго удѣльнаго номеръ двадцать два.

Хозяинъ, пожилой учитель, говорилъ:

— Нынче, товарищи, опасаться нечего. Подъ новый годъ обысковъ не дѣлаютъ, тоже, вѣдь, и охранники празднуютъ.

Гостей шестеро, въ томъ числѣ двѣ дѣвушки. Всѣ одѣты такъ, чтобы не очень выдѣляться изъ обычной рабочей толпы поселка, — и по всѣмъ лицамъ видно, что это не рабочіе. Больше всѣхъ похожъ на рабочаго парня тотъ, котораго называютъ то Алешей, то Оленемъ. Онъ — высокій, красивый блондинъ, съ лицомъ мужественнымъ и очень нервнымъ; къ нему, широкогрудому и стройному, кличка «Олень» очень пристала, и, повидимому онъ къ ней привыкъ. Меньше всѣхъ могъ бы сойти за пролетарія маленькаго роста еврей, съ обезображенными и исковерканными кистями обѣихъ рукъ; у него большіе, слегка на выкатѣ, удивленные глаза, рѣдкая бородка, слабый голосъ и острый, ядовитый язычекъ; его называютъ Никодимомъ Ивановичемъ, онъ — старый партійный работникъ, и всѣ знаютъ, что его руки обожжены взрывомъ, когда онъ завѣдывалъ эсеровской лабораторіей. Третій гость учителя — невеселый и задумчивый юноша Морисъ, студентъ, успѣвшій еще до московскихъ событій дважды посидѣть въ тюрьмѣ и освобожденный въ дни «свободъ». Четвертый гость — товарищъ Петрусь, студентъ-лѣсникъ, румяный, пріятный, веселый, общій любимецъ; въ дни ноября онъ, въ высокой папахѣ и съ револьверомъ въ рукахъ, единолично разгонялъ толпы черносотенныхъ демонстрантовъ: врывался въ середину толпы и кричалъ: «честные люди расходись, а жуликовъ пристрѣлю!». Стрѣлять ему не при-

ходилось, такъ какъ толпы разбѣгались, оставляя на снѣгу царскіе портреты и иконы Серафима Саровскаго. На эти свои подвиги Петрусь смотрѣлъ, какъ на легкій спортъ и забавное развлеченіе. Но въ декабрьскіе дни онъ такъ же весело валилъ фонарные столбы, заграждая путь семеновцамъ, и перестрѣливался съ ними изъ за слабаго прикрытія.

Одну изъ женщинъ, постарше, зовутъ Евгенія Константиновна. Она некрасива, но такъ родовита и барственна лицомъ, что никакой головной платокъ не превратитъ ее въ заводскую дѣвушку. По говору — не москвичка, такъ какъ говоритъ отчетливо «конечно и «скучно», а не «конешно» и «скушно», какъ полагается говорить москвичамъ; скорѣе всего — петербурженка, къ тому же привыкшая и къ иностраннымъ языкамъ. Другая, наоборотъ, похожа на молоденькую крестьянку, крѣпко сшитую, бойкую, но съ тѣмъ выраженіемъ ранней степенности, которая свойственна рязанскимъ дѣвушкамъ и бабамъ. Это — Наташа. Къ ней всѣ относятся съ особымъ вниманіемъ и нѣсколько подчеркнутой участливостью, потому-ли, что она младшая, или потому, что меньше всѣхъ похожа на заговорщика.

— Вы, Наташа, собственно, напрасно рискуете, — говоритъ Олень. — Вамъ и нѣтъ смысла и не нужно переходить на нелегальное положеніе.

— На квартирѣ я рискую больше; вы знаете, что у меня хранится въ комнатѣ?

— Это нужно завтра же ликвидировать. Кто нибудь къ вамъ явится и унесетъ.

Евгенія Константиновна говоритъ спокойно:

— Я завтра унесу. Только куда? Чистыхъ квартиръ больше нѣтъ, а къ себѣ я не могу.

— Придумаемъ. Я скажу вамъ куда. Вы только будьте осторожнѣе, Евгенія Константиновна!

Она подымаетъ брови: развѣ нужно давать ей совѣты?

Въ самые горячіе дни московскаго возстанія, она, всегда прекрасно одѣтая, въ дорогихъ мѣхахъ, не разъ доставляла «конфеты», изящно упакованныя коробочки съ ударными бомбами. Это сдѣлалось какъ бы ея основной спеціальностью. Однажды, у выходныхъ дверей большого дома она встрѣтилась съ молодымъ жандармскимъ офицеромъ, который бросился къ дверямъ, распахнулъ ихъ и придержалъ, пока элегантная дама выходила. Онъ былъ олицетвореніемъ офицерской любезности, и она подарила его благосклонной улыбкой. На улицѣ онъ нѣкоторое время, впрочемъ осторожно и почтительно, шелъ за ней. Она взяла извощика и уѣхала, держа коробочку на вѣсу, — чтобы не взорваться, если споткнется лошадь или подброситъ санки на снѣжной уличной колеѣ. Когда извощикъ пересѣкалъ Садовую улицу, неподалеку, у Красныхъ Воротъ, выпалило подвезенное солдатами орудіе, — такъ, вдоль улицы на всякій случай, картечью. Лошадь дернула, испуганный извощикъ еще подстегнулъ ее кнутомъ, и санки понеслись по ухабамъ запущенной въ эти дни улицы. Она откинулась, но руки со страшной коробочкой остались на вѣсу, надъ полостью саней, а пальцы крѣпко держали прочную веревочку. Когда отъѣхали подальше, извощикъ повернулся къ ней:

— Ну, барыня, и испужался я! Вотъ какъ палятъ въ матушкѣ-Москвѣ.

Она равнодушно спросила:

— А почему это стрѣляютъ?

— Кто-жъ ихъ знаетъ? Про то извѣстно начальству. А люди говорятъ: леволюція!

— Что это такое — леволюція?

— Господа бунтуютъ. А сказываютъ — и рабочіе недовольны. Дѣло не наше, мы — извощики.

Доставивъ коробочку въ условленное мѣсто, она вернулась домой, гдѣ ея дядя, генералъ, обрушился съ упреками за ея прогулки по неспокойной Москвѣ.

— Тебя могутъ случайно подстрѣлить!

— О, дядя, я осторожна. А почему вы дома? Вы не усмиряете мятежниковъ?

— Богъ миловалъ! Не доставало, на старости лѣтъ, воевать съ народомъ. Мы, къ счастію, избавлены, на это есть Семеновскій полкъ.

— А вы не сочувствуете мятежникамъ, дядя?

Ей, недавней институткѣ, дядя прощалъ любыя неразумныя слова. И теперь, онъ только потрепалъ ее по щекѣ:

— Я служу царю, моя милая! Надѣюсь, что и ты имъ не сочувствуешь.

И онъ добродушно разсмѣялся.

....

Олень говорилъ:

— Наташа, явочную квартиру придется пока оставить у васъ. Но не держите дома ничего, никакихъ бумажекъ, никакихъ адресовъ, и людей не собирайте. Какъ можно осторожнѣе! Ну, а вамъ, товарищи, необходимо на время изъ Москвы исчезнуть. Въ случаѣ чего — сноситесь черезъ Наташу.

— А ты, Алеша?

— Я останусь.

— Тебя заберутъ, тебя хорошо знаютъ по Прѣснѣ.

— Заберутъ — не заберутъ, а я сейчасъ уѣхать не могу, и говорить нечего. Живымъ меня не заберутъ.

Учитель сказалъ:

— Черезъ три минуты — Новый Годъ. Давайте, хоть вина выпьемъ, а ужъ потомъ договоримся обо всемъ.

Налили вина въ толстые стаканы. А, когда чокнулись и выпили, — на добрый часъ исчезли заговорщики и загнанные революцiонеры, и остались молодые люди, счастливые тѣмъ, что всѣ они еще на свободѣ и что въ ихъ средѣ двѣ милыя дѣвушки, одна строгая и немного чопорная, другая — совсѣмъ еще неоперившiйся птенчикъ революцiи, совсѣмъ дѣвочка, простая и ясноглазая.

— Вы, Наташа, пѣть умѣете?

— Я, по крестьянски, какъ у насъ въ Федоровкѣ. Хотите частушки?

— Спойте, Наташа.

Она встала, подбоченилась, выбила каблучками дробь:

Говорили про меня,
Што баловлива больно я.
Гдѣ-жъ мнѣ быть баловливой,
Строгiй папа у меня.

— Нѣтъ, у меня веселое не выходитъ. Давайте, споемъ хоромъ, я буду запѣвать.

Они спѣли сначала «Стеньку Разина», потомъ «Ой, у лузи», но хоръ составился плохо. Только Петрусь хорошо тянулъ теноромъ, а женскiй голосъ одинъ — Наташи.

— А вы не поете, Евгенiя Константиновна?

— Я не знаю русскихъ пѣсенъ. Меня учили романсамъ, да и то французскимъ.

Учитель посмотрѣлъ удивленно. Онъ зналъ Евгенiю Константиновну, какъ члена эсеровской партiи, и слыхалъ о необыкновенномъ ея хладнокровiи и выдержкѣ, — объ этомъ всѣ знали. Зналъ еще, что черезъ нее партiя получала свѣдѣнiя о настроенiи военныхъ круговъ и о составѣ московскаго гарнизона, который въ дни революцiи оказался малочисленнымъ и непрочнымъ, почему и были присланы въ Москву семеновцы. Но бiографiи ея

онъ не зналъ, какъ и большинство; не зналъ и ея настоящей фамиліи. Хорошо ее зналъ только Олень.

— Въ третьемъ часу ночи она встала:

— Ну, я пойду.

— Куда же? Нельзя такъ поздно; вы не доберетесь до города.

Она улыбнулась:

— Я доберусь. И не очень боюсь. У меня есть защита!

Вынула изъ простенькой сумочки револьверъ — маленькій «велодокъ» съ рукояткой, выложенной перламутромъ.

Учитель настаивалъ:

— Останьтесь, товарищи, до свѣта. Тамъ разбредетесь. А сейчасъ очень опасно.

Рѣшилъ Олень. Другіе привыкли ему подчиняться:

— Идемъ всѣ. До города — вмѣстѣ, въ городѣ по одиночкѣ. Новый годъ, да и ночь чудесная, снѣгъ идетъ — прогуляемся.

Мужчины были въ сапогахъ, женщины въ глубокихъ ботахъ. Вышли веселой гурьбой, и до края поселка провожалъ учитель.

Наташа потянула за рукавъ Оленя:

— Отстанемъ на минутку.

— Слушаю, Наташа, въ чемъ дѣло?

— Товарищъ Олень, я хочу вамъ сказать, что я рѣшила не возвращаться домой, къ отцу, въ Рязань. Онъ вызываетъ меня, но я не поѣду. И еще, что я рѣшила, если вы меня возьмете, пойти въ боевую организацію.

— Рано вамъ, Наташа! А затѣмъ — убивать и умирать не такъ просто.

— Убивать — да, а умирать просто. Ну, я вамъ все сказала, догонимъ ихъ.

Онъ задержалъ ее еще:

— Сколько вамъ лѣтъ, Наташа?

— Мнѣ? Двадцать, скоро двадцать одинъ. Развѣ революцію создаютъ старики? Вотъ и вы тоже молодой, и Петрусь, и большинство. Ну, это все. Когда будетъ нужно — вы вспомните.

МОЛОДОЖЕНЫ

У самаго подъѣзда, онъ напомнилъ ей, понизивъ голосъ:

— Не забывайте, Наташа, что вы — Вѣра, и называйте меня на ты. А я, конечно, Анатолій.

— Да-да.

— Ну, теперь идемъ. Кажется это — второй этажъ? Ты помнишь?

— Второй, дверь направо.

Отворила горничная:

— Пожалуйте. Я все приготовила, какъ сказали.

Они прошли въ гостиную, обставленную богато и безвкусно. Въ большомъ зеркалѣ отразились высокія фигуры: женщина, темная шатенка съ очень пріятнымъ лицомъ, въ кружевной накидкѣ и модной шляпкѣ, и ея мужъ, одѣтый съ иголочки, широкоплечій, бѣлокурый, здоровый, молодой.

— Васъ зовутъ Машей?

— Да, барыня.

— Вы давно служите, Маша?

— Три года. Когда наша барыня уѣзжаютъ, всегда меня оставляютъ здѣсь при квартирѣ.

— Мы переѣдемъ сегодня къ вечеру, Маша. Ужинать сегодня будемъ въ ресторанѣ, а съ завтрашняго дня дома.

— Слушаю.

Они осмотрѣли столовую, гдѣ было чисто прибрано и вся показная посуда выложена на буфетъ. Потомъ заглянули въ спальню съ большой постелью, высокимъ крутобокимъ комодомъ, огромнымъ зеркальнымъ шкапомъ. И здѣсь зеркало отразило ихъ лица: очень серьезное дѣловое лицо мужчины и немного смущенное — женщины.

— Хорошо, Маша, спасибо. Нужно будетъ кое-что докупить, мы этимъ послѣ займемся.

Собственно, докупать было нечего; скорѣе было бы можно убрать множество ненужныхъ предметовъ: скамеечки, пуфы, вазочки, безвкусныя картины.

— Постель приготовить, барыня? Я простынь не постлала.

Надо было сказать, что «мой мужъ любитъ спать на диванѣ», — но горничная смотрѣла на нихъ съ такимъ любопытствомъ и вниманіемъ, что Наташа не рѣшилась.

— Да, конечно, къ вечеру все приготовьте.

На столѣ въ кабинетѣ стоялъ громоздкій и ненужный письменный приборъ: высокая чернильница съ песочницей, разрѣзной ножъ, стаканъ для перьевъ, тяжелый пресбюваръ, пепельница, все сѣраго камня съ аляповатой бронзой. Наклонная лира съ гвоздиками — класть ручки и карандаши — и слишкомъ коммерческаго вида стойка для бумагъ. Для книгъ была небольшая этажерка, и на ней толстая телефонная книга и «Весь Петербургъ».

— Напомни мнѣ, Анатолій, купить чернилъ! И бумаги, конвертовъ.

Олень съ уваженіемъ посмотрѣлъ на Наташу: «какой она молодецъ, какъ славно себя держитъ! Какъ у нея хорошо вышло: «напомни мнѣ, Анатолій»...

Онъ на минуту присѣлъ въ мягкое кресло, похло-

палъ ладонью по колѣнкѣ и не зналъ, что нужно говорить.

— Тебѣ будетъ удобно тутъ заниматься?

— Да, ничего. Пойдемъ?

— Пойдемъ. Значитъ, Маша, до свиданья, до вечера. Мы пріѣдемъ часу въ восьмомъ.

— Слушаю, барыня.

Они вышли. До угла улицы молчали, потомъ онъ сказалъ:

— Да, немножко смѣшно. Ужъ очень парадно. Вы управитесь, Наташа?

— Управлюсь какъ нибудь. Только не забыть бы купить чаю, сахару, печенья, чего еще? Варенья? Вы варенье любите?

— Вѣроятно, люблю. И чернилъ.

— Да, и чернилъ. Мы будемъ покупать вмѣстѣ? Хотите, зайдемъ сейчасъ?

— Ну, что же. Только ужъ будемъ вообще на ты. Нужно привыкать. Вы — Вѣра, а я — Анатолій. А башмаки немного жмутъ. И почему я въ пальто — тоже неизвѣстно, и безъ него жарко. А вы все-таки удивительный молодецъ! Все знаете!

— Что я знаю? Что нужно сахару?

— Ну да, и вообще: настоящая барыня.

— Нѣтъ, я плохая хозяйка. Какъ я буду заказывать обѣдъ — прямо не понимаю. Дома мнѣ никогда не приходилось. Хотя, знаете, я умѣю приготовлять воздушный пирогъ. Ну, какъ нибудь обойдется.

Въ восемь часовъ они пріѣхали съ большими, новыми и слишкомъ легкими чемоданами. Одинъ, потяжелѣе, съ книгами. Онъ не зналъ, что купить, — и купилъ полное собраніе сочиненій Достоевскаго, нѣсколько сборниковъ «Знанья», и еще, по ея просьбѣ, поваренную книгу. Въ другомъ чемоданѣ были ея вещи, тоже новыя,

— три платья, немного бѣлья без ъмѣтокъ, коробка почтовой бумаги, туалетныя принадлежности, — много ненужнаго, чего у нея никогда не было, но что сейчасъ необходимо имѣть, чтобы казаться настоящей барыней. Коробка душистаго мыла, хорошій одеколонъ, пудра, духи. Ночныя туфли съ краснымъ помпономъ. Легкій капотикъ. Въ двухъ картонкахъ — новыя шляпы, одна красивая, другая безвкусная. Ему купили шляпу «панама», котелокъ, нѣсколько галстуковъ и тоже ночныя туфли. И самое смѣшное — халатъ съ пышными кистями. Въ халатѣ Олень никакъ не могъ себя представить.

— Сколько мы денегъ истратили!

— Это необходимо, Вѣра.

— Я знаю. Но жаль денегъ.

Костюмы, бѣлье, галстуки, башмаки — все было новенькое, только что изъ магазина. Совсѣмъ не было случайныхъ и старыхъ вещей, которыя сопровождаютъ каждаго — милыхъ, привычныхъ и подержанныхъ. Все было неношено, неудобно и ненужно.

Когда онъ протянулъ руку, чтобы снять чемоданы съ извощичьей пролетки, Наташа остановила его:

— Подожди. Мы вышлемъ взять вещи Машу, а ей поможетъ дворникъ. Она знала лучше, и онъ подчинился. Дворникъ, получивъ хорошо на чай, рѣшилъ, что господа стоющіе. По ихъ паспортамъ узналъ, что изъ купцовъ, тамбовскіе, мужъ съ женой, по фамиліи — Шляпкины.

Пили чай съ вареньемъ, и, пока входила Маша, разговаривали мало. Олень чувствовалъ себя не столько «бариномъ», сколько гостемъ. Въ одинадцатомъ часу Маша ушла спать, получивъ на завтра не вполнѣ точныя, но толковыя распоряженья. Видимо, господа ѣдятъ просто — супъ, телятина, компотъ. Изъ закусокъ велѣли купить вареную колбасу и сардинки. Въ запасъ — мас-

ло, вермишель, уксусъ, картошку — какъ обычно. Маша напомнила, что еще нужно соли, горчицы, перцу и кореньевъ. Барыня сказала: «ну, конечно!» и выдала денегъ на расходы. Ни водки, ни вина. Баринъ не пьетъ, а гостей не ждутъ; можетъ быть потомъ сами купятъ.

Когда они остались одни, оказалось, что разговаривать стало еще труднѣе; однако, нужно многое рѣшить.

Они, Вѣра и Анатолій Шляпкины, молодожены. Впрочемъ, по паспорту, женаты уже второй годъ.

— Кажется — все ладно?

— Вы удивительны, Наташа. Такая образцовая хозяйка!

— Только, не «Наташа» и не «вы».

— Да, правда. Ты, Вѣра, совсѣмъ, молодецъ.

— Нѣтъ, я не молодецъ. Я все никакъ не могу по настоящему войти въ роль; я, напримѣръ, забыла, что для супа нужны коренья?

— Какъ, коренья?

— Ну тамъ морковь, сельдерей. Хозяйство — пустяки, хотя я не умѣю шиковать. Вѣдь мы, въ Рязани, скромно жили.

— Это все же нужно, особенно передъ прислугой. Вотъ вы заказали телятину, а, пожалуй, правильнѣе индѣйку или тамъ рябчиковъ, я не знаю.

— Пустяки. Я сказала Машѣ, что мы любимъ ѣсть просто, а по пятницамъ всегда постное.

— Ну? Вотъ это ловко! Это правильно. Это прямо замѣчательно!

— А какъ теперь дальнѣйшее?

— Что дальнѣйшее? Спать — и все; утро вечера мудренѣй.

— Видите... видишь, Анатолій, а какъ, напримѣръ, спать?

— А что?

— Да вѣдь спать придется въ спальнѣ?

— Конечно. Ахъ да...

— Мнѣ неловко при васъ раздѣваться.

— Это же вздоръ, пустяки. Будьте выше этого, Наташа!

— И вздоръ, и не вздоръ. Какъ то неудобно. Что-нибудь нужно придумать. Вы не можете спать въ кабинетѣ?

— Мнѣ то все равно. Только... пожалуй неудобно передъ прислугой. Тамъ и не постлано...

Они задумались — и думы ихъ были сходны. Нужно роль играть до конца, — а какъ ее играть до конца? То есть, конечно, только для виду!

— Вотъ, что, Наташа...

— Не Наташа, а Вѣра, нужно привыкнуть.

— Да, конечно, Вѣра. Вотъ... ты иди и ложись спать. Ложись, какъ слѣдуетъ. А я могу спать въ кабинетѣ, даже не раздѣваясь. Мнѣ это совершенно безразлично, я привыкъ.

— Но нельзя же всегда такъ! И кромѣ того, эта дѣвушка, эта Маша, встаетъ очень рано. Она должна прибрать комнаты. Да и ночью она можетъ случайно встать и прійти сюда.

— Это правда.

Они говорили тихо, почти шепотомъ, и сидѣли близко другъ къ другу. Увидавъ его растерянное лицо, Наташа весело разсмѣялась.

— Слушай, знаешь что, не довольно ли намъ говорить о такихъ глупостяхъ? Вотъ нашли трудность!

— Мнѣ то не трудно, но я о тебѣ...

— Вотъ что, я пойду и лягу въ постель. Разъ нужно, такъ и нужно. А вы приходите позже, потушите свѣтъ и тоже какъ нибудь ложитесь. Если намъ стыдно другъ-

друга, можно не раздѣваться совсѣмъ. А утромъ я перетрясу постель, будто бы мы спали.

— Да, такъ хорошо.

— Ну и все, стоитъ объ этомъ разговаривать.

Опять въ спальнѣ ее увидѣло зеркало. Ей было двадцать лѣтъ, и съ дѣтства она любила парное молоко. Она не была красива, но была здоровой и замѣтной дѣвушкой.

Присѣвъ на край постели, она сняла туфли и сунула ноги въ новенькія спальныя. Потомъ подумала, скинула платье и сняла чулки. На открытой простынѣ лежала приготовленная Машей рубашка. Наташа надѣла ее и вспомнила, что купила ночныя кофточки, какихъ никогда не употребляла. Въ кофточкѣ было жарко, а тутъ еще одѣяло. Но ничего не подѣлаешь. Затѣмъ она расчесала и заплела въ двѣ косы свои прекрасные волосы. Теперь она была красива и привлекательна — и это было глупо и совсѣмъ не нужно. Легла окончательно и расправила складки легкаго одѣяла, чтобы оно не облегало ея тѣла. Послѣ, ночью, можно будетъ немного откинуть одѣяло, а утромъ, когда посвѣтлѣетъ, опять его натянуть. Какъ все это глупо!

День былъ трудный, Наташа устала. Свѣтъ тушился съ ея стороны, — но она его оставила. Можно потушить потомъ, когда онъ придетъ. Крикнула:

— Можно, Анатолій!

Онъ вошелъ, бѣлокурый, смущенный. Наташа подумала:

— Вотъ такъ входятъ къ новобрачной, а, впрочемъ, вѣроятно, совсѣмъ не такъ.

Олень взглянулъ на нее бѣгло, съ доброй улыбкой:

— Вотъ и правильно. Можете свѣтъ потушить, я и такъ лягу.

Свѣтъ потушили. Слышно было, какъ онъ снялъ башмаки, пиджакъ. Затѣмъ онъ легъ поверхъ одѣяла.

— Да, я забылъ запереть дверь на ключъ.

Мягко ступая, подошелъ къ двери, заперъ и вернулся, тяжело опустившись на большую и мягкую двуспальную кровать.

Она хотѣла сказать, что вѣдь есть туфли и что онъ могъ бы раздѣться и надѣть халатъ, это удобнѣе, — но промолчала. Сегодня какъ нибудь, а послѣ что-нибудь придумается.

Съ минуту они лежали молча. Потомъ онъ спросилъ:

— Вамъ, Наташа, спать очень хочется?

— Нѣтъ.

— Тогда поговоримъ. Вы, дорогая, будьте проще и о пустякахъ не безпокойтесь. У насъ много серьезнаго. Я вамъ разскажу, о чемъ мы говорили съ Петрусемъ. Вы знаете — онъ уже устроился газетчикомъ.

— Удачно?

— По моему — удачно. Онъ — ловкій парень, настоящій артистъ. И, знаете...

— Не говорите такъ громко; кто ее знаетъ, эту Машу.

— Да, правда.

Повернувшись другъ къ другу, они долго шептались. Утомленіе подкралось незамѣтно, и надъ ними опустилась молчаливая и цѣломудренная ночь.

ОДНА

Наташа одна дома. Впрочемъ, теперь она не Наташа, а молодая купеческая жена Вѣра Шляпкина, пріѣхавшая съ мужемъ пожить въ Петербургѣ.

Дождливый петербургскій вечеръ. Еще не осень, но уже чувствуется, что лѣту конецъ. Наташа сидитъ въ гостинной своей неуютной квартиры и читаетъ «Тьму» Леонида Андреева.

Въ этомъ странномъ разсказѣ революціонеръ, которому негдѣ переночевать, попадаетъ въ публичный домъ; но онъ, какъ служитель и исповѣдникъ высокой идеи, не хочетъ «пасть». Его чистотѣлость и брезгливость оскорбляетъ и унижаетъ дѣвушку, одну изъ тѣхъ несчастныхъ, ради которыхъ, какъ вообще ради всѣхъ нсечастныхъ и обездоленныхъ жертвуютъ собой революціонеры.

Иными словами — «нельзя быть хорошимъ», позорно выдѣлять себя изъ общей массы грязныхъ, грѣшныхъ, ничтожныхъ людей! Подло оставаться въ ихъ средѣ ангеломъ въ свѣтлыхъ ризахъ!

Значитъ, что же? Значитъ нужно самому опуститься на дно, и лишь потомъ, по праву равнаго, пытаться пересоздать жизнь и уничтожить это дно? Иначе случится то, что случилось съ героемъ разсказа Андреева:. дно, оскорбленное высокомѣріемъ незваннаго спасателя, выдало его врагамъ; оно отвергло протянутую руку въ бѣлой перчаткѣ.

Что въ этомъ есть какая то правда — Наташа чувствуетъ: въ бѣлыхъ перчаткахъ революціи не сдѣлаешь; минувшій годъ доказалъ это лишній разъ. Но есть и другая правда, за которую уже многіе положили свою жизнь: правда чистыхъ, высокихъ идеалистовъ, отрекшихся отъ благъ личной жизни, ради блага общ'аго, и тѣмъ окруживших самую идею революціи ореоломъ святости и красоты.

Разобраться въ этомъ трудно, а нужно разобраться. Пока одни пытаются найти отвѣтъ — другіе дѣйствуютъ. Таковъ, напримѣръ, Олень. Онъ не тратитъ часовъ

и дней на теоретическіе споры и разсужденія; ежеминутно рискуя головой, онъ готовитъ страшный ударъ власти, съ которой борется, зная, что при этомъ могутъ погибнуть люди, ни въ чемъ неповинные. Онъ слѣдуетъ приказу своей совѣсти, не позволяя себѣ лишнихъ разсужденій. И онъ имѣетъ на это право, потому что всегда готовъ быть первой жертвой и за все понести отвѣтственность.

Сегодня у Оленя свиданье съ членами его боевой группы, которыхъ было бы неосторожнымъ позвать сюда. Можетъ случиться, что Олень не вернется, что чья нибудь оплошность, а то и предательство, погубятъ и его, и все дѣло. Тогда сразу разрушится и этотъ временно созданный бытъ, и вмѣсто мягкаго кресла будетъ тюремная койка, а затѣмъ каторга или казнь.

Второй мѣсяцъ Наташа живетъ вдвоемъ съ Оленемъ, — а знаетъ ли она его? Кажется, все-таки, знаетъ. Но кто онъ для нея? Товарищъ? Мужъ? Съ тѣхъ поръ, какъ они окончательно «вошли въ роль», а это случилось какъ-то ужъ очень просто, безъ долгихъ раздумій и объясненій, словно бы — ради простоты и удобства, — строй ихъ жизни, въ сущности, не измѣнился. Стало проще передъ горничной Машей — и это все. Жить чувствомъ имъ некогда — инымъ переполненъ ихъ странный бытъ. На Оленѣ лежитъ вся тяжесть революціонной работы, вся техника, весь рискъ, а она ему помогаетъ. Онъ — настоящій вождь и начальникъ. Другого такого Оленя нѣтъ, — такого цѣльнаго, сильнаго, несомнѣвающагося, умѣющаго вдохновлять другихъ и думать за нихъ. Погибнетъ онъ — и все погибнетъ; и Наташа, и всѣ товарищи это понимаютъ.

Именно вождя и вѣрнаго товарища она въ немъ и любитъ, — хотя онъ умѣетъ быть ласковымъ и нѣж-

нымъ. Она узнала его въ Москвѣ, на Прѣснѣ, въ дни возстанія. Потомъ, подъ новый годъ, въ селѣ Черкезовѣ, она сказала ему, что готова пойти за нимъ въ терроръ. До весны они почти не встрѣчались, такъ какъ Олень скрывался и готовилъ новое выступленіе. Затѣмъ произошелъ знаменитый «эксъ», вооруженное ограбленіе московскаго банка; только Олень могъ рѣшиться на такой шагъ, вызвавшій осужденіе партійныхъ моралистовъ, которые, впрочемъ, не отказались принять отъ него часть добытыхъ имъ денегъ. Эти деньги были отданы на помощь сидѣвшимъ въ тюрьмахъ, на устройство побѣговъ изъ ссылки и на подготовку дальнѣйшей борьбы. Затѣмъ, весной, когда полиція усиленно искала Оленя, онъ однажды пришелъ къ Наташѣ, почти безъ грима, только слегка зачернивъ волосы и въ темномъ пенсне. Она устроила ему ночлегъ у знакомыхъ на подмосковной дачѣ. А послѣдняя ихъ встрѣча была въ первомайскій день въ сосновомъ лѣсу, — въ день весенній, очень памятный и очень страшный.

Это былъ сборъ остатковъ разбитой арміи, подсчетъ силъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, — маевка для рабочихъ. Въ чудесный солнечный день собрались въ лѣсу. Мѣсто сбора не было точно указано, но былъ данъ пароль, по которому человѣкъ съ букетомъ подснѣжниковъ, сидѣвшій на травѣ, на опушкѣ лѣса, показывалъ тропинку къ отдаленной полянѣ. Собралось человѣкъ тридцать, и среди нихъ оказался Олень. Когда начались рѣчи, кто то замѣтилъ, что двое рабочихъ никому не извѣстны. Ихъ опросили, и они сказали, что попали на собраніе случайно, гуляя по лѣсу. «Видимъ какъ бы митингъ, ну и подсѣли послушать, что говорятъ ораторы». Ихъ обыскали — и убѣдились, что это — крупные агенты московской охранки. Что было съ ними дѣлать? Они слишкомъ многое услыхали и видѣли всѣхъ! Отпустить ихъ — зна-

читъ погубить всѣхъ, кто были на маевкѣ. У революціонеровъ нѣтъ тюремъ для плѣнныхъ.

И вотъ тутъ сказалось то, что Олень называлъ интеллигенщиной. Революціонеры умѣютъ бросать бомбы и умирать на баррикадахъ; но разстрѣливать взятыхъ въ плѣнъ они не умѣютъ. Одно — нападеніе, другое — казнь. Быть палачемъ, убить связаннаго, — на это силъ не хватаетъ.

Олень сказалъ:

— Вотъ что, товарищи, такихъ вопросовъ не обсуждаютъ. Прошу васъ всѣхъ скорѣе разойтись, и не толпой, а разными дорогами, лучше по одиночкѣ. А я останусь здѣсь. Только... можетъ быть хоть двое останутся со мной на время, чтобы рѣшить...

Наташа видѣла общую растерянность. Никто не отозвался, всѣ спѣшно и молча двинулись, кто по дорогѣ, кто въ глубь лѣса. Тогда она подошла къ Оленю:

— Я могу остаться съ вами.

Онъ взглянулъ на нее и рѣзко отвѣтилъ:

— Уйдите! Уходите отсюда!

Наташа видѣла, какъ дергалась щека Оленя и какое презрѣніе было въ его глазахъ. Неужели никто не останется съ нимъ?

Новый рѣзкій окрикъ Оленя:

— Слышите? Уходите немедленно. Вамъ тутъ нечего дѣлать!

Она не смѣла ослушаться и пошла за всѣми. Отойдя шаговъ сто вглубь лѣса, обернулась. Было видно сквозь деревья, какъ въ прежней позѣ стоитъ Олень, а подлѣ него лежатъ связанные люди. Олень словно ждалъ, что она оглянется — и нѣсколько разъ злобно махнулъ рукой въ ея сторону: «идите»!

Уже никого не было видно, всѣ разбѣжались. Она шла, но все замедляла шагъ и прислушивалась. Минутъ

черезъ десять до нея донеслись револьверные выстрѣлы. Тогда, не выдержавъ больше, она пустилась бѣжать.

На другой же день прочла въ газетахъ, что въ лѣсу, подъ самой Москвой найдено двое связанныхъ и застрѣленныхъ людей; одинъ оказался мертвымъ, другой тяжело раненымъ; надѣются, что его можно спасти.

Какъ и большинство бывшихъ на маевкѣ, она бросила свою комнату и была вынуждена скрыться. Съ большимъ трудомъ ей удалось установить связь съ Оленемъ. Она послала ему короткую записку:

«Готова быть, гдѣ укажете. Наташа».

Она получила его устный отвѣтъ черезъ одного изъ участниковъ группы; Олень просилъ ее прiѣхать въ Петербургъ и явиться по условленному адресу. Ей было поручено отвезти въ Петербургъ большую сумму денегъ, добытыхъ при «эксѣ». Наташа выѣхала немедленно.

Съ того дня, со страшнаго перваго мая, жизнь перестала быть реальной. День смѣнялся днемъ, темныя московскiя ночи смѣнились бѣлыми петербургскими, — но въ сознанiи все это отражалось не ясно.

Она нашла въ Петербургѣ Оленя въ подавленномъ состоянiи; онъ не могъ простить себѣ ошибки: «другой тяжело раненъ». Онъ взялъ на себя всю отвѣтственность и всю тяжесть ужаснаго дѣла, — и оказалось, что его рука недостаточно тверда. Теперь этотъ «другой» настолько оправился, что уже даетъ показанiя слѣдователю. Тогда зачѣмъ было убивать перваго и калѣчить этого «другого»! Но Олень не говорилъ объ этомъ Наташѣ, — онъ вообще не вспоминалъ о московскихъ дѣлахъ. Только подергиванiя скулы стали чаще, и онъ съ трудомъ ихъ сдерживалъ.

Въ Петербургъ перебрались постепенно и другiе члены московской боевой дружины Оленя; группа пополнилась и здѣшними. Пока не было ни слѣжки, ни про-

валовъ, и нужно было торопиться дѣйствовать. Основная задача — центральный терроръ. Если онъ не возможенъ, то пока хотя бы такой крупный актъ, который потрясъ бы правительственные ряды и взволновалъ бы всю Россію. И, главное — скорѣе, пока на лицо и силы, и средства.

Была въ корнѣ измѣнена прежняя система конспираціи, смѣшная и кустарная. Теперь члены группы встрѣчались въ отдѣльныхъ кабинетахъ шикарныхъ ресторановъ, одѣвались у хорошихъ портныхъ, не жалѣли денегъ на добываніе вѣрныхъ паспортовъ. Въ Финляндіи была поставлена динамитная мастерская, въ Петербургѣ снято нѣсколько большихъ и хорошо обставленныхъ квартиръ. Въ одной изъ нихъ, по паспорту молодыхъ супруговъ, поселились Олень и Наташа.

Теперь жизнь была непрерывнымъ спектаклемъ, блестящимъ циркомъ, въ которомъ акробаты ежеминутно рискуютъ ошибиться въ математическомъ разсчетѣ своего воздушнаго полета — и разбиться на смерть. Внизу нѣтъ спасительной сѣтки, и ошибка на дюймъ равносильна концу.

Въ этой страстной борьбѣ была забыта Москва и вообще исчезло прошлое. Жизнь отъ сегодня — до завтра. Лишняя минута — выигрышъ. Въ полуснѣ — любовь, если это любовь. Странно — каждый день ѣсть супъ, рыбу, салатъ, фрукты, можетъ быть за часъ до смерти, — но сильнымъ тѣламъ нужна пища. И нужна любовь — если это любовь.

И Наташа думаетъ:

— Вотъ, если бы въ деревнѣ, на берегу Оки, въ сытномъ духѣ зрѣющей ржи, или въ теплую ночь, — а этотъ дождь и тревожное ожиданіе были бы только

сномъ. Встряхнуть головой — и все бы исчезло. И если бы тамъ былъ со мной Олень, круторогій и сильный...

Тогда — это была бы, вѣроятно, настоящая любовь.

«ИЛЛЮЗІОНЪ».

Некрасивая дѣвушка съ веснушчатымъ лицомъ и жидкими прямыми волосами вошла въ вагонъ второго класса; она могла бы ѣхать и въ третьемъ, если бы не имѣла, по обыкновенію, важнаго порученія, вынуждавшаго ее ѣхать съ удобствами. Она ни на минуту не выпускала изъ рукъ небольшого чемоданчика, хотя въ немъ было только мыло въ жестяной коробкѣ, зубная щетка, полотенце, чистый кружевной воротничекъ и подушка-думка въ бѣлой наволочкѣ. Еще, впрочемъ, коробочка съ мятными конфетами и — дань женственности — крошечный флаконъ духовъ «Иллюзіонъ».

Едва усѣвшись въ вагонѣ, она вынула этотъ флаконъ, извлекла изъ него притертую пробку со стеклянной палочкой, слегка смочила духами платокъ и положила флаконъ обратно. Сидѣвшая напротивъ дама повела носомъ и недовольно отвернулась. Духи были очень сильные, а въ вагонѣ и безъ того душно. Дама подумала:

— Для кого она старается? Такая морда!

Когда поѣздъ тронулся, въ купе оказалось трое: прибавился еще мужчина, по виду — торговый комиссіонеръ. Плотно усѣвшись, онъ тоже повелъ носомъ: сильно пахло духами и еще чѣмъ то прянымъ и непріятнымъ.

Ѣхать пришлось ночь. Дама вынула легкій пледъ и большую пуховую подушку и заняла весь диванъ. Мужчина приподнялъ верхнюю койку, грузно залѣзъ, обнаруживъ толстые нитяные носки, и, покашливая, разлегся

съ удобствомъ. Дѣвушка, для которой освободилась нижняя скамейка, вынула изъ чемодана свою думку и, убѣдившись, что дама лежитъ къ ней спиной, опять извлекла флакончикъ и обтерла стеклянную пробку о наволочку подушки. Снова ѣдкій ароматъ духовъ «Иллюзіонъ» наполнилъ купе. Лежавшій на верхней койкѣ завозился и уткнулся въ сложенный подъ головой пиджакъ. Затѣмъ, дѣвушка легла, пригнувъ колѣнки и закрывъ юбкой ноги.

Всѣ трое дремали, и всѣ трое страдали отъ духоты и сладкаго запаха. Нѣсколько разъ за ночь мужчина закуривалъ — и какъ будто отъ табачнаго дыма ему становилось легче. Каждый разъ, когда чиркала спичка, дѣвушка пугливо приподымалась и подбирала подъ себя маленькую подушку.

Ей дремалось всѣхъ тревожнѣе: у нея кружилась голова. Кромѣ того ей было неудобно лежать, и она все время поправляла и одергивала неуклюже сидѣвшую на ней кофточку, которая сползала и топорщилась. Дѣвушка задыхалась отъ жары и отъ неудобной одежды, часто кашляла въ кулачокъ, выходила въ корридоръ подышать воздухомъ и снова пыталась заснуть.

На финляндской границѣ, въ Бѣлоостровѣ, по вагону прошелъ жандармъ, затѣмъ, одинъ за другимъ, нѣсколько штатскихъ. Когда къ купе приближались шаги, дѣвушка закрывала глаза и притворялась спящей.

Въ Петербургъ прибыли благополучно и въ срокъ. При выходѣ даму пригласили въ особую комнату для осмотра багажа, а на дѣвушку не обратили вниманія.

Вотъ и еще разъ она выполнила свою обычную миссію. Взявъ извозчика, она велѣла ѣхать на Васильевскій Островъ, сошла на углу 10-й линіи, прошла пѣшкомъ двѣ улицы, убѣдилась, что герань на окнѣ повернута

цвѣткомъ въ лѣвую сторону, вошла въ подъѣздъ и позвонила.

— Никого не завезли, Фаня?

— Никого. На улицѣ пусто. Здравствуйте.

— Много привезли?

Она передала подушечку, оказавшуюся тяжелой, затѣмъ, отвернувшись, стала разстегивать кофту.

— Не смотрите сюда.

— Ладно, ладно, я не смотрю.

Стѣсняясь, она сняла съ себя что то вродѣ плотнаго жилета, тяжелаго и неуклюжаго. Къ тѣлу онъ прилегалъ резиновой стороной, а снаружи былъ простеганъ прочными шнурами. Когда снимала, протаскивая его черезъ разстегнутую кофту, — въ лицо ей пахнуло удушливымъ теплымъ запахомъ, смѣсью эфира и карболки. Снявъ — радостно потянулась.

— Надышались, Фаня?

— Ужасно! Особенно тяжело было ночью. Мнѣ все казалось, что щиплетъ тѣло.

— Чему щипать? Вѣдь подкладка резиновая.

— И все-таки казалось. А, главное, — согнуться невозможно, какъ въ латахъ. Ну, ничего.

— Голова не болитъ?

— Она всегда немножко болитъ, но я привыкла. Вотъ только тошнитъ.

— Вамъ бы теперь прогуляться и провѣтриться. Или въ банѣ попариться — вотъ хорошо! Мелинитъ — вредоносная штука! Что то вы все кашляете?

— Ничего. Я вообще кашляю. И въ вагонѣ дуло.

— Нѣтъ, это не годится. Надо бы васъ кѣмъ-нибудь замѣнить.

— Некѣмъ. Да и не нужно. Я привыкла, а другому будетъ трудно. И я — незамѣтная.

Она вправду была незамѣтной: низенькая, невзрач-

ная, съ худымъ лицомъ. Теперь, снявъ тяжелый жилетъ, стала совсѣмъ тоненькой, и ея помятая кофточка собралась въ складки.

— Ночуете въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, я въ двѣнадцать ѣду обратно. Хотѣлось бы поспать, да ужъ лучше я пройдусь, времени всего два часа.

— Ну, какъ хотите. Да будьте осторожны!

Ужъ она ли не осторожна! Въ пятый разъ привозитъ изъ Финляндіи мелинитъ и динамитъ, дышетъ имъ цѣлую ночь, отравляетъ себя черезъ легкіе и черезъ поры своего худенькаго тѣла, — и даже слѣжки ни разу за ней не было. Дѣлаетъ дѣло маленькое, но очень важное и отвѣтственное. Никого не видитъ, кромѣ двоихъ товарищей, — того, который передаетъ ей посылки въ Гельсингфорсѣ, и вотъ этого, который ихъ принимаетъ здѣсь. Больше ни съ кѣмъ она видѣться не должна; она даже и не знаетъ почти никого, и не хочетъ знать, хотя могла бы. Настоящихъ героевъ она не видитъ, только слыхала имена нѣкоторыхъ. И впредь будетъ такъ же, если только здоровье позволитъ ей и дальше быть маленькой участницей великаго дѣла.

Робко спрашиваетъ:

— Нужно еще привозить?

— Еще два раза по стольку же. Вы тамъ скажите, Фаня. И поскорѣе, хотя не хорошо вамъ часто ѣздить.

— Хорошо, я скажу. До свиданья, товарищъ Максимъ.

— До свиданья, Фаня. Кланяйтесь, скажите, что пока все идетъ ладно.

— Я скажу.

Вотъ и онъ, должно быть, такой же, изъ незамѣтныхъ, хотя, конечно, не ей чета. Онъ долженъ знать

больше. Хотѣлось бы поговорить съ нимъ, а нельзя. Даже, если онъ и захотѣлъ-бы самъ — все таки, нельзя.

Выйдя, она тихонько оглядывается и повертываетъ въ первый переулокъ. Потомъ еще дѣлаетъ нѣсколько поворотовъ, на всякій случай, прежде, чѣмъ выйти къ мосту на Петербургскую сторону. Съ Тучкова моста она долго смотритъ на воды Малой Невы, радуется прохладѣ и старательно, и потому что это пріятно, и потому что это нужно, дышитъ чистымъ рѣчнымъ воздухомъ. Вспоминаетъ, что съ утра ничего не пила и не ѣла. Нужно будетъ зайти въ кондитерскую, и тамъ можно себѣ позволить и кофе со сливками и два, три, четыре сладкихъ пирожныхъ.

Ей велѣли хорошо ѣсть и хорошо одѣваться, и вообще держать себя такъ, будто она никогда не знала нужды. Быть по виду буржуазной! Другіе такъ и поступаютъ, даже иногда кутятъ по настоящему. Но имъ это необходимо въ цѣляхъ конспираціи, а ей непривычно и не нужно. Такъ лучше.

Все-таки, выйдя изъ кондитерской, она заглядывается на витрины магазиновъ. Новую кофточку нужно бы купить, или хотя бы новый твердый воротничекъ къ блузкѣ. И еще она давно рѣшила купить новую шляпу съ большими полями, чтобы и лицо закрыть и вообще измѣнить внѣшность — давно пора! Старая шляпка могла приглядѣться шпикамъ за частыя ея поѣздки. Она холодѣетъ при мысли, что вотъ — зайдетъ и купитъ дорогую синюю шляпу съ лентами, падающими на спину! Денегъ ей дали много, — но хорошо ли тратить деньги на роскошь? И она уходитъ отъ соблазна: еще разъ можно проѣхать въ старой, а купить что-нибудь подешевле въ Финляндіи, для новой поѣздки.

До часа отхода поѣзда, усталая и неспавшая, она бродитъ по улицамъ со своимъ чемоданчикомъ. Встрѣ-

чаются молодыя и веселыя лица, женщины въ дорогихъ свѣтлыхъ нарядахъ, мужчины съ дерзкими глазами. И дѣти, которыхъ она такъ любитъ, — а у нея не будетъ, конечно, ни мужа, ни дѣтей. Какъ и другихъ, ее ждетъ арестъ и, можетъ быть, ранняя смерть. И тогда узнаютъ ея имя, и ея маленькое участіе въ важномъ дѣлѣ будетъ отмѣчено въ исторіи революціи. Вотъ и оправданіе жизни!

У самаго вокзала она покупаетъ въ дорогу пакетикъ смородины. Днемъ ѣхать еще жарче, и теперь можно третьимъ классомъ. Зато не придется душиться изъ флакончика.

Когда она въ толпѣ проходитъ черезъ вокзалъ, человѣкъ въ коричневомъ пиджакѣ и грязноватомъ воротничкѣ толкаетъ въ бокъ другого:

— Эту вотъ, жидовочку, который разъ вижу. Все взадъ-впередъ ѣздитъ.

— Ту, съ чемоданомъ?

— Ну да. Главное — жидовочка.

— Можетъ быть, дачница?

— Нѣтъ, все съ дальнимъ поѣздомъ.

— Понаблюдай. Только одѣта плохо, а они теперь больше рядятся подъ господъ.

— Какъ нибудь, вещи бы осмотрѣть, какъ опять пріѣдетъ.

— Ты скажи.

Мимо проходитъ высокаго роста господинъ съ перекинутымъ черезъ руку пальто на шелковой подкладкѣ. Рыжій пиджакъ опять толкаетъ сосѣда:

— Видѣлъ?

— Вижу. Ступай, скажи Земскому, чтобы принялъ.

— Онъ на платформѣ?

— Тамъ. Гони живо!

И рыжій, расталкивая толпу, спѣшитъ на платформу.

ВЪ ВЫСОКОМЪ УЧРЕЖДЕНІИ

— Портфельчикъ потрудитесь оставить здѣсь.

Отецъ Яковъ замялся:

— А у меня тутъ бумаги. Въ сохранности ли будетъ?

— Помилуйте, батюшка, въ полной сохраности! Это только правило такое, чтобы съ собой не брали ни палокъ, ни зонтиковъ, никакихъ пакетовъ.

Принимая портфель отца Якова, молодой человѣкъ, очевидно — помощникъ швейцара, подмигнулъ глазомъ и тихо сказалъ:

— У васъ то, батюшка, у лица духовнаго, ничего нѣтъ, а вѣдь другой человѣкъ мало ли что пронесетъ въ залу. Можетъ непріятность выйти!

— Разумно, разумно, — сказалъ отецъ Яковъ и подошелъ къ зеркалу расправить бороду. Расчесывая ее гребешкомъ, подумалъ:

— Можетъ быть, какихъ револьверовъ опасаются. Оно — предосторожность не лишняя.

И сразу стало и интересно и лю-бо-пытно! Въ Государственной Думѣ этого нѣтъ, тамъ проще. Тамъ народъ бывалый, да и толпа густа. А здѣсь — и пышность и благолѣпіе, ну и осторожность. Люди большіе — Государственный Совѣтъ! И министры, и бывшіе министры, и будущіе минстры, коли ихъ Богъ доведетъ и сподобитъ.

Подошелъ опять къ швейцару:

— А я въ томъ портфельчикѣ забылъ свой билетикъ, свой пропускъ.

— Да вѣдь ужъ предъявляли внизу, ваше священ-

ство, больше не потребуется. Извольте, — достаньте сами.

Отецъ Яковъ распахнулъ пошире портфель, чтобы видно было, что тамъ нѣтъ ничего неблагоразумнаго, досталъ «билетикъ» и вернулъ портфель.

— Все таки, на случай, буду имѣть при себѣ.

— Какъ угодно.

По широкой лѣстницѣ поднялся въ мѣста для публики, которой сегодня было мало, больше дамы, очень хорошо одѣтыя. Были еще какіе то старички, а неподалеку отъ мѣста отца Якова — молодая парочка: онъ — высокій, бѣлокурый, въ глазу монокль, она — подъ стать, тоже высокая и здоровая, очень молодая, шатенка, въ черномъ платьѣ, лицо простое и серьезное.

Отецъ Яковъ присмотрѣлся:

— Гдѣ то видалъ эту молодицу. А кто съ ней — того не примѣчалъ. Хорошая чета, и молоды, и солидны.

Осмотрѣлся кругомъ — все люди приличные. Есть, впрочемъ, и изъ усачей, то ли военные въ штатскомъ, а то изъ наблюдателей. Понятно: охраняютъ. И опять перевелъ глаза на молодую даму.

— Похоже — не дочка ли рязанскаго доктора? Лицо ея, да ужъ очень парадно одѣта.

Подумавши, пересѣлъ поближе, поправилъ складки лиловой рясы, пригладилъ ладонью бороду и обратилъ лицо къ парочкѣ. Легонько кашлянулъ — и дама повернулась къ нему. Отецъ Яковъ опять кашлянулъ и сказалъ:

— Очень роскошное помѣщеніе. Тоже пришли послушать? Конечно, — лю-бо-пытно!

Господинъ съ моноклемъ покосился, а дама спокойно отвѣтила:

— Да, интересно.

— Родственниковъ имѣете среди членовъ Совѣта,

или такъ? Потому, извините, спрашиваю, что знавалъ одного члена по выборамъ, рязанскаго доктора, а вы мнѣ его дочку напоминаете.

Лицо бѣлокураго господина дрогнуло, и монокль повисъ на шнуркѣ. Дама покраснѣла, затѣмъ рѣшительно повернулась къ священнику:

— Въ Рязани? Нѣтъ, вы, батюшка, ошиблись. А какой это докторъ?

— Калымовъ, Сергѣй Павловичъ. Прекрасный врачъ, всѣми уважаемый, и человѣкъ почтеннѣйшій. Значитъ, ошибся, прошу извинить. Часто бываетъ у людей сходство до поразительности. А я у нихъ бывалъ въ домѣ. Не часто, а бывалъ проѣздомъ.

— Не знаю. А вы, значитъ, не здѣшній, батюшка?

— Я — россійскій, повсюду катаюсь. Въ этомъ же высокомъ учрежденіи въ первый разъ, билетикъ себѣ выхлопоталъ.

— Мы тоже въ первый разъ, тоже пріѣзжіе.

— Изъ какой губерніи будете?

На минуту она замялась, потомъ отвѣтила:

— Изъ Москвы.

— А, прекрасно, прекрасно. Первопрестольная столица, городъ городовъ. Хотя и Санктпетербургъ тоже прекрасный городъ.

Внизу, въ залѣ, послышалось шуршанье ногъ и стукъ пюпитровъ. Господинъ съ моноклемъ наклонился къ уху дамы:

— Кто?

— Кажется, знаю его. Просто — священникъ, безвредный. Бывалъ у отца.

— Глупая случайность. Не лучше ли уйти?

— Нѣтъ, пустяки. Но непріятно. Хорошо, что папа не въ Петербургѣ.

— Ну, тогда бы и насъ здѣсь не было.

Они стали слушать. Засѣданіе было неинтересное. Кое-кого узнавали по портретамъ. На министерскихъ мѣстахъ сидѣло трое.

Во время монотонной и скучной рѣчи одного изъ членовъ Совѣта, Олень, вымѣрялъ глазами пространство залы. «Изъ конца въ конецъ не перебросишь, — думалъ онъ, — такая громадина! Если сѣсть съ той стороны, — все таки попасть въ министерскую ложу трудно!».

Нѣсколько разъ его взглядъ останавливался на грузной фигурѣ извѣстнаго профессора-либерала. «Этотъ напрасно погибнетъ — но что же дѣлать!».

Мысль его работала быстро и дѣловито. Было бы проще всего — взорвать снизу. Но такого количества не пронесешь. Почему они стали отбирать при входѣ сумочки и портфели? И даже зонтики! Чувствуютъ? Любопытно, что, гдѣ замѣшаны эсеры — тамъ сейчасъ же пахнетъ проваломъ; лучше было обойтись безъ помощи партійныхъ верховъ и совсѣмъ не посвящать ихъ въ планы. Но теперь поздно. О снарядахъ, значитъ, нечего и думать. Остаются — мелинитовые жилеты. Но кто? Наташа?

Олень нахмурился. Правый глазъ дернулся — монокль не помогъ. Олень боялся этого подергиванья, своей непріятной примѣты. Осторожно оглянулъ публику — но всѣ смотрѣли внизъ на говорившаго.

— Остаются жилеты. Наташа, конечно, потребуетъ, чтобы ее пустили одну. Сила страшная, вѣроятно, обрушится потолокъ. Въ сущности, не важно, будетъ ли убитъ тотъ, а важенъ самый взрывъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Это будетъ настоящимъ громомъ и настоящимъ большимъ дѣломъ. Наташа настойчиво потребуетъ, и она имѣетъ право!

Онъ представилъ себѣ Наташу не такой, какой она сидитъ тутъ, рядомъ съ нимъ, дамой въ черномъ, — а

милой, веселой и очень ему близкой, ласковой Наташей, просто — женщиной, а можетъ быть и любимой женщиной. И опять сжался и опять силой воли приказалъ себѣ: «Не смѣй! Она умретъ завтра, я днемъ позже!» — И еще подумалъ: «Почему позже, когда мы можемъ одновременно, и это легче?». И почувствовалъ, какъ тяжело давитъ на мозгъ это твердое знанье, что дни считаны и что важно одно: продать свою жизнь какъ можно дороже. Все равно — долго тянуть не хватитъ силъ.

— Значитъ — Наташа. А съ нею вмѣстѣ я, вотъ какъ пришли сегодня. Она не захочетъ, но она должна будетъ согласиться.

Ораторъ внизу продолжалъ свою медленную и тягучую рѣчь. Олень подумалъ:

— Сумасшествіе! И этотъ, и всѣ, и я, и мы, — сплошное безуміе! Все это должно погибнуть — и погибнетъ. Но распускать нервы нельзя.

Въ министерскую ложу вошли еще двое; впереди человѣкъ въ черномъ сюртукѣ, большеголовый, лысый, съ черной бородой и усами, закрученными кольчикомъ. При его входѣ, сидѣвшіе въ ложѣ встали и почтительно поздоровались. За нимъ человѣкъ военной выправки; онъ обмѣнялся рукопожатіемъ съ сосѣдомъ и кивнулъ остальнымъ. Ихъ появленіе вызвало движеніе въ залѣ: предсѣдатель расправилъ бакенбарды, члены Совѣта пошептались, пристава шевельнулись и застыли. Ораторъ, покосившись на вошедшихъ, на минуту сбился, потомъ продолжалъ рѣчь нѣсколько болѣе приподнятымъ голосомъ.

Господинъ въ моноклѣ опять наклонился къ сосѣдкѣ:

— Это — онъ!

— Который? Съ бородой?

— Да.

Отецъ Яковъ замѣтилъ движеніе — и тоже узналъ вошедшаго. Лицо отца Якова просіяло — пріятно лицезрѣть важнѣйшую персону государства! А вѣдь возможно, что доведется посмотрѣть и поближе и даже обмѣняться словомъ, если сіятельная покровительница сдержитъ обѣщаніе!

Едва вошелъ министръ, какъ рядомъ съ мѣстами для публики появилось еще нѣсколько личностей военной выправки, подвижныхъ и внимательныхъ. Интересовалъ ихъ, повидимому, не столько залъ собраній, сколько мѣста зрителей. Одинъ долго всматривался въ сидящую парочку, потомъ въ ея сосѣда — священника, наконецъ, перевелъ испытующій взоръ на другихъ.

Олень, не повертывая головы, шепнулъ:

— Можетъ быть, пойдемъ?

— Какъ хочешь.

Онъ прибавилъ громкимъ шопотомъ:

— Какъ то неинтересно сегодня въ Совѣтѣ. Идемъ?

Вставъ, она привѣтливо, но нѣсколько жеманно, кивнула сидѣвшему рядомъ священнику. Отецъ Яковъ учтиво откланялся, проводилъ чету взглядомъ, вскользь подумалъ, что вотъ вѣдь какое бываетъ сходство, — и снова съ живымъ интересомъ сталъ вслушиваться и всматриваться. Ему, свидѣтелю исторіи, все было одинаково интересно и лю-бо-пытно! И онъ ужъ, конечно, просидитъ до самаго конца — и ничего не упуститъ!

СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА.

Какъ и въ тотъ разъ, билеты на засѣданіе Государственнаго Совѣта достала и принесла Евгенія Константиновна. Теперь пропуски были на новыя имена. Олень поинтересовался, не можетъ ли случиться, что носители

этихъ именъ будутъ замѣшаны въ дѣло? Евгенія Константиновна спокойно отвѣчала:

— Во-первыхъ, ихъ нѣтъ въ Петербургѣ, а во-вторыхъ такія персоны пострадать не могутъ. Но кое-кто другой — пожалуй.

— Кто же?

— Одинъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта, очень любезный человѣкъ, хотя и не очень хорошей репутаціи. Онъ устроилъ мнѣ полученіе пропусковъ.

— Онъ васъ выдастъ?

— Вѣроятно. Но дѣло въ томъ, что онъ вѣдь самъ будетъ въ засѣданіи Совѣта, такъ что ему будетъ, пожалуй, не до того. Конечно... ça dépend...

Наташа и Олень съ удивленіемъ посмотрѣли на Евгенію Константиновну. Какое самообладаніе! И оба замѣтили, что, несмотря на спокойствіе тона, на французскія словечки и даже на внѣшній цинизмъ, Евгенія Константиновна взволнована и грустна; но она прекрасно собой владѣетъ.

Провожая ее въ переднюю, горничная Маша всѣ глаза проглядѣла на ея изящный лѣтній костюмъ, дорогой бѣлый кружевной зонтикъ, маленькую модную шляпку и легкую сумочку. Своя барыня нравилась Машѣ простотой обращенія и румянцемъ лица, но настоящей барыней была только эта гостья.

— Наши купеческаго званія, а ужъ эта, навѣрное, изъ знатныхъ. И лицо важное и бѣлое.

Олень говорилъ Наташѣ:

— Я боюсь одного, это — участія эсеровъ! У нихъ нехорошо, подозрительно. Всѣ ихъ планы въ послѣднее время проваливаются. И, замѣть — стали отбирать при входѣ портфели именно съ той поры, какъ мы приняли общій съ ними планъ.

— Но вѣдь нельзя же подозрѣвать Евгенію Константиновну!

— Ее нѣтъ, но она дѣйствуетъ съ вѣдома эсеровскаго центра.

— Она иначе не можетъ.

— Я знаю. Безъ нихъ было бы невозможно. Но я не удивлюсь, если что нибудь случится. У нихъ есть провокація.

— Такъ нельзя работать, Олень! Съ такимъ сомнѣніемъ.

— И все таки приходится. Отступать теперь поздно.

Весь этотъ день прошелъ какъ бы въ туманѣ. Говорили о мелочахъ, о возможныхъ случайностяхъ. Говоря — думали каждый о своемъ, очень трудномъ и сложномъ, чего высказать нельзя. Оба жили двойной жизнью, боясь неосторожнаго слова, которое можетъ нарушить странный гипнозъ наружной дѣловитости и вызвать вопросы, съ которыми уже не совладаешь.

Спасались мелочами: перебирали вещи и вещицы, которыя останутся здѣсь; еще разъ пересмотрѣли, не остались ли на бѣльѣ и одеждѣ помѣтки фирмъ и магазиновъ, не запала ли въ книгу случайная записка. Суетились безъ особой надобности. Украдкой Наташа взглядывала на Оленя, который былъ нервенъ и задумчивъ и какъ бы смущенъ, но старался сдерживаться. И чѣмъ нервнѣе становился Олень, тѣмъ спокойнѣе чувствовала себя Наташа. Въ ней свершалось то, что бываетъ у вѣрующихъ незадолго до кончины: маленькимъ пламенемъ уже разгоралось важное и серьезное спокойствіе, внутреннее сіяніе обреченнаго.

Вечеромъ, когда они рѣшили лечь и заснуть, Олень сказалъ:

— Наташа, у насъ два пропуска.

— Нужно другой уничтожить.

— Нѣтъ, нужны оба. Я иду съ тобой.

Она была поражена.

— Какъ со мной? Что ты говоришь?

— Я пойду съ тобой, такъ лучше.

— Ты не надѣешься на меня одну?

— Просто — я не могу иначе. Вмѣстѣ жили, вмѣстѣ и умремъ.

Она забыла, что ихъ можетъ слышать Маша, покраснѣла, схватила себя руками за виски и закричала:

— Что это значитъ?

Онъ, большой, рѣшительный, желѣзный, безтрепетный, — вдругъ предсталъ передъ ней маленькимъ и жалкимъ. Она почувствовала, какъ всю ее охватилъ жаръ негодованія. Гдѣ же подвигъ? Маленькая мѣщанская любовь? Онъ, ихъ признанный вождь, не можетъ побѣдить въ себѣ жалость къ ней, не можетъ возвыситься надъ общей постелью!

Ей хотѣлось рыдать. Сказочное разсѣялось, и изъ волшебнаго тумана, въ которомъ они жили, проглянуло слезливое лицо мужчины, который не умѣетъ жертвовать.

— Ты не смѣешь! Ты обѣщалъ послать меня! И ты не смѣешь меня жалѣть!

Олень отвѣтилъ тихо:

— Я себя жалѣю, Наташа.

Она рѣзко разсмѣялась ему въ лицо, съ жестокостью, какой въ себѣ не знала.

— Ты въ меня влюбленъ? Или, на правахъ мужа? Но ты мнѣ не мужъ, и я тебя не люблю. Ты только мой конспиративный сожитель, купецъ Шляпкинъ!

Онъ не оскорбился и просто сказалъ:

— Зачѣмъ эти слова, Наташа? Если даже люблю — зачѣмъ эти слова?

Она могла бы броситься ему на шею. Но тогда ру-

шится весь укладъ міросозерцанія, которое она себѣ создала и безъ котораго уже не можетъ обойтись. Если принять это — тогда они оба должны измѣнить дѣлу, бѣжать, устроить свою маленькую частную жизнь, ненужную и стыдную. Тогда, значитъ, все это вообще было ложью, а оба они — молодые супруги, проживающіе награбленныя деньги! Рядомъ въ постелѣ — и рядомъ умирать. Выиграть любовника — и проиграть Оленя. И проиграть, конечно, себя.

Наташа ушла въ спальню и бросилась на кровать. Слезъ, конечно, не будетъ. Она не погасила свѣта и въ путаницѣ мыслей смотрѣла на потолокъ, гдѣ дрожали тѣни стеклянныхъ висюлекъ. По угламъ комнаты тихо пересмѣивались Зенонъ, греческіе стоики и нѣмецкій Ницше. Внутри былъ холодъ: черезъ сердце Наташи катила свои волны Ока. Въ сущности — это была уже смерть... но вѣдь смерти нѣтъ?

Она закрыла глаза. Волны Оки потеплѣли и смѣшались съ горячей кровью. Стало легче дышать, и она вспомнила, что въ сосѣдней комнатѣ остался Олень, вчерашній силачъ и сегодняшній слабый человѣкъ. И тотъ и другой были ей равно близки: тотъ посылалъ ее, этотъ шелъ съ нею вмѣстѣ. Она окликнула Оленя, назвавъ его настоящимъ именемъ, какъ почти никогда не называла:

— Алеша, иди сюда!

Онъ вошелъ совсѣмъ не робко и безъ тѣни смущенія; подошелъ къ кровати вплотную.

— Кажется, я устроила тебѣ семейную сцену?

Онъ улыбнулся и погладилъ ее по головѣ.

— Ты меня поразилъ. Я не думала, что ты бываешь слабымъ.

— Конечно, бываю. Но это — не слабость; это — обдуманное рѣшеніе.

— Но ты не пойдешь? Ты не можешь мѣнять планъ!

— Я, Наташа, пойду, потому что считаю это нужнымъ. Двое — двойная сила. А ты должна примириться съ этимъ и успокоиться, иначе я пойду одинъ.

И вотъ — она уже только дѣвочка, а онъ — прежній Олень, которому нельзя не подчиняться; вождь, который все можетъ и все освѣщаетъ своимъ личнымъ участіемъ. Это и есть его высокая любовь, и въ этомъ страшная его сила.

Снова у каждаго промелькнула своя — и все-таки общая дума о томъ, что это не подлинная жизнь, а очень страшная и ничѣмъ не оправдываемая сказка, навязчивый сонъ, который когда нибудь исчезнетъ. Вѣдь не можетъ же быть, чтобы завтра ихъ не стало? Этого никакъ не можетъ быть! И все-таки это будетъ, но только въ какой то иной, не настоящей жизни. И сонъ, который они оба видятъ, не уйдетъ; и проснуться они не могутъ, потому что часъ пробужденія уже пропущенъ.

Они не говорили больше о завтрашнемъ дѣлѣ; на нихъ снизошелъ покой, и до свѣта Наташа разсказывала Оленю о своемъ дѣтствѣ, о деревнѣ Федоровкѣ, кучерѣ Пахомѣ, о ледоходѣ на Окѣ, — и съ радостью слушала его отвѣтные разсказы. До сихъ поръ она очень мало знала про его жизнь, и каждая новость и любая мелочь ее волновали и занимали. Иногда, увлекшись разсказомъ, они перебивали другъ друга, спѣша высказать свое. Ихъ послѣдняя ночь была такой же цѣломудренной, какой была первая, и они не замѣтили, какъ оба задремали, забывъ о томъ, что ждетъ ихъ завтра.

. . . .

Олень проснулся первымъ. Былъ поздній утренній часъ, въ столовой лежали газеты и Маша уже нѣсколько разъ подогрѣвала самоваръ.

Когда онъ разбудилъ Наташу, она неохотно откры-

ла глаза, поморщилась отъ свѣта и, еще не придя въ себя, потянулась и спросила:

— А который часъ?

— Скоро девять. Слушай, Наташа, случилось странное...

Она вспомнила все и вскочила:

— Что случилось, Олень?

Онъ протянулъ ей газету и указалъ мѣсто. Это былъ краткій указъ о роспускѣ на лѣтніе каникулы Государственнаго Совѣта, — безъ мотивовъ и объясненій. Совѣтъ былъ распущенъ наканунѣ важнаго засѣданія и раньше предположеннаго срока.

ДНИ ИДУТЪ

Отецъ Яковъ лоснился радостью: однимъ изъ первыхъ онъ узналъ, что депутаты разогнанной государственной думы поѣдутъ въ Выборгъ. Отецъ Яковъ рискнулъ — и примостился со своимъ портфелемъ въ вагонѣ третьяго класса, такъ что къ общему съѣзду былъ ужъ въ Выборгѣ въ самомъ дешевомъ и номеркѣ самой дешевой гостинницы. Потъ катился по нему потоками, когда на іюльской жарѣ, въ широкополой поповской соломенной шляпѣ онъ стоялъ въ толпѣ любопытныхъ и смотрѣлъ на пріѣзжавшихъ. Самъ не изъ смѣльчаковъ, хотя и озорной по жгучему любопытству, свидѣтель исторіи отлично понималъ настроеніе депутатовъ:

— Вотъ и улыбаются, а самимъ боязно. Народъ не молодой, почтенный, въ большинствѣ семейный, а приходится какъ бы играть въ революцію. Съ другой же стороны — оскорбительно имъ: разогнали, какъ мальчиковъ, а вѣдь считались вродѣ заправскихъ народныхъ представителей.

Несмотря на добрыя знакомства отцу Якову не удалось попасть на засѣданія, и было это очень обидно. Но все же въ самые замѣчательные дни онъ оказался близкимъ зрителемъ историческихъ событій и даже на одной фотографіи былъ запечатлѣнъ вмѣстѣ съ кучкой «выборжцевъ», гулявшей по главной улицѣ финляндскаго городка. Ряса отца Якова вышла очень хорошо и ясно, лицо же онъ сознательно, на всякій случай затемнилъ, надвинувъ широкополую шляпу на самые глаза. Позже тихо радовался предосторожности, — когда въ знаменитомъ «выборгскомъ возваніи» прочиталъ весьма дерзостныя слова: «не платить налоговъ, не давать солдатъ, не подчиняться властямъ», — и посмѣивался въ бороду, когда столь смѣлые буяны трепетно покупали обратные билеты у окошечка кассы, старались держаться кучкой, а вскорѣ по возвращеніи въ Питеръ смирнехонько подчинились властямъ и отправились пріять тюремное испытаніе.

Событіями былъ полонъ мѣсяцъ іюль шестого года. Въ первыхъ числахъ случился еврейскій погромъ въ Бѣлостокѣ и тянулся цѣлыхъ четыре дня. Самъ родомъ изъ Пріуралья, гдѣ евреевъ мало и вражды къ нимъ никогда не было, отецъ Яковъ не страдалъ антисемитской болѣзнью. «Всѣ люди, всѣ человѣки». — «Нѣсть эллинъ, ни іудей, но всяческая и во всѣхъ Христосъ». Конечно, — распяли Христа евреи, но было это давно, а къ тому же еще въ духовной семинаріи его тревожила несомнѣнность, что и самъ Христосъ былъ изъ евреевъ. Въ Казани отецъ Яковъ имѣлъ близкаго пріятеля-еврея, присяжнаго повѣреннаго, человѣка рѣдкой души, а въ Питерѣ — думскаго журналиста Залкинда, который не разъ устраивалъ отца Якова въ ложѣ прессы, откуда всѣхъ видно и все хорошо слышно. Есть, значитъ, среди нихъ люди почтеннѣйшіе, а громить бѣдноту — великій грѣхъ

и противно христовымъ заповѣдямъ. Такъ и отмѣтилъ отецъ Яковъ въ тетрадочкахъ своей лѣтописи. Но все же, рыхлымъ своимъ тѣломъ чистый русакъ, особаго возмущенія не испытывалъ. А вотъ думскія событія, и разгонъ, и выборгское воззваніе, возбуждали его до предѣльной степени. Еще больше — слухи о крестьянскихъ волненіяхъ и о поджогѣ помѣщичьихъ усадебъ, а тутъ еще возстанія въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ, — вся эта волна событій и слуховъ захлестнула и понесла отца Якова. Были бы деньги — побывалъ бы всюду и посмотрѣлъ самолично, отчего и какъ волнуются люди:

— Лю-бо-пытно!

Но съ деньгами было плохо, не набѣгалъ даже обычный маленькій газетный гонораръ, потому что въ эти дни никто не интересовался ни бытомъ зырянъ, ни ассирійскими находками въ пермской губерніи, ни дѣтскими пріютами, ни успѣхами кустарей въ Пошехоньѣ, ни пословицами и загадками, собранными отцомъ Яковомъ нынѣшней весной въ малоярославецкомъ уѣздѣ калужской губерніи. О политикѣ онъ никогда не писалъ: и остерегался, и привычки не было. Однако, о выборгскихъ дѣлахъ кое-что далъ знакомой газеткѣ за скромной подписью «Очевидецъ». Текстъ его писанія сильно измѣнили, — но на это онъ никогда не обижался.

А событія зрѣли, кипѣли и бурлили. Каждый волновался и негодовалъ по своему, а всѣ вмѣстѣ продолжали ѣсть и пить по прежнему, между чашками чая и блюдами обмѣниваясь и новостями и анекдотами. Что было полюбопытнѣе, то отецъ Яковъ записывалъ. Въ дни министерства Горемыкина записалъ на поляхъ тетрадочки поговорку:

Горе мыкали мы прежде,
Горе мыкаемъ теперь.

Очень ему понравилось! Когда же стараго министра

убрали и замѣнили новымъ, — рѣшилъ отецъ Яковъ непремѣнно добиться у него пріема, чтобы воочію поглядѣть на новаго господина Россіи. «Сподобился лицезрѣть самого Плеве, нынѣ убіеннаго, — повидаю и этого». Поводъ всегда найдется: хлопоты о дѣтскомъ пріютѣ. А пути къ недоступному найдутся черезъ сіятельную покровительницу Анну Аркадьевну, которой отецъ Яковъ аккуратно посылалъ свои книжечки и фотографіи скуластыхъ дѣвочекъ въ бѣлыхъ передникахъ, а въ самомъ центрѣ снята и благообразная его, отца Якова, фигура, въ бѣлой чесучевой рясѣ. Надпись исполнена тушью «рондо» и гласитъ:

«Ея Сіятельству Аннѣ Аркадьѐвнѣ, заступницѣ и покровительницѣ Кампинскаго пріюта сиротъ женскаго пола».

Хоть и не увѣренъ былъ отецъ Яковъ, что этотъ пріютъ, имъ основанный и изъ его вѣдѣнія давно изъятый, продолжаетъ существовать, а скуластыя дѣвочки остались маленькими за истекшія десять лѣтъ съ момента нѣсколько скандальнаго ухода отца Якова! Уходъ то былъ скандаленъ, но бланки пріюта и большую печать отецъ Яковъ не оставилъ своимъ гонителямъ. Теперь, никакихъ явныхъ матеріальныхъ выгодъ не извлекая, онъ, въ нужныхъ случаяхъ, пользовался и бланками и печатью, адресуя благодарности и ходатайствуя о высокихъ рекомендаціяхъ.

Наступилъ мѣсяцъ августъ, ясный, еще жаркій, но уже съ уклономъ къ осени. Событія какъ будто затихли, — чувствовалась сильная рука новаго правительства.

Въ двухъ газетахъ, одной правой и одной лѣвой, отцу Якову все-таки удалось пристроить петитныя статейки объ архангельскихъ сказителяхъ; одинъ журнальчикъ поинтересовался и ассирійскими серебряными блюдами, а въ другомъ охотно напечатали «новое о стар-

цѣ Кузьмичѣ». Можетъ быть, наступилъ покой передъ новой бурей, а можетъ быть, народъ не внялъ выборжцамъ и скромненько платилъ налоги, давалъ солдатъ и подставлялъ свою шею придержащимъ властямъ. Сіятельная покровительница обѣщала отцу Якову устроить пріемъ у новаго высокаго вершителя судебъ Россіи, доступъ къ которому былъ очень труденъ.

Счастливый этой надеждой, отецъ Яковъ побрелъ съ Литейнаго пѣшечкомъ на взморье, подышать природой. Когда добрелъ — вода Невы была спокойна и вѣтеръ съ моря легокъ и пріятенъ; а полчаса спустя потянуло морскимъ сквознякомъ, вода посѣрѣла и вспѣнилась.

И думалъ отецъ Яковъ, что Нева — словно бы не русская рѣка, не сестра Волгѣ, Камѣ, Бѣлой, рѣкамъ ласковымъ и задумчивымъ. Много въ ней безпокойства и нѣтъ тихой мудрости и созерцательности. Можетъ быть, это и не правильно, что столица Россіи въ Петербургѣ, въ городѣ, словъ нѣтъ, красивомъ, но холодномъ и неуютномъ, самое имя котораго рѣдкій мужикъ выговариваетъ правильно. Тутъ и царь, и Дума, и министры, — и все это съ краю, на отлетѣ, все это для настоящей Россіи, для срединной, не понятно и не очень нужно. Царство наше сонное, въ мѣру работящее, молится лѣниво, равно богу и лѣшему, и нѣтъ ему дѣла до выборгскихъ воззваній, и никакихъ оно не знаетъ именъ, и шумъ столицъ въ глубь его доносится досаднымъ комаринымъ гудомъ. А велико оно до безграничности, и города по немъ — точно рѣдкія мушьи точки на домотканной холстинѣ, такъ себѣ — малозамѣтная досадная нечистота. Былъ бы дождь по веснѣ и солнце къ Петрову дню, и по осени были бы грибы — грузди, бѣлые, рыжички, а на крайній случай — кульбики и акулинина губа, въ хорошемъ засолѣ и они годятся къ посту. И былъ бы зимой

обильный снѣгъ, великихъ рѣкъ кормилецъ, а по нему — заячьи слѣды, хотя зайца не всякій мужикъ ѣстъ, иные считаютъ поганью. Что еще? Было бы лыко на лапти и была бы ель на новый срубъ. Не дралъ бы попъ за крестины и похороны съ бѣдняка, а дралъ бы съ кулака, да рѣже наѣзжали бы начальство и просвѣтители. А тамъ — какъ нибудь промаемся. Темный народъ, точно, — а кому какое дѣло? Темному и жить проще, ближе къ звѣрю и мало требуется! Поменьше бы вши, клопа, и ни съ какой Европой играть въ пятнашки не желаемъ.

А тутъ, на Невѣ, бѣлые барашки, пахнетъ не нашимъ моремъ, люди одѣты смѣшно и говорятъ непонятно, а газеты врутъ сами для себя. Нѣтъ ни работы настоящей, ни настоящаго сна. Кто кого смѣнитъ, кто кого убьетъ, — все это не для Россіи. А кто знаетъ ее? Никто ея не знаетъ! И сама она себя не знаетъ, и знать ей не къ чему.

И подумалъ отецъ Яковъ:

— Одначе, нужно по домамъ, похолодало и словно бы идетъ къ большой непогодѣ.

Нащупалъ въ подрясникѣ монеты — можно пророскошествовать на трамваѣ. Зачѣмъ онъ, отецъ Яковъ, живетъ въ Питерѣ, и зачѣмъ онъ себя кипятитъ въ котлѣ, и зачѣмъ поповскими завитушками кудрявитъ бумагу ученическихъ тетрадей? И когда уляжется въ немъ эта страсть все видѣть, и все слышать, и все примѣчать?

Самъ себѣ подивился, поправилъ волосы, сбитые вѣтромъ, отряхнулъ старенькую, многослужилую, хоть и добротную рясу и окончательно рѣшилъ:

— Быть бурѣ! Поспѣшай, отецъ Яковъ, запрещенный попъ, всея Россіи любопытствующій землепроходъ.

И зашагалъ въ ту сторону, откуда скорѣе доберешься до трамвая.

РЫБАКЪ

Купеческая чета Шляпкиныхъ вернулась изъ пятидневной поѣздки на Ладожское озеро. Въ дѣйствительности Наташа уѣзжала на Финляндскія шхеры, а Олень оставался въ Петербургѣ, укрываясь по рабочимъ районамъ. Нужно было выяснить, можно ли и дальше пользоваться прежней квартирой и въ какой мѣрѣ полиція была освѣдомлена о планѣ покушенія на взрывъ Государственнагӧ Совѣта. Никто изъ посвященныхъ въ этотъ планъ не былъ арестованъ; Евгенія Константиновна, также на время скрывшаяся, рѣшительно заявила, что адреса квартиры она никому не давала, хотя объ участіи Оленя комитету эсеровской партіи было, конечно, извѣстно. Возможно, что роспускъ Совѣта на недѣлю раньше былъ случайностью, въ связи съ общими политическими событіями; если же это было слѣдствіемъ провокаціи въ центрѣ партіи, то не въ интересахъ полиціи выдавать источникъ своей освѣдомленности небрежными арестами. Все это надо было выяснить — и Олень взялъ это на себя.

На пятый день, въ квартиру вернулась сначала Наташа, а затѣмъ и Олень. Маша поздравила ихъ съ пріѣздомъ и поставила самоваръ. Не было ничего подозрительнаго въ поведеніи дворника, на улицѣ не замѣтно наблюденія, и ночь прошла спокойно.

Въ связи съ новой бурей россійскихъ событій, Олень былъ возбужденъ и дѣятеленъ. Теперь ужъ не могло быть сомнѣній въ томъ, что никакое мирное обновленіе страны не возможно: это доказано разгономъ Думы, арестами нѣсколькихъ депутатовъ, повсемѣстными вспышками возстаній, объявленіемъ почти всей страны

на положенiи чрезвычайной охраны. Казни не прекращались и за время засѣданiй Думы, — теперь онѣ удесятерились. Тюрьмы были переполнены, газеты и журналы штрафовались и закрывались. Даже либералы, въ лицѣ бывшихъ думцевъ, взывали къ «неповиновенiю властямъ». Но путь возванiй былъ смѣшонъ, какъ и всякая безвредная устная и печатная болтовня; единственымъ настоящимъ и рѣшительнымъ методомъ борьбы былъ и оставался терроръ. У боевой группы Оленя не было ни достаточныхъ средствъ, ни необходимыхъ связей для «террора центральнаго» — для убiйства царя. Оставалось разработать и выполнить планъ убiйства главы правительства, — и въ этомъ направленiи работалъ теперь Олень.

Планъ не могъ быть сложнымъ. Давно устарѣли прiемы выслѣживанiя на улицѣ, угадыванiя часовъ проѣзда министра на доклады и на засѣданiя. У охранной полицiи было несравненно больше силъ и средствъ для того, чтобы имѣть своихъ извощиковъ, свои автомобили, своихъ выслѣживателей, подъ видомъ разносчиковъ, нищихъ, прохожихъ; всѣ эти прiемы она переняла у террористовъ и довела до совершенства. И была у нея еще одна страшная сила, революцiонерамъ недоступная: цѣлая армiя «освѣдомителей» и провокаторовъ, проникавшихъ въ революцiонную среду и производившихъ въ ней разрушительную работу. У нея не было только одного: людей, готовыхъ жертвовать жизнью безкорыстно и самозабвенно, безъ всякой надежды на спасенiе, съ полной и наивной вѣрой въ то, что жёртвой одного покупается счастье поколѣнiй.

Преимущество этой силы нужно было использовать, — и планы Оленя были построены на ней. Онъ шелъ на смерть самъ, и за нимъ шли другiе. Для этого не нужна была долгая подготовка, — нуженъ былъ только дина-

митъ. Противъ его страшнаго изобрѣтенія — мелинитовыхъ жилетовъ — была безсильна всякая полицейская охрана.

Только три человѣка допускались на квартиру, гдѣ жили Олень и Наташа: Евгенія Константиновна и «братья Гракхи», двое юношей, одинъ — студентъ, другой — рабочій, тѣсно спаянные съ Оленемъ участіемъ въ его прежнихъ дѣлахъ. Студентъ — тотъ самый Петрусь, москвичъ, который, забавлялся, въ одиночку разгоняя шествія черносотенцевъ; по природѣ — весельчакъ, румяный, здоровый, смотрѣвшій на жизнь, какъ на рядъ занятныхъ и рискованныхъ приключеній. Второй — Сеня, самъ рабочій и изъ рабочей семьи, былъ скорѣе мистикомъ, вѣчно въ облакахъ мечты, красивыхъ словъ, съ которыми онъ не могъ справиться и которыя въ его устахъ звучали смѣшно и наивно, дѣтскими стихами. Полтора года назадъ, девятаго января, былъ убитъ его старшій братъ, пошедшій за знаменитымъ священникомъ Гапономъ къ царскому дворцу въ толпѣ безоружныхъ рабочихъ. Этотъ братъ былъ въ глазахъ Сени героемъ, — пока не выяснилась двусмысленная роль Гапона; теперь Сеня считалъ жертву брата напрасной, а себя — мстителемъ, который тоже погибнетъ, но не зря, не робкой овечкой, а бойцомъ революціи.

Этихъ юношей Наташа прозвала братьями Гракхами. Изо всей боевой группы Оленя только они двое были совсѣмъ близкими людьми, съ которыми обо всемъ говорилось съ полной откровенностью: ни въ ихъ преданности дѣлу, ни въ ихъ осторожности не могло быть сомнѣнія.

Былъ еще одинъ старый соратникъ Оленя по московскимъ баррикадамъ, который позже былъ арестованъ, бѣжалъ и только что пріѣхалъ въ Петербургъ. Олень долженъ былъ повидать его и выяснить, возможенъ ли

возвратъ его въ боевую группу. Это былъ Морисъ, про бѣгство котораго изъ тюрьму ходили неясные слухи; говорили даже, что его побѣгъ былъ организованъ охраннымъ отдѣленіемъ. Для Оленя, близко знавшаго Мориса, слухъ этотъ казался чудовищнымъ; но, рискуя не однимъ собой, а многими и всѣмъ дѣломъ, Олень рѣшилъ быть сугубо осторожнымъ. Ихъ свиданье было назначено на окраинѣ Петербурга, на берегу Невы, въ мѣстѣ пустынномъ, куда долженъ былъ явиться Морисъ и ждать Оленя.

На бережку, передъ закатомъ солнца, сидѣлъ пожилой, бородатый рабочій, въ высокихъ сапогахъ, совсѣмъ рваномъ пиджачишкѣ, въ кепкѣ, низко надвинутой на глаза отъ солнца. Онъ методически забрасывалъ удочку, провожалъ взглядомъ поплавокъ, снова перебрасывалъ и не отчаивался изъ плохого клева. Рядомъ стояли жестянка съ червями и ведерко, прикрытое тряпицей.

Городской шумъ совсѣмъ сюда не доносился. Жаркій день смѣнялся теплымъ вечеромъ.

Морисъ, явившійся на свиданье съ Оленемъ нѣсколько раньше назначеннаго часа, съ удовольствіемъ убѣдился, что мѣсто выбрано хорошо: кромѣ одинокой фигуры рыбака, никого поблизости не видно. Онъ прошелся по берегу у самой воды, сѣлъ неподалеку отъ рыбака и сталъ слѣдить за его ловлей.

Онъ не столько смотрѣлъ, сколько думалъ о своемъ. Свиданье съ Оленемъ было очень важнымъ для Мориса. Олень — близкій другъ, которому можно довѣриться вполнѣ и до конца и слово котораго для всѣхъ авторитетно. Оленя нельзя обмануть, но его и не нужно обманывать; онъ не изъ тѣхъ, которые во имя отвлеченной «принципіальности» выносятъ осужденіе человѣку, а въ душу его не умѣютъ заглянуть. И не умѣютъ, и не хотятъ.

Морисъ зналъ, что про его побѣгъ ходятъ темные — и, по существу, справедливые — слухи. Онъ дѣйствительно бѣжалъ при содѣйствіи охранной полиціи, которой онъ обѣщалъ свою службу. Его побѣгъ былъ устроенъ на рискъ и обставленъ достаточно театрально; въ него стрѣляли и — при неловкости — онъ могъ быть убитъ; конвойнаго солдата, который провожалъ его изъ тюрьмы на допросъ и упустилъ, присудили къ арестантскимъ ротамъ. Вся эта комедія была разыграна для того, чтобы залучить въ тайные агенты виднаго боевика, какой угодно цѣной, — и Морисъ сумѣлъ использовать страстное желаніе охранки имѣть «освѣдомителя» въ рядахъ неуловимыхъ максималистовъ. Такимъ образомъ, онъ спасся отъ каторги, а можетъ быть, и отъ смертной казни.

Но, такой цѣной добывъ себѣ свободу, онъ могъ вернуться въ ряды прежнихъ товарищей только однимъ путемъ: искупивъ свою вину передъ ними какой нибудь услугой или жертвой, которая докажетъ, что онъ поступилъ такъ не въ личныхъ интересахъ, а для пользы общаго дѣла. А между тѣмъ... развѣ онъ не думалъ о самомъ себѣ, когда соглашался купить свободу цѣной такого ужаснаго шага, давно и рѣшительно осужденнаго революціонной этикой? Снять съ него тяжесть этого сознанія могъ только Олень.

Часъ, назначенный Оленемъ, уже миновалъ, а его не было. А вдругъ Олень совсѣмъ не прійдетъ?

Побродивъ по берегу, Морисъ снова подошелъ ближе къ рыболову и сталъ слѣдить за его поплавкомъ. Вода была спокойна, и было видно, какъ поплавокъ дернулся и исчезъ подъ водой. Рыбакъ неумѣло и неловко потянулъ, и у его ногъ на пескѣ забилась небольшая рыбка. Затѣмъ Морисъ съ удивленіемъ увидалъ, какъ рыбакъ забезпокоился, наклонился надъ ры-

бой, осторожно снялъ ее съ крючка и бросилъ обратно въ воду. Морисъ крикнулъ ему:

— Выходитъ, товарищъ, что зря ловите?

Рыболовъ обернулся и спокойно отвѣтилъ:

— Выходитъ, что зря. Спускайтесь сюда, Морисъ. Я васъ жду.

Узнавъ Оленя, Морисъ подошелъ.

— Такъ это вы? А я два раза подходилъ и не узналъ.

— Здравствуйте, Морисъ. У меня руки грязныя, не могу вамъ подать. Я давно васъ видѣлъ, но пережидалъ.

— Вы мнѣ не очень довѣряете, Олень?

— Я не имѣю права довѣрять, Морисъ.

— Я пришелъ вамъ все разсказать.

Олень снова закинулъ удочку.

— Ну, сядьте рядомъ и разсказывайте.

Хотя кругомъ было пустынно, но они говорили тихо, зная, что даже слабый голосъ далеко слышенъ на водѣ. Олень задавалъ вопросы, Морисъ на нихъ отвѣчалъ.

— Какъ они рѣшились васъ освободить? Кого вы выдали, Морисъ?

— Имъ непремѣнно нужно имѣть провокатора въ нашихъ рядахъ. И я, дѣйствительно, выдалъ.

— Кого?

— Я выдалъ васъ, Олень. Я разсказалъ про дѣло въ лѣсу и про банкъ, и назвалъ васъ.

— Мою настоящую фамилію?

— Да. Но они ее знали.

— Они знаютъ. А еще?

— Они просили выдать адреса. Я указалъ одинъ въ Москвѣ.

— Наташи?

— Да. Я зналъ, что ея тамъ уже нѣтъ.

— Еще?

— Больше ничего и никого. Я только говорилъ, что предполагается серьезный террористическiй актъ, можетъ быть, центральный, и что я могу узнать всѣ подробности, если мнѣ устроятъ побѣгъ.

— Вы знали что нибудь о нашихъ дѣлахъ?

— Ничего. Я просто вралъ, а они вѣрили. Имъ очень хотѣлось вѣрить.

— Послѣ побѣга за вами слѣдили?

— Конечно. Вплоть до Петербурга. Я самъ явился здѣсь въ департаментъ. Мнѣ кажется, что теперь они мнѣ довѣряютъ.

— Скажите, Морисъ, вы спасали себя?

— Вамъ я скажу: да, я спасалъ себя. Это слабость, но я оправдывалъ сбея тѣмъ, что смогу служить у нихъ и тѣмъ помогать нашимъ. Вы знаете, что въ центрѣ эсеровъ есть провокаторъ. Я рѣшилъ узнать его имя.

— Ну?

— Я только что прiѣхалъ, Олень. Если вы мнѣ довѣряете, я буду продолжать игру. И тогда я, можетъ быть, узнаю.

— Товарищи не повѣрятъ вамъ, Морисъ?

— Лишь бы вы вѣрили.

— А если и я не вѣрю?

Помолчавъ, Морисъ сказалъ:

— Вы вѣрите мнѣ, Олень. Я сказалъ: это было слабостью. Но можетъ быть я клевещу на себя! Меня увлекла не надежда на спасенье, а страшная игра съ ними. Первую ставку я выигралъ. Если вы меня поддержите, я буду играть дальше.

Они долго молчали. Наконецъ Олень сказалъ:

— Знаете, Морисъ, я вамъ вѣрю, хотя и не долженъ бы. Мы слишкомъ много вмѣстѣ пережили. Если вы — предатель, то, значитъ, я дуракъ или сумасшедшiй. А я

не дуракъ и въ своемъ умѣ. Если я въ васъ ошибаюсь — тогда пусть ужъ лучше все идетъ къ черту.

— Спасибо, Олень.

— Дѣло не въ спасибо. Я могъ васъ сегодня убить. Но на чемъ же мы порѣшимъ?

— Рѣшайте вы.

— Я и рѣшилъ. Морисъ, вы явитесь къ нимъ и будете, пока можно, водить ихъ за носъ обѣщаніями. Если нужно выдавать — я самъ дамъ вамъ матеріалъ для выдачи; конечно, это будетъ ерунда, которая ихъ не удовлетворитъ. Попытайтесь разузнать все, что намъ полезно. Вы будете видаться только со мной, гдѣ я укажу. Всѣмъ товарищамъ я скажу, что вѣрю вамъ по прежнему и что вы нашъ. Вамъ довольно этого?

— Спасибо, Олень.

— А потомъ — вы искупите свою ошибку, потому что это было, конечно, страшной ошибкой.

— Я знаю. Я искуплю.

— Еще одно, Морисъ. Заведите лошадь и кучерской костюмъ, я вамъ дамъ денегъ. Но такъ, чтобы они не знали. Можете?

— Думаю, что могу. За мной слѣдятъ, конечно, но я сумѣю. У васъ новые планы?

— Плановъ много. Вы хотите знать?

— Не хочу. Когда вы скажете — я пойду за вами.

— Черезъ недѣлю въ этотъ же часъ увидимся здѣсь. Согласны?

— Спасибо, Олень.

— Бросьте это спасибо. Мы не долго продержимся, Морисъ, намъ не стоитъ считаться.

— За довѣріе. Я могъ ждать худшаго.

— Худшее могло быть только одно. А теперь я пойду, а вы пока останьтесь здѣсь.

Вытеревъ руку о подкладку пиджака, рыбакъ по-

далъ ее собесѣднику, собралъ свои снасти и поплелся въ сторону рабочаго поселка.

Морисъ остался и смотрѣлъ на морщинки воды и всплывавшіе на водѣ пузыри. Уже темнѣло, облака потухли, — и кто могъ сказать, стоилъ ли выигрышъ жизни всего, что пережилъ Морисъ за послѣдніе мѣсяцы? И еще всего, что пережить придется, а конецъ все равно одинъ!

Когда онъ всталъ и пошелъ — рыбака давно не было видно.

МИШЕНЬ

Въ четверть седьмого утра пожилой камердинеръ согнутымъ пальцемъ съ настойчивой робостью стучитъ въ дверь спальной. Тамъ, свернувшись калачикомъ и неудобно уткнувъ носъ въ пуховую подушку, спитъ предсѣдатель совѣта министровъ.

— Да-да, сейчасъ!

Камердинеръ отходитъ отъ двери на два шага и минутъ пять прислушивается. За дверью никакого движенія. Согнутый палецъ опять стучитъ съ той же настойчивостью. Сиплый голосъ нѣсколько раздраженно отвѣчаетъ:

— Ну да, слышу, ступайте!

Лакей уходитъ ждать звонка.

Предсѣдатель совѣта министровъ еще не старъ, но его черепъ голъ. Въ открытый воротъ ночной рубашки свисаетъ довольно большая черная съ просѣдью борода. Первымъ сознательнымъ жестомъ министръ беретъ съ ночного столика гребешекъ и расчесываетъ бороду. Затѣмъ онъ откидываетъ одѣяло, выпрастываетъ узло-

ватую въ коленкѣ, худую и волосатую ногу; очертивъ привычный полукругъ, нога попадаетъ въ туфлю.

Скинувъ рубашку, министръ шаркаетъ туфлями десять шаговъ до ванной комнаты; онъ не привыкъ брать утромъ ванну, но заставляетъ себя обтираться холодной водой. Это тоже — не потребность, но своеобразная гордость министра: такъ полагается поступать рѣшительнымъ и энергичнымъ людямъ.

Въ ванной большое зеркало, въ зеркалѣ виденъ голый профиль самой сильной и мощной фигуры государства, въ которомъ сто семьдесятъ милліоновъ жителей, нуждающихся въ непрестанной заботѣ, и которое занимаетъ одну шестую часть земной поверхности. У голой фигуры нѣтъ мускуловъ и, при худощавомъ тѣлѣ, выдающійся смѣшной, кругленькій животъ. На груди грядка волосъ, набѣгающихъ на обѣ стороны грудной клѣтки. Вытирая лысину мохнатымъ полотенцемъ, предсѣдатель совѣта министровъ косится на зеркало и подтягиваетъ животъ; выпрямившись, онъ кажется себѣ, если не стройнымъ, то во всякомъ случаѣ приличнымъ.

Такъ какъ министръ куритъ, то онъ по утрамъ довольно долго откашливается. Умываясь — всхлипываетъ и дѣлаетъ губами бр-бр-бр-бъ. Послѣ воды мочитъ бороду тройнымъ цвѣточнымъ одеколономъ и сушитъ новымъ полотенцемъ, уже третьимъ по счету. Затѣмъ онъ дѣлаетъ легкую гимнастику — по пять взмаховъ руками спереди назадъ и сзади напередъ, два круговыхъ движенія въ таліи и три плавныхъ присѣданія, при которыхъ въ ногахъ потрескиваетъ. Подымая корпусъ въ третій разъ, министръ рукой придерживается за край ванны.

Съ этой минуты лицо министра теряетъ всѣ слѣды недавняго и недолгаго сна и пріобрѣтаетъ увѣренную дѣловитость. Вернувшись въ спальную, онъ надѣваетъ

заготовленную камердинеромъ съ вечера чистую рубашку съ крахмальной грудью, узкіе, облегающіе ногу егеревскіе кальсоны и шелковые носки. Наконецъ, но не ранѣе, онъ звонкомъ вызываетъ слугу, предварительно отомкнувъ дверь. Министръ всегда спитъ запершись на ключъ.

Его туалетъ готовъ къ семи часамъ безъ четверти. До семи онъ пьетъ кофе въ маленькой столовой, при чемъ ѣстъ довольно много варенья. Къ лежащимъ на столѣ вчетверо сложеннымъ номерамъ «Новаго Времени» и «Правительственнаго Вѣстника» онъ притрагивается только одинъ разъ: проглядѣвъ на первой страницѣ списокъ умершихъ, онъ смотритъ на оборотѣ списокъ производствъ и назначеній. Остальное доложитъ секретарь.

Передъ тѣмъ, какъ пройти въ кабинетъ, министръ подходитъ къ окну и сквозь тюлевыя занавѣси смотритъ на улицу. Противъ его особняка обширный садъ съ небольшимъ домикомъ въ глубинѣ. Въ этомъ домикѣ кто то жилъ, но теперь домикъ — министръ это знаетъ — арендованъ отъ имени частнаго лица департаментомъ полиціи; теперь тамъ поселили семью будто бы приличныхъ людей — мужъ, жена и братъ жены — а въ дѣйствительности агентовъ охранной полиціи. Противъ самыхъ оконъ министра, на той сторонѣ улицы, газетный кіоскъ, и въ кіоскѣ человѣкъ съ непріятнымъ, слишкомъ ужъ подозрительнымъ лицомъ. Это, конечно, тоже полицейскій агентъ. Извощикъ, который какъ бы ждетъ кліентовъ у праваго угла сада, тоже, вѣроятно, агентъ наружнаго наблюденія. Въ нижнемъ этажѣ дома министра три комнаты заняты дежурными агентами — цѣлая маленькая казарма. Приказано, чтобы вся эта сволочь сидѣла въ комнатахъ и по улицѣ не шлялась. Въ вестибюлѣ дежурятъ двое, одинъ — швейцаръ, другой чортъ его знаетъ подъ видомъ кого. Выбираются физіономіи

поприличнѣе. Есть и въ этажѣ министра, въ передней и въ пріемной. Нѣтъ только въ верхнемъ этажѣ, гдѣ живетъ семья министра.

Печальная необходимость! Министръ лучше всѣхъ знаетъ, что вся эта обязательная охрана безсильна и не нужна, если нѣтъ хорошаго освѣдомителя въ средѣ революціонеровъ. Къ счастью, эти анархисты (министръ называетъ ихъ огуломъ анархистами, хотя хорошо разбирается во всѣхъ тонкостяхъ ихъ отличій и партійныхъ программъ) — къ счастью, они, при всей дерзости, до изумительности наивны и довѣрчивы. И не умны, даже не догадливы! Напуганная полиція содержитъ тысячу мерзавцамъ, которымъ иногда слѣпо довѣряетъ. Безо всякаго труда въ эту тысячу могли бы проникнуть десятки революціонеровъ, — и тогда серьезная охрана стала бы немыслимой. А впрочемъ — почемъ знать? Можетъ быть, этотъ самый прохвостъ, сидящій въ газетномъ кіоскѣ, можетъ быть, при первомъ же выѣздѣ министра — именно онъ и окажется...

Предсѣдатель совѣта министровъ никогда не былъ трусомъ. Какъ умный человѣкъ, онъ почти не сомнѣвается, что будетъ убитъ. Можетъ быть, это случится сегодня, можетъ быть, черезъ годъ, а можетъ быть... Онъ даже не услышитъ разрыва снаряда, и его тѣло, правда не очень красивое (вспомнилъ животъ въ зеркалѣ), но свое, родное... это тѣло разлетится въ клочья. Его имя, войдетъ въ исторію? Чертъ съ ней, съ исторіей! Быть въ длинномъ спискѣ жертвъ — Боголѣповъ, Сипягинъ, Плеве... даже всесильный Плеве! И еще сколько — не пересчитаешь! И вотъ прибавится еще и его имя. Ударъ — и въ стороны разлетятся голова съ черной бородой, манжеты, ступни ногъ въ башмакахъ, обрывки кальсонъ съ кусками мяса...

Въ сосѣдней комнатѣ сквознякомъ захлопнуло

дверь. Министръ вздрогнулъ, по дѣтски выбросилъ впередъ руки, какъ бы для защиты, затѣмъ выпрямился и, слегка нахмурившись, прослѣдовалъ въ свой дѣловой кабинетъ.

. . . .

Это казалось ему не простымъ, очень не простымъ, но все таки понятнымъ. Громадная площадь земли съ точностью вычерчивалась на бумагѣ. Люди-единицы исчезали; люди-массы дѣлились на горожанъ и на крестьянъ. Прежніе, близорукіе политики думали только о горожанахъ и объ опасномъ сегодня; онъ — учитывалъ будущее и реальную силу — крестьянство. У него былъ просвѣщенный умъ и европейскія знанія. Тамъ, въ Европѣ, безумнымъ мечтаніямъ противопоставлена мысль и массовая сила маленькаго буржуа; здѣсь, у насъ, будетъ то же, когда на пригоркѣ выростетъ у крестьянина свой хуторокъ и прочное хозяйство. Тамъ это сдѣлано годами опыта, — здѣсь дѣлается мудростью власти, ничѣмъ, по существу, не ограниченной. Простачекъ-бомбометатель воображаетъ, что крестьянинъ поклоняется землѣ-ничьей, землѣ-божьей; а этотъ мужичекъ когтями и зубами вцѣпится въ свою маленькую собственность и никого къ ней не подпуститъ. Здоровый инстинктъ! Конечно — нужно не мало времени. Но хуторокъ спасетъ Россію!

Русскій, министръ очень любилъ Россію, — вотъ эту землю, отлично изображенную на картѣ, съ ея дѣленіями на губерніи, уѣзды и волости. Онъ мыслилъ ее правильно разграфленной, условно окрашенной и мудро устроенной. Разграфить, устроить и спасти ее могъ только онъ, и для этого ему нужна была власть. Человѣкъ съ лысымъ черепомъ и черной бородой громаднымъ напряженіемъ воли могъ выполнить высокую миссію при царѣ-дурачкѣ, при бандѣ чиновной сволочи (боже! ка-

кіе мошенники!), при постоянной угрозѣ взлетѣть на воздухъ вмѣстѣ со своими проэктами и мудрыми реформами. Игра стоила свѣчъ!

Если бы оставалось время для пустяковъ, для второстепеннаго, — онъ разглядѣлъ бы на картѣ и рябого Кузьму съ килой, и путиловскаго пьяницу-рабочаго, и глупую либеральную даму, въ салонѣ которой собираются доктора, присяжные повѣренные и неопрятные литераторы, и свихнувшагося на книжкахъ студента, и обиженныхъ въ своемъ надутомъ достоинствѣ думскихъ болтуновъ, — всю эту накипь на народѣ, то есть на будущихъ крѣпкихъ хуторянахъ, въ синихъ кафтанахъ, съ окладистыми бородами, многочисленной здоровой семьей и необыкновенно упитанными коровами. Но строителю государства некогда разсматривать въ лупу маленькихъ паразитовъ. Ими можетъ заняться — ну хотя бы этотъ молодой секретарь, подающій надежды, его утренній докладчикъ.

И министръ спросилъ нетерпѣливо:

— А что въ московскихъ газетахъ? Все то же? Ну да, знаю, это не важно. Скажите, а кто на пріемѣ изъ частныхъ лицъ?

— Пока записано двое, если вы лично примете; дама съ рекомендаціей отъ командующаго округомъ, и священникъ.

— Почему священникъ? Черезъ кого?

— Отъ Анны Аркадьевны.

— Ага, помню, она что то говорила. По какому дѣлу?

— По дѣлу дѣтскаго пріюта въ Вяткѣ.

— Почему же ко мнѣ? И больше никого?

— Остальныхъ можетъ принять завѣдующій канцеляріей.

— Хорошо. Пусть онъ приметъ и даму. Попросите этого... какъ тамъ... отъ Анны Аркадьевны.

— Слушаю.

Загрузивъ входъ, хотя и бокомъ, безъ подобострастія, но съ подобающей почтительностью, въ парадной лиловой шелковой рясѣ, съ портфелемъ подъ мышкой (этотъ портфель вызвалъ нѣкоторое безпокойство въ пріемной) въ кабинетъ вошелъ отецъ Яковъ Кампинскій, свидѣтель исторіи.

БРАТЬЯ ГРАКХИ

Братья Гракхи пришли съ обычной аккуратностью, одинъ пятью минутами позже другого. Обѣдали всѣ вмѣстѣ, ѣли шпинатъ съ яйцами, курицу подъ бѣлымъ соусомъ и лимонное желе. Сеня серьезно сказалъ, что такого обѣда не ѣдалъ ни разу въ жизни.

— Я вотъ еще люблю гороховый супъ съ ветчинной костью. На Пасхѣ ѣлъ, очень понравилось!

Наташа хотѣла сказать, что какъ-нибудь закажетъ и гороховый супъ, — но вспомнила, что уже не придется.

Разговаривали о пустякахъ. Петрусь вспоминалъ о рыбной ловлѣ у нихъ въ Тульской губерніи, — какъ онъ однажды поймалъ на блесну судака фунтовъ на шесть; раньше, разсказывая про этотъ счастливый рыбацкій случай, онъ говорилъ «на пять», но сегодня судакъ выросъ. Наташа разсказала, что однажды мужики поймали въ Окѣ сѣвшую на мель бѣлугу, да такую огромную, что везти ее пришлось на двухъ связанныхъ телѣгахъ. Потомъ пили кофе — все, какъ въ хорошемъ домѣ. Послѣ обѣда Машу отпустили до вечера, и тогда Наташа отперла комодъ и осторожно достала оттуда два тяжелыхъ и неуклюжихъ стеганыхъ жилета.

Когда принесла, братья Гракхи поблѣднѣли и старались улыбаться. Студентъ Петрусь сказалъ: «Мнѣ выберите покрасивѣе!» — но на его шутку никто не отвѣтилъ.

Олень ушелъ, пообѣщавъ вернуться черезъ часъ.

— Не забудь, Наташа, про занавѣску на окнѣ.

— Да, откинутый уголъ.

По его уходѣ она объяснила, какъ нужно нажать въ коробкѣ кнопку, которая и разобьетъ стеклянную трубочку.

— Сунуть палецъ поглубже въ это отверстіе и очень сильно нажать. Но не трогайте безъ надобности; если не трогать и ни обо что не ударять — не опасно.

Петрусь, губы котораго побѣлѣли, сказалъ:

— А довольно сильный запахъ, даже голова кружится!

— Да, это — мелинитъ. Можно надушить духами.

— Все равно, принюхаемся.

Она заставила ихъ осторожно примѣрить жилеты. Оба были не впору и очень толстили.

— Ну, подъ платьемъ не будетъ такъ замѣтно. У васъ, Петрусь, готова форма?

— Да.

— А все въ порядкѣ?

Отъ военнаго портного. Я — ротмистръ; ошибки не будетъ. Широконько, а вотъ съ этимъ будетъ какъ разъ. И фуражка новая, все по формѣ.

— Вы пока снимите, а уходя возьмите съ собой.

Они осторожно сняли жилеты и облегченно вздохнули. Но все еще были блѣдны. У Петруся вздрагивали губы, и онъ часто пилъ воду.

— И жарко же сегодня!

Наташа понимала ихъ состояніе. Спросила обоихъ сразу:

— Гракхи, вы можете? Потому что лучше раньше отказаться, чѣмъ отступить въ послѣднюю минуту. И ничего стыднаго нѣтъ — никто героемъ быть не обязанъ. Вы рѣшились?

Первымъ отвѣтилъ рабочій Сеня:

— Да ужъ разъ сказано... Я пойду, рѣшилъ. Двухъ смертей не бывать!

Наташа пожала его руку. И Петрусь тоже отвѣтилъ:

— Я, Наташа, не измѣню. Мы оба пойдемъ.

Она поцѣловала обоихъ и сказала:

— Сядемъ на диванъ, посидимъ. Съ вами пойдетъ Олень, а я скоро васъ догоню.

— Развѣ и вы, Наташа?

— Не завтра, а скоро и я. Очень скоро, Гракхи, вслѣдъ за вами.

— Можетъ быть, вамъ не придется. Можетъ завтра, послѣ насъ, все перемѣнится. А ужъ вы живите съ Богомъ, будьте счастливы!

Сказавъ эти слова, Сеня покраснѣлъ. Слово «Богъ» сорвалось нечаянно, — и нѣтъ Бога, и онъ тутъ не при чемъ. Сеня прибавилъ:

— Ладно, тамъ узнаемъ. А двумъ смертямъ все равно не бывать.

Наташа видѣла, что имъ обоимъ страшно, но что они не отступятся, не таковы Гракхи. Страшно и ей — но нужно имъ помочь.

— Смерти, Сеня, вообще нѣтъ. Ни тѣло, ни душа не исчезаютъ. Вотъ сегодня мы здѣсь, а завтра переселимся — въ землю, въ дерево, въ облако, въ другого человѣка — и опять будемъ жить.

Сенѣ эта философія непонятна, а Петрусь улыбнулся. Наташа продолжала:

— А если бы и была смерть... Отъ того, что человѣкъ протянетъ свои дни до старости и болѣзней — ни-

чего онъ не выиграетъ. Вотъ вы работали на фабрикѣ, потомъ женились бы на такой же работницѣ, народили бы дѣтей, жили бы въ вѣчномъ трудѣ и бѣдности, — а тамъ все равно умирать. Сейчасъ сами собой распоряжаетесь, а тамъ вами распорядилась бы ваша старость и слабость. Или — арестуютъ, оплюютъ, изобьютъ и все равно быть убитымъ; и это можетъ случиться всякій день. А тутъ — нажать кнопку, и можетъ быть вся Россія пересоздастся!

Петрусь сказалъ задумчиво:

— Я въ вѣчную жизнь не вѣрю, а здѣшнюю жизнь я люблю. И вотъ, что я люблю, то я и хочу отдать.

— Я понимаю васъ. А я и эту жизнь люблю, и въ вѣчную жизнь вѣрю. То есть я вѣрю въ то, что смерти никакой нѣтъ, а есть превращенье. Вѣдь и дерево живетъ, и камень живетъ, все живетъ. Совсѣмъ исчезнуть ничто не можетъ.

Имъ очень хорошо было вотъ такъ сидѣть и разговаривать съ Наташей. Олень — вѣрный товарищъ, съ нимъ пойдешь ку́да угодно, но такъ поговорить съ нимъ нельзя; а Наташа и сама поговоритъ и выслушаетъ, — ей можно во всемъ исповѣдоваться, и она пойметъ сразу. Слушая ее, Петрусь думалъ, что можетъ быть, все это и не такъ, и что ему, Петрусю, совсѣмъ не хочется превращаться въ дерево или камень, а хотѣлось бы остаться Петрусемъ, юношей съ пробивающейся бородкой, студентомъ, а потомъ — совсѣмъ взрослымъ человѣкомъ, хорошимъ работникомъ; повернись жизнь иначе — такъ бы и было; но сейчасъ на этомъ успокоиться нельзя, стыдно! Сколько погибло товарищей, и сколько еще можетъ напрасно погибнуть! У другихъ силы не хватитъ — а онъ, Петрусь, пойдетъ, и смерть его не испугаетъ. Слушалъ Наташу и Сеня, и вѣрилъ ей. Потому вѣрилъ, что такой, какъ она, не вѣрить нельзя. У нея го-

лубые глаза, спокойная и ласковая рѣчь, и ужъ если она, женщина, способна пойти на смерть и ничего не боится, — то ему отступать нельзя. Если она что говоритъ, — значитъ знаетъ, чего не знаютъ другіе. И слова ея были для Сени, какъ чудесная и незнакомая музыка.

Всѣ эти мѣсяцы оба они жили не въ бытѣ, а въ воображеніи, не оглядываясь, не одумываясь, ежеминутно готовые къ тому, что ихъ природѣ, можетъ быть, чуждо, но совершенно неизбѣжно и неизмѣримо высоко. Когда подошелъ день — въ грудь повѣялъ холодокъ, но тумана не разсѣялъ. И теперь было сладко слушать слова утѣхи, которымъ хотѣлось вѣрить, безъ разсужденія.

Наташа это понимала, и говорила для нихъ и для самой себя, чувствуя въ глубокой радости, что это сейчасъ — самое нужное, что это обволакиваетъ и разсудокъ и волю мягкой паутиной сказочности. Говорила долго, все, что сама для себя надумала, еще давно, еще на берегу рѣки, когда рядомъ на травѣ лежалъ элейскій философъ Зенонъ, а солнце грѣло и не жгло. Можетъ быть, даже еще раньше, когда Пахомъ раздавилъ Мушку, и Мушка превратился въ синюю траву. Всѣ слова, которыхъ другимъ сказать бы не рѣшилась, имъ сказала, какъ мать дѣтямъ, какъ братьямъ старая и знающая жизнь сестра.

Такого полнаго сліянія съ людскими душами она еще никогда не испытывала, и переживала то, что переживаетъ поэтъ въ самый возвышенный часъ творчества, когда онъ лжетъ себѣ и другимъ со всей силой страсти и искренности.

Вернулся Олень. Онъ тоже былъ сегодня взволнованъ и приподнятъ. Все было подробно обсуждено и переговорено раньше, всякій шагъ разсчитанъ. Гракховъ подвезетъ Морисъ; они войдутъ и попросятъ немедленно доложить министру; намекнутъ, что готовится поку-

шенье и что медлить нельзя ни минуты. Когда выйдетъ министръ или ихъ проведутъ къ нему... А если министръ ихъ не приметъ? Если ихъ не пустятъ даже въ пріемную? Ну, тогда придетъ очередь его, Оленя. Если долго не будетъ взрыва, — онъ вбѣжитъ въ подъѣздъ, и уже никакая сила его не остановитъ. Тогда они погибнутъ всѣ трое, — а съ ними и все живое.

Его планъ былъ страшенъ. Но уже нѣсколько смертей встрѣтилъ Олень, а страшна только первая встрѣча. Только бы не опоздать на пріемъ и не погубить дѣла случайной оплошностью.

Прощаясь съ Гракхами, онъ обнялъ ихъ и сказалъ:

— Товарищи, помните, завтра — не позже часу, а лучше — ровно въ часъ. Я буду тамъ ждать минута въ минуту.

Они молча кивнули. Уходя, поцѣловались съ Наташей, и Сеня шепнулъ ей смущенно:

— Вотъ вамъ, спасибо за все! Совсѣмъ съ вами, какъ съ родной. Родная и есть!

Когда за ними захлопнулась дверь, Олень отвернулся, и щека его рѣзко дернулась.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ

Они остались вдвоемъ, и Наташа сказала:

— Олень, у тебя между бровями молнія!

Онъ улыбнулся своей замѣчательной улыбкой: дѣтской и доброй на строгомъ лицѣ.

— Вотъ теперь молніи нѣтъ.

— Ты поговорила съ Гракхами?

— Да, мы хорошо поговорили. Какіе они оба славные, чистые, честные. Какъ хорошо, что есть такіе люди — вотъ какъ ты и какъ они!

— Да, Петрусь и Сеня — прекрасные люди, такихъ у насъ немного. Смѣлыхъ много, но вѣдь и авантюристы смѣлы. А эти не отъ міра сего. Они оставили тебѣ письма?

— Нѣтъ. Сеня сказалъ, что сегодня ночью напишетъ сестрамъ и матери. А Петрусь только просилъ кланяться всѣмъ друзьямъ; у него ни отца, ни матери нѣтъ, и вообще нѣтъ близкихъ. О чемъ ты задумался, Олень? Не думай сегодня о дѣлѣ.

— Я думаю о Морисѣ. Не всѣ товарищи ему довѣряютъ.

— А ты?

— Я въ немъ не сомнѣваюсь. Но онъ очень несчастенъ! Онъ продолжаетъ вести игру съ охранкой, но кажется ничего не выйдетъ: тамъ ему тоже не очень довѣряютъ, требуютъ отъ него чего-нибудь существеннаго, попросту — выдачъ.

— Слушай, Олень, пусть онъ выдастъ меня; это создастъ ему положеніе.

— Какой вздоръ, Наташа!

— Нѣтъ, не вздоръ. Я покажу, что работала съ вами.

— Чтобы тебя повѣсили?

— Ну что-жъ! Вмѣстѣ жили, вмѣстѣ и умремъ. Помнишь, какъ ты это говорилъ? А я не боюсь.

— Нѣтъ, Наташа, такъ дешево гибнуть нельзя. И Морисъ на это не пойдетъ. Да и уцѣлѣетъ ли онъ завтра..

— Вы оба должны себя беречь. Завтра — день Гракховъ.

Они спокойно обсуждали завтрашній день, — точно рѣчь шла объ обыденномъ, а не о возможной смерти и многихъ смертяхъ. За мѣсяцъ игры со смертью, они съ нею сжились и привыкли къ словамъ ужаса и безумія. Они на войнѣ, сегодня — подготовка, завтра — высту-

пленье, нельзя быть всегда въ нервномъ возбужденіи и прислушиваться къ своему пульсу и къ полету пули. Главное, вопросъ о цѣнности жизни своей и чужой, давно рѣшенъ, и подробности могутъ быть предметомъ спокойнаго сужденія. Покой обманчивъ, подъ нимъ клокочетъ непотухшій вулканъ мыслей и чувствъ, — но развѣ не живутъ люди добровольно въ вѣчномъ сосѣдствѣ съ кратеромъ вулкана, любуясь закатами, выращивая виноградную лозу и упрямо думая о будущемъ? Они были слишкомъ молоды для такого фатализма, —но они жили въ странѣ, судьбы которой не вычислены никакими астрологами, пути которой никому не вѣдомы, въ странѣ великаго ребячества взрослыхъ и старческой мудрости юношей.

— Знаешь, сегодня я разсказывала Гракхамъ сказку, — вѣдь они словно дѣти, имъ это было нужно. Хочешь, и тебѣ разскажу, но только другую?

Она сѣла въ уголъ дивана, а Олень легъ и положилъ ей на колѣни голову.

— Вотъ несчастье, я совсѣмъ не талантлива. У меня безконечно много сказокъ въ головѣ, а когда разсказываю — у меня выходитъ не поэзія, а какой то деревенскій расписной платокъ или вышитое крестикомъ полотенце. Скажи, почему тебя прозвали Оленемъ?

— Случайно. Какъ то говорили, что у всякаго человѣка есть сходство съ дикимъ или домашнимъ животнымъ. Перебрали всѣхъ, и меня назвали оленемъ. Вѣрно за то, что я высокій и быстро хожу.

— Не высокій, а большой. Ты большой, сильный, ловкій, смѣлый! Ты и правда — олень круторогій. Ну, слушай сказку, но только закрой глаза. Это даже не сказка, а вродѣ балета, очень русскаго, совсѣмъ даже нашего рязанскаго. Будто бы лежитъ, раскинувшись, такая огромная страна, затерянная, забытая, заснувшая, съ

лѣшими, русалками, колдунами. Русалки водятъ хороводы, и всѣ онѣ въ настоящихъ деревенскихъ, а не въ театральныхъ сарафанахъ. Отъ хоровода къ хороводу бѣгаетъ лѣшій, нескладный, волосатый, но только у меня онъ будетъ не противный, не такой — брекекекексъ, а насмѣшливый, немного грустный, очень умный, очень талантливый, поэтъ. И потомъ что-нибудь вродѣ борьбы между сномъ и пробужденьемъ, какая-нибудь дѣвушка, которая ищетъ цвѣтокъ Ивановой ночи, и находитъ — ей лѣшій помогаетъ. Оба они потомъ гибнутъ, то есть, конечно, только исчезаютъ въ этихъ образахъ, но успѣваютъ найденнымъ цвѣткомъ пробудить землю, и тогда — новая жизнь, все измѣняется, расцвѣтаетъ, и тутъ... однимъ словомъ все ярко, блеститъ, сверкаетъ, переливается... не знаю какъ сказать, но я все это отлично и ясно вижу. Тутъ два міра, которые и прямо противоположны и оба одинаково, каждый по своему, прекрасны, и одинъ переходитъ въ другой. Главное, чтобы сказка была бодрой, а все страшное — нестрашнымъ и естественнымъ, что-нибудь такое, понимаешь?

— Д-да, это бы хорошо.

— Что хорошо?

— А вотъ, что все это будетъ бодрымъ и... естественнымъ.

— Ну, конечно, Олень! Я сегодня немножко размечталась. Очень вспоминается лѣто въ деревнѣ. Липовый духъ! Ты знаешь липовый духъ?

— Еще бы!

— Когда липа цвѣтетъ. И сиреневый хорошъ, весной, а липовый лучше. Сладкій, и гудятъ пчелы.

У него не дергалась больше щека, и онъ, закрывъ глаза, видѣлъ и липу, и летающихъ пчелъ, и Наташу — тамошнюю, деревенскую. И, видя, думалъ о томъ, что она умѣетъ завораживать и что она, можетъ быть, силь-

нѣе его и сильнѣе всѣхъ другихъ. Вся ея философія — простенькая, наивная и путаная, какъ и вся ея сказка, а сама она духомъ крѣпка, какъ сталь: гнется, а не сломится. И нравилось ему, что Наташа не хрупкая дѣвушка, а настоящая большая женщина.

Не шевелясь и не открывая глазъ, Олень спросилъ:

— У тебя не бываетъ сомнѣній, Наташа? Ты совсѣмъ увѣрена, что такъ нужно?

— Какъ же не бываетъ? Я часто и во многомъ сомнѣваюсь! Почти во всемъ. Но это не мучительно, потому что, вѣдь, истины никто не знаетъ, а я ничего не боюсь.

— Даже смерти?

— Совсѣмъ не боюсь; и это искренно, Олень. Какъ боятся того, чего не можешь себѣ представить? Вотъ развѣ страданія? Но знаешь, какъ я всегда думала, съ самаго дѣтства? Такъ думала: жизнь, сама по себѣ, это вѣчная творческая радость, а страданье — это временное, внѣшнее что ли. Вотъ какъ рѣка, съ обвалами береговъ, съ камнями, со множествомъ камней, — а вѣдь никто не скажетъ — «это камни съ рѣкой!», а всегда — «рѣка съ камнями». И вотъ, когда передъ тобой смерть, — обвалы и камни исчезаютъ, а остается привольное и широкое теченіе рѣки, то есть русло нашей жизни и творческой радости. И, значитъ, всякое страданіе ничтожно и бояться его нечего, — если только по настоящему, всѣмъ нутромъ любишь жизнь. Потому я и не боюсь.

— А за другихъ?

— Все равно. И они въ послѣдній моментъ поймутъ, хотя бы въ самый послѣдній.

— Я не про то; я говорю о правѣ убивать другого.

— Какое же право? Тутъ не право, а законъ природы. Безъ насилія нѣтъ живого. Ступишь шагъ — и раз-

давишь букашку. И даже когда дышишь. Не по праву, а потому, что такъ міръ устроенъ. Насиліе естественно и необходимо.

— А мы говоримъ, что боремся съ насиліемъ во имя свободы.

— Мы и боремся, но съ чужимъ насиліемъ и за свою свободу. Всѣ борятся. Такъ и нужно. Я и не вѣрю ни въ какіе соціализмы и правовыя государства. Все это — выдумано.

Олень вслушивался больше въ пріятный голосъ Наташи и ея хорошее русское произношеніе, чѣмъ въ смыслъ ея словъ. Вотъ она говоритъ, а пожалуй и сама плохо понимаетъ слова «право», «свобода», «соціализмъ». Она училась, была на курсахъ, но умъ у нея отъ природы не интеллигентскій, простацкій. А вѣра въ ней искренняя и настоящая. Сама ли додумалась, или вычитала и увѣровала, — и сейчасъ же прилагаетъ къ жизни, и ужъ не свернетъ въ сторону. Ницшеанство въ ней уживается съ россійскимъ суевѣріемъ, какъ и модный европейскій костюмъ — съ бѣлымъ на головѣ платочкомъ или съ провинціальнымъ бантомъ. И при такой внѣшней путаницѣ — изумительная внутренняя цѣльность и настоящее здоровье, хорошее, полнокровное. Если ей суждено жить — она чутьемъ найдетъ себѣ вѣрную дорогу.

Думалъ о ней, не думалъ ни о себѣ ни о своемъ завтра. Слышалъ, какъ Наташа отъ «умныхъ» словъ опять перешла къ своему любимому разговору о закатахъ, о томъ, какъ прячется и умираетъ солнце, а ему на смѣну дрожащимъ свѣтомъ загораются облака, и вмѣсто ожидаемой темноты — новая яркая красота; и о томъ, какъ вечеромъ надъ Окой, надъ самой водой, бѣлымъ туманомъ летаютъ мотыльки, которыхъ зовутъ паденками; живутъ они только нѣсколько часовъ, рождаются толь-

ко для любви и затѣмъ гибнуть, — вся вода ими покрыта, и ихъ хватаетъ рыбья мелюзга.

ЖАРКІЙ ДЕНЬ АВГУСТА

Въ дешевомъ номеркѣ меблированныхъ комнатъ, у стола, накрытаго твердой синей бумагой, молодой человѣкъ писалъ письмо. Онъ не былъ большимъ грамотеемъ, поминутно слюнилъ карандашъ и лѣпилъ букву къ буквѣ съ большимъ трудомъ и напряженіемъ. Въ заголовкѣ листика бумаги стояло:

«Драгоценая мамонька и любезные сестры!!»

А дальше корявыми и милыми словами было сказано, что сынъ ихъ и братъ идетъ помирать за свободу и за весь русскій народъ, а когда онѣ получатъ письмо, то на свѣтѣ его больше не будетъ. И чтобы простили его за всѣ огорченья. И чтобы вѣрили, что иначе нельзя, а что онъ ихъ всегда любилъ и жалѣлъ.

Отъ вдавленныхъ буквъ коробилось письмо, а оттискъ карандаша остался на синей подстилкѣ. Окончивъ письмо и подписавшись любящимъ сыномъ и братомъ Сеней, молодой человѣкъ не зналъ, что дальше съ этимъ письмомъ дѣлать, потому что по почтѣ его послать нельзя, — и рѣшилъ, что передастъ товарищу, который ихъ повезетъ, — а ужъ дальше письмо переправятъ матери, когда будетъ можно.

Къ половинѣ перваго дня, какъ было условлено, Сеня былъ готовъ: надѣлъ новую пару на тяжелый и душный жилетъ, поглядѣлъ на себя въ тусклое и засиженное мухами зеркало и усмѣхнулся, что вотъ онъ какой баринъ! Одновременно подумалъ: какъ жалко, что совсѣмъ новенькій костюмъ, за который заплачены большія деньги, пропадетъ; отдать бы его кому изъ преж-

нихъ фабричныхъ пріятелей, — вотъ бы тотъ обрадовался! Смѣшнѣе всего былъ ему твердый котелокъ, краемъ рѣзавшій лобъ: надвинешь его на брови — темная личность, а заломишь на затылокъ — чистый забулдыга! Затѣмъ сѣлъ у окна и сталъ ждать.

Ждать было утомительно, потому что думать не хотѣлось, все передумано, — поскорѣе бы кончить съ этимъ дѣломъ. Бояться не боялся, а во рту было сухо и въ глазахъ какъ бы легкій туманъ. Это оттого, что плохо спалъ ночь; ночью думается.

Ждалъ на полъ часа дольше условленнаго. Томился — не случилось ли чего? И тогда, сквозь туманъ, проглядывала стыдная надежда, что не по его, Сени, винѣ планъ разстроится и что можно будетъ снять жаркій, мучительно прилипающій къ тѣлу жилетъ со страшной коробочкой.

Когда увидалъ подъѣхавшее къ дому ландо, въ которомъ сидѣлъ молодой жандармскій ротмистръ, сначала похолодѣлъ, потомъ догадался, что вѣдь это и есть Петрусь. Схватилъ котелокъ — и, забывъ на столѣ прощальное письмо, торопливо сбѣжалъ по лѣстницѣ.

Стараясь незамѣтно вытирать на лбу потъ, завѣдующій агентурнымъ отдѣломъ докладывалъ:

— Никакихъ случайностей ожидать нельзя и всѣ мѣры приняты. Одно непріятно — ощущаемъ недостатокъ во внутреннемъ освѣщеніи. Боевая организація эсеровъ обезврежена точнымъ освѣдомленіемъ, а съ максималистами дѣло хуже.

— То есть?

— Есть освѣдомители въ Финляндіи, но ничтожные.

Мы знаемъ адреса нѣкоторыхъ конспиративныхъ квартиръ, адресъ динамитной мастерской...

— Даже?

— Такъ точно. Но этого мало.

— Почему же не ликвидируете?

— Этимъ только распугаемъ на время, а главарей взять не удастся.

— Кто это — главари?

— Во главѣ стоитъ нѣкій Олень, конечно, — кличка, участникъ террористическихъ выступленій въ Москвѣ, человѣкъ несомнѣнно большой силы и огромнаго въ ихъ средѣ вліянія.

— Вы его не можете найти?

— Чрезвычайно искусно скрывается, хотя находится въ Петербургѣ. Однажды его опознали въ Гельсингфорсѣ, но тамошніе законы...

— Ну да, знаю. А еще?

— Еще рядъ дерзкихъ преступниковъ, въ томъ числѣ женщины. Одну мы знаемъ. Это — дочь члена Государственнаго Совѣта Калымова.

— Пикантно! Членъ по выборамъ? Кажется — изъ лѣвыхъ?

— Такъ точно. То есть, собственно, октябристъ.

— Ага. Ну-съ?

— Очень тщательно вожаки законспирированы, даже отъ своихъ. Необходимо усилить внутреннее освѣщеніе.

— Ну-съ?

— Надежда есть. Одинъ изъ ближайшихъ друзей этого Оленя, соучастникъ вооруженнаго ограбленія въ Москвѣ, былъ въ нашихъ рукахъ и обѣщалъ сотрудничество.

— Почему, былъ? Гдѣ же онъ теперь?

— Временно освобожденъ, именно въ цѣляхъ по-

мощи, но остается, конечно, подъ наблюденіемъ. Связей, однако, еще не установилъ.

— Какъ фамилія?

Завѣдующій агентурой замялся: называть фамиліи сотрудниковъ было не въ обычаяхъ департамента полиціи, даже если освѣдомляется министръ.

— Извѣстенъ подъ кличкой Мориса.

— Такъ. Ну, а относительно... по поводу ближайшаго плана... вы, помнится, говорили...

— О попыткѣ покушенія на ваше высокопревосходительство? Выяснено, что пустой слухъ. Имѣлись свѣдѣнія о двухъ автомобиляхъ, начиненныхъ, такъ сказать, динамитомъ, но это совершенно невозможно.

— Вы думаете? А какъ вотъ сейчасъ взлетимъ?

— Невозможно-съ! Такого количества динамита, даже и на одинъ автомобиль, у нихъ нѣтъ и не можетъ быть, объ этомъ мы знаемъ точно. Да и психологически, такъ сказать, не вѣроятно, чтобы преступники взорвались сами.

— Ну, это преступники особенные!

— Мѣры, во всякомъ случаѣ, приняты, и даже подъѣздъ огороженъ рогатками. Но, повторяю, слухъ совершенно недостовѣренъ.

— Такъ. Ну что-жъ, дѣйствуйте. А какъ сегодня жарко!

На лысинѣ министра капельками выступалъ потъ.

Ротмистръ и штатскій въ котелкѣ ѣхали молча. Сеня смотрѣлъ по сторонамъ и осторожно ощупывалъ сквозь одежду острые углы коробочки. Петрусь, очень красивый въ формѣ жандармскаго ротмистра, смутно вспоминалъ, какъ въ дѣтствѣ его везла на экзаменъ мать

— тоже было жарко и тоже было мутно въ головѣ, сухо во рту и немного страшно. А впрочемъ вѣдь это было въ сентябрѣ, значитъ, такой жары быть не могло. По улицамъ шли люди со свертками по своимъ маленькимъ дѣламъ, копыта лошади стучали о камни мостовой, все было обыкновенно и знакомо.

Бородатый кучеръ хорошо управлялся съ парой лошадей, объѣзжалъ, гдѣ полагалось, городовыхъ и ловко перебиралъ въ рукахъ возжи. Единственное, что его немного безпокоило, это то, что браунингъ былъ не въ карманѣ — кармана при кучерскомъ нарядѣ не полагалось — а подъ сидѣньемъ. Чтобы достать его, нужно было слегка приподняться. Подстегивая лошадь, кучеръ думалъ: «Олень волнуется, мы опоздали на полчаса!». Его безпокоило, не вызвала ли такая оплошность подозрѣній Оленя? Не подумалъ ли онъ, что напрасно довѣрился старому товарищу, запутавшемуся въ своемъ революціонномъ поведеніи? Но сегодняшнее участіе въ дѣлѣ будетъ окончательной реабилитаціей въ глазахъ всѣхъ товарищей, — когда узнается, кто былъ кучеромъ. А страшную и противную игру можно будетъ окончательно оставить!

На набережной Невки Морисъ даже прикрикнулъ на лошадей: «н-но-о!», хотя приличному кучеру это совсѣмъ не полагалось.

Трехлѣтній мальчикъ и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати смотрѣли съ балкона въ садъ. Мальчикъ спрашивалъ у сестры:

— А почему не гулять?

— Мама говоритъ — жарко.

— А почему жарко?
— Потому что солнце.

Мальчикъ поднялъ голову, но солнца не увидалъ, такъ какъ оно было за домомъ. Просунувъ головку сквозь перила балкона, мальчикъ увидалъ внизу сидящаго на скамейкѣ человѣка, который гладилъ пуделя. Пуделя звали Дэкъ, а человѣкъ просиживалъ на скамейкѣ почти весь день. Дальше, за рѣшеткой сада, тоже цѣлый день прогуливался какой-то человѣкъ, а иногда ихъ было двое. Мальчикъ спросилъ:

— А кто тамъ ходитъ?
— Я не знаю. Это вѣрно, сторожа.
— Зачѣмъ они ходятъ?

Сестра не знала и не отвѣтила. Ей тоже хотѣлось гулять въ саду, такъ какъ въ комнатахъ было душно, а на балконѣ нечего дѣлать. Потомъ она вспомнила, что очень интересно пускать съ балкона маленькія, узкія полоски бумаги и смотрѣть, какъ онѣ вертятся и летятъ, пока не запутаются въ листьяхъ дерева или не упадутъ на дорожку; а иногда ихъ уноситъ совсѣмъ далеко, за садъ. Она принесла листъ бумаги и ножницы, и тогда оба занялись дѣломъ.

Первая бумажка полетѣла неудачно, прямо внизъ, и упала передъ скамейкой. Пудель подбѣжалъ къ ней, понюхалъ, а сидѣвшій человѣкъ поднялъ голову, увидалъ на балконѣ дѣтей министра и почтительно осклабился. Потомъ онъ посмотрѣлъ на часы и подумалъ:

— Второй часъ. Нынче пріемъ затянулся, народу много. Раньше, чѣмъ черезъ часъ и не кончится; значитъ — и смѣны не жди!

И онъ зѣвнулъ долгимъ и протяжнымъ зѣвкомъ,

такъ что даже лязгнулъ зубами. Пудель оставилъ бумажку и съ интересомъ поглядѣлъ на сидѣвшаго человѣка.

Ландо подъѣхало къ особняку министра и, по знаку городового, остановилось на нѣкоторомъ разстояніи отъ подъѣзда, отгороженнаго рогатками. Ротмистръ и штатскій вышли и быстрыми шагами направились ко входу. Ландо немедленно отъѣхало, и кучеръ подхлестнулъ лошадей. Проѣхавъ кварталъ, онъ свернулъ въ боковую улицу. Медленно шедшій по этой улицѣ жандармскій унтеръ съ разносной книгой прибавилъ шагу по направленію къ особняку. Кучеръ съ унтеромъ не обмѣнялись ни взглядомъ, ни жестомъ.

. . . .

Минутъ десять спустя, тотъ же черноусый унтеръ, но безъ фуражки и безъ разносной книги, забѣжалъ въ угловую аптеку неподалеку отъ министерскаго особняка. Весь персоналъ аптеки толпился у входа. Большое зеркальное стекло было выбито, и осколки его хрустнули подъ каблукомъ унтера. Были выбиты стекла и въ сосѣднихъ домахъ, и на всей улицѣ царило смятенье: люди у подъѣздовъ, у воротъ и у оконъ, перепуганныя лица, окрики извощиковъ, звонки велосипедистовъ и гудокъ рѣдкаго по тому времени автомобиля.

Унтеръ попросилъ скорѣе перевязать ему руку, пораненную выше кисти; его рукавъ былъ въ крови. На разспросы отрывисто отвѣчалъ, что его поранило при взрывѣ и что приказано вызвать докторовъ для перевязокъ и для помощи раненымъ, а что народу пострадало мно-

го, хотя ничего подробно разсказать не можетъ, самъ не знаетъ.

— Какъ оно дернуло, я былъ у подъѣзда, меня швырнуло и, надо быть, доской ударило.

— Да что же тамъ?

— Ничего не знаю, только взорвали домъ и, сказываютъ, самого министра убило.

Ему быстро обмыли и забинтовали руку, — рана была незначительной. Аптекарь, накладывая повязку, спросилъ:

— Больно вамъ?

— Ничего, бывало больнѣе, да не плакалъ.

Но, вѣроятно, боль все же была сильной, такъ какъ у унтера дергалась щека.

Еще разъ повторивъ, чтобы немедленно и сами бѣжали и вызывали докторовъ, унтеръ поспѣшно вышелъ. На улицѣ его остановилъ запыхавшійся околодочный, которому унтеръ что то объяснилъ, сильно жестикулируя и указывая въ сторону особняка. Выслушавъ на ходу, полицейскій чинъ, поддерживая шашку, побѣжалъ дальше, куда указывалъ унтеръ. Еще два-три человѣка остановили унтера, — и всѣмъ имъ онъ взволнованно и махая рукой что то спѣшно пояснялъ. Пробѣжавъ такъ двѣ улицы, онъ скрылся въ подъѣздѣ большого дома.

Спустя еще немного изъ подъѣзда вышелъ безусый блондинъ въ панамѣ и длинномъ пальто, наглухо застегнутомъ, несмотря на жару. Подозвавъ извощика, сказалъ адресъ большого отеля. Извощикъ, едва отъѣхавъ, повернулся къ сѣдоку:

— А что, баринъ, слыхали, сказываютъ — домъ взорвали?

Сѣдокъ хмуро отвѣтилъ:

— Взрывъ слышалъ. Думалъ стрѣляютъ.

— Будто у самого у министра!

— Не знаю.

Когда выѣхали на большую и людную улицу, господинъ въ панамѣ велѣлъ остановиться:

— Ну и кляча у тебя! Мнѣ къ спѣху, а этакъ никогда не доѣдемъ.

— Какъ, баринъ, не доѣхать. А лошадка ничего, да вонъ жара какая!

— Нѣтъ, милый, лучше ужъ получай деньги, мнѣ некогда. Вонъ возьму того, на резинкахъ!

И онъ пересѣлъ на лихача.

Несмотря на очень жаркій день, гуляющихъ въ саду почти не было. На скамейкѣ главной аллеи сидѣла дама и читала книжку. Когда въ глубинѣ аллеи показалась мужская фигура въ длинномъ пальто, дама быстро вскочила, но, сейчасъ же сдержавъ себя, не спѣша пошла на встрѣчу. Не поздоровавшись и не разговаривая, они пошли рядомъ, пока не миновали няню съ дѣтьми и не свернули въ боковую аллею.

— Ну?

— Я самъ не знаю еще.

— Но что было?

— Я не ждалъ, что случится такъ быстро. Они опоздали, но потомъ проѣхалъ Морисъ, и тогда я пошелъ туда. И только подходилъ къ крыльцу — меня отбросило взрывомъ. И вотъ — живъ.

— А Гракхи?

— Гракхи... тамъ. Взрывъ былъ страшный, я оглушенъ. Половина дома разрушена, и, конечно, много убитыхъ. На улицѣ убиты лошади!

— А онъ?

— Можетъ быть, вѣдь я еще не знаю. Слишкомъ

скоро случилось. Боюсь, что ихъ не впустили. Но вѣдь это все равно, Наташа!

Онъ замолчалъ, такъ какъ имъ навстрѣчу шла другая молодая пара. Замолчали и тѣ, — вѣроятно и ихъ разговоръ былъ секретнымъ и не удобнымъ для посторонняго уха.

Былъ послѣдній теплый мѣсяцъ, и людямъ молодымъ было естественно пользоваться солнцемъ и тѣнью для милыхъ встрѣчъ и тайныхъ разговоровъ.

РОЛИ СЫГРАНЫ

Молодая купеческая чета Шляпкиныхъ исчезла. Горничной Машѣ не пришлось заявлять объ этомъ въ полицію: полиція явилась сама. Домъ былъ окруженъ цѣлымъ отрядомъ, и тѣ, которымъ пришлось первыми войти въ подъѣздъ, тряслись отъ страха и сжимали въ рукахъ револьверы. Позвонилъ дворникъ и въ отвѣтъ на «кто тутъ?» сказалъ: «это я, дворникъ Василій, отопри». Она отперла — и не успѣла крикнуть: ее схватили и заткнули ей ротъ. Но квартира была пуста, и полицейскій приставъ, широкую спину котораго уже щекоталъ холодокъ смерти, вздохнулъ облегченно: страшныя птицы улетѣли.

Когда Машу допрашивали въ участкѣ, она все еще думала, что тутъ должна быть ошибка: ничего дурного она за жильцами не примѣчала. Между собой жили хорошо, гости бывали рѣдко, и все люди приличные, водки за столомъ не бывало, отъ барыни она не слыхала дурного слова, баринъ былъ вѣжливый, жалованье платили безъ всякой задержки и дарили подарки. А когда узнала, что будто молодые господа взорвали домъ и убили двадцать-ли — тридцать-ли человѣкъ, да столько

же поранили, — не хотѣла вѣрить: «развѣ злодѣи такими бываютъ!»

Цѣлыми днями ее возили по городу, часами держали на вокзалахъ, надѣвъ на нее шляпку и модную мантилью, — но ни своихъ бывшихъ господъ, ни ихъ гостей, она не видѣла. Показывали фотографіи — ихъ признала. Но только барыня на карточкахъ была помоложе, совсѣмъ дѣвочкой, а ея мужъ вышелъ чернымъ, а не бѣлокурымъ, и волосы длинные, какихъ этотъ не носилъ.

Въ квартирѣ забрали бѣлье, книги, коробку револьверныхъ патроновъ, но ни писемъ, ни бумагъ не было; только брошенные счета прачки, молочной и зеленной лавки. На бѣльѣ не было мѣтокъ. Нѣтъ, Маша не могла повѣрить, что почти три мѣсяца прослужила у грабителей и убійцъ!

Дворникъ, читавшій газеты и бывавшій въ участкѣ, разсказывалъ:

— Самого однимъ чудомъ не убили, онъ къ имъ не вышелъ, а комната его дальняя. А дѣтокъ ихнихъ, дѣвочку съ мальчикомъ, покалѣчили; подъ ими балконъ подломился. Третій то этажъ провалился во второй, а вмѣстѣ — въ нижній. И всѣ стѣны упали, которыя выходили въ садъ. Народу убито — нѣтъ числа. И сами убиты.

— Баринъ съ барыней?

— Баринъ съ барыней твои тамъ не были, а убиты ихъ пріятели, изъ ихней шайки.

— Неужто молоденькіе, что у нихъ бывали?

— Ужъ этого не знаю. Насчетъ возраста неизвѣстно, потому — разорвало ихъ на мелкіе кусочки.

О томъ же читала въ газетахъ Наташа, сидя въ саду, на дачѣ, и смотря, какъ съ деревьевъ на дорожки падаетъ желтый листъ. Жалости къ убитымъ не испыты-

вала: вѣдь и братья Гракхи погибли; смерть остальныхъ — только плата за смерть юношей. Но когда прочитала, что двѣнадцатилѣтнюю дочку министра также звали Наташей, — сжалась и похолодѣла. Пойти бы и взглянуть... Или поступить въ сидѣлки въ больницу, гдѣ лежитъ раненая дѣвочка. И ночи проводить у ея кровати, подавая ей пить, осторожно поправляя подушки, прислушиваясь ночами къ ея жалобнымъ стонамъ. Потомъ узнаютъ, арестуютъ — и вотъ искупленье.

Въ лѣсу, въ условленномъ мѣстѣ, встрѣчалась съ Оленемъ. Онъ былъ блѣденъ, очень исхудалъ, не могъ сдерживать нервныхъ подергиванiй, — но это былъ тотъ же Олень, сильный, весь захваченный страшной борьбой. Отъ него узнала, что на другой день послѣ взрыва эсеры убили командира Семеновскаго полка, усмирителя московскаго возстанiя. Значитъ и имъ удаются выступленiя! Но все таки Евгенiя Константиновна отъ нихъ отошла и будетъ теперь съ нами.

Ни объ ужасахъ взрыва, ни о раненыхъ дѣтяхъ, ни объ оставшемся въ живыхъ министрѣ Олень не говорилъ, — только о новыхъ планахъ, теперь уже о центральномъ террорѣ, для котораго нужны большiя средства, и эти средства нужно достать во что бы то ни стало. Еще разсказывалъ о массовыхъ разстрѣлахъ матросовъ въ Кронштадтѣ, о томъ, какъ девятнадцать человѣкъ были привязаны къ одному канату, протянутому между двумя столбами, какъ ихъ же товарищи должны были ихъ разстрѣливать, какъ, по первой командѣ, стрѣлки дали невѣрный залпъ, многихъ поранили, а потомъ, по приказу начальства, добивали штыками и прикладами... Какъ не выдержалъ канатъ и куча недобитыхъ тѣлъ извивалась и корчилась на землѣ, а палачи, охваченные ужасомъ, то бросали оружiе, то снова хватали и старались скорѣе прикончить и чужiя и свои

страданія. И какъ затѣмъ погрузили на пароходъ и повезли топить въ море мѣшки съ изрубленнымъ человѣческимъ мясомъ.

Олень, этотъ безстрашный мужчина, дрожалъ и дергался, передавая объ этомъ Наташѣ со словъ очевидцевъ. И оба они чувствовали, что теперь уже не можетъ быть мирной жизни, что они опутаны смертью и смертями, и что дѣвочка съ переломленными ногами и тяжко раненый трехлѣтній сынъ министра — только мелкіе эпизоды безпощадной войны двухъ міровъ, и что все это кончится только въ тотъ моментъ, когда они оба, съ радостью и облегченіемъ, оттолкнувъ палача, накинутъ на шею намыленную веревку. Свидѣтелей не будетъ — но пусть это будетъ смѣло и красиво!

На свиданьѣ было рѣшено, что всѣмъ уцѣлѣвшимъ участникамъ взрыва придется разъѣхаться и временно скрываться по дачамъ и по маленькимъ городамъ, чтобы отдохнуть и замести слѣды. — Только лабораторія отдыхать не можетъ; ее успѣли перенести въ новое помѣщеніе. За это время Олень выработаетъ подробный планъ экспропріаціи, а затѣмъ, при удачѣ, всѣ силы и всѣ средства будутъ направлены на центральный терроръ.

— Значитъ ты останешься въ Петербургѣ?

— Я останусь, мнѣ нельзя уѣхать. Здѣсь мнѣ легче затеряться. Я, вѣроятно, хорошо устроюсь на заводѣ; есть вѣрный и настоящій паспортъ.

Наташа внимательно оглядѣла недавняго барина, съ которымъ она пила чай въ ихъ буржуазной столовой и дѣлила ложе въ безвкусной спальной. Теперь передъ ней былъ невзрачный телеграфный чиновникъ, съ маленькими черными усиками, въ фуражкѣ со значкомъ, въ несвѣжемъ костюмѣ, въ дымчатомъ пенсне на черномъ

шнурочкѣ. Да, его не легко узнать, — только она можетъ узнать Оленя подъ любой личиной.

Они разошлись, условившись о днѣ новой встрѣчи и о всѣхъ возможныхъ случайностяхъ. Разставаясь, простились за руку. Прежнія роли были сыграны — и какъ будто отъ прежнихъ отношеній ничего не осталось.

«ЭКСЪ»

Солдатъ-пѣхотинецъ, мирно стоявшій на углу и козырявшій офицерамъ, вдругъ свиснулъ, бросился на середину улицы и схватилъ подъ уздцы лошадей проѣзжавшей казенной повозки. Сидѣвшій въ повозкѣ человѣкъ въ форменной фуражкѣ ударилъ кучера кулакомъ въ спину и истошно крикнулъ:

— Гони, чортъ!

Кучеръ хлестнулъ, лошади дернули и повозка рванулась. Тогда солдатъ, отбѣжавъ въ сторону, взмахнулъ рукой и самъ бросился ничкомъ на мостовую. Страшнымъ взрывомъ подбросило лошадей и опрокинуло съ козелъ кучера и конвойнаго солдата. Двое другихъ конвойныхъ и человѣкъ въ чиновничьей фуражкѣ, оглушенные взрывомъ и пораненые, клубками выкатились на мостовую.

Въ ту же минуту къ повозкѣ подбѣжало нѣсколько человѣкъ, одинъ — въ матросской формѣ, другой въ отличномъ городскомъ костюмѣ, еще нѣсколько въ рабочихъ блузахъ, всѣ съ револьверами въ рукахъ. Двое срывали брезентъ и шарили, остальные обезоружили очумѣвшихъ конвойныхъ и оттѣснили ихъ отъ повозки. На мостовую вылетѣла большая кожаная сумка, за ней кованый ящикъ, повисшій на длинной цѣпи.

На улицѣ было смятенье. По обѣ стороны въ до-

махъ вылетѣли стекла. Случайные прохожіе разбѣгались, нѣсколько раненыхъ ползло по панели. Толпа убѣгавшихъ наталкивалась на тѣхъ, кто бѣжалъ къ мѣсту происшествія, вдали свистѣли городовые.

Одинъ изъ возившихся около повозки крикнулъ:

— Олень! Ящикъ прикованъ!

Солдатъ, первымъ задержавшій лошадей, скомандовалъ:

— Унесите сумку! Теперь отойдите въ сторону! У кого снарядъ? Разбить повозку!

Второй взрывъ перевернулъ повозку, у которой оторвало и далеко отбросило колесо. Осколками дерева и желѣза убило одного изъ конвойныхъ и ранило двоихъ нападавшихъ. Чиновникъ вырвался и съ крикомъ побѣжалъ по улицѣ. Когда снова бросились къ ящику, оказалось, что цѣпь по прежнему держитъ его прикованнымъ къ желѣзной обивкѣ оторвавшихся козелъ.

Сумка по командѣ исчезла. Одинъ изъ участниковъ нападенія добѣжалъ съ нею до угла, ворвался въ небольшую кондитерскую, швырнулъ ее сидѣвшей за столикомъ нарядно одѣтой дамѣ и выбѣжалъ обратно.

Передъ его входомъ дама пила молоко съ пирожными и читала книжку. Услыхавъ первый взрывъ, она вынула кошелекъ, положила на столъ монету и не проявила ни малѣйшей растерянности, пока хозяйка и прислуга въ страхѣ метались по кондитерской. Когда молодой человѣкъ бросилъ сумку, дама подняла ее, съ брезгливой торопливостью завернула въ широкій шарфъ и быстро вышла чернымъ ходомъ во дворъ; отсюда прошла воротами, толкнувъ стоявшаго у калитки мужчину и сказавъ «пардонъ». У самыхъ воротъ лихачъ едва сдерживалъ испуганную взрывами лошадь. Дама сѣла въ коляску, и кучеръ, ни о чемъ не спрашивая, пустилъ лошадь.

На первомъ поворотѣ лихачу пришлось задержаться, такъ какъ навстрѣчу летѣлъ отрядъ конныхъ жандармовъ. При ихъ приближенiи, дама вынула изъ сумочки маленькiй револьверъ съ перламутровой рукояткой и прикрыла его снятой перчаткой. Отрядъ промчался мимо, и лихачъ тронулся дальше. Черезъ минуту раздался новый взрывъ, а спустя нѣкоторе время донесся издали четвертый. Дама положила свою блестящую игрушку обратно въ сумочку.

Топотъ лошадиныхъ копытъ заставилъ нападавшихъ бросить ящикъ. Былъ отданъ приказъ разбѣгаться, но теперь уже не легко было это сдѣлать. Съ одного конца улицы бѣжали небольшой толпой городовые и дворники, съ другой приближался конный жандармскiй отрядъ. Изъ пятнадцати участниковъ нападенiя только шестерымъ удалось прорваться и скрыться.

У остальныхъ завязалась перестрѣлка съ полицiей. На мостовой лежало нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. Въ общей паникѣ было невозможно отличить участниковъ грабежа отъ случайно попавшихъ въ толпу прохожихъ, которымъ теперь некуда было скрыться, такъ какъ дворники ближайшихъ домовъ захлопнули ворота и подъѣзды.

Когда изъ переулка показался конный отрядъ, всѣ въ безпорядкѣ бросились въ противоположную сторону. Олень, удержавъ за руку одного изъ товарищей, потянулъ его въ сторону конныхъ.

— Есть снаряды?

— Два.

— Одинъ дай мнѣ — и идемъ на проломъ. Можетъ быть задержимъ.

Отбѣжавъ въ разныя стороны улицы, они пошли навстрѣчу отряду. Первымъ бросилъ бомбу товарищъ, и Олень видѣлъ, какъ переднiя лошади поднялись на ды-

бы и три изъ нихъ упали, давя раненыхъ всадниковъ. Ряды были разметаны, лошади не слушались, люди быстро спѣшивались и старались укрыться за крупами животныхъ. Заднiй рядъ жандармовъ повернулъ и помчался обратно въ переулокъ.

— Трусы! — подумалъ Олень.

Онъ подходилъ медленно, держа бомбу за спиной. Его солдатская форма отвлекала вниманiе. Онъ видѣлъ, какъ на товарища, бросившаго бомбу, напали два спѣшившихся жандарма и зарубили его шашками. Слышалъ выстрѣлы и крики позади, гдѣ остались другiе товарищи, помочь которымъ онъ уже не могъ. Когда остатки отряда надвинулись на него, онъ схватился за грудь и упалъ на тротуарѣ, у самой стѣны дома, едва не выронивъ снарядъ. Конные, стараясь сдерживать лошадей и со страхомъ озираясь, проѣхали мимо. Тогда Олень вскочилъ и бросился бѣжать. Онъ былъ уже далеко, когда услыхалъ за спиной лошадиный топотъ: его замѣтили. Только бы добѣжать до слѣдующаго угла, гдѣ есть проходной дворъ — можетъ быть, ворота не заперты!

Но вотъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ: это въ него. Олень добѣжалъ до фонарнаго столба и укрылся за нимъ. Два жандарма, держа винтовки на прицѣлъ, подскакали къ нему. Тогда онъ взметнулъ правой рукой и бросилъ снарядъ подъ ноги лошадей.

Онъ уже не оглядывался и ничего не слыхалъ позади: онъ былъ оглушенъ взрывами. Теперь онъ бѣжалъ съ револьверомъ въ рукѣ, громко крича: «держи, держи!». Нѣсколько человѣкъ шарахнулось въ сторону, люди впереди разбѣгались. Намѣтивъ одного, спѣшно убѣгавшаго, безъ шляпы, Олень устремился за нимъ, продолжая кричать. Онъ видѣлъ, какъ циклистъ, очевидно — полицейскiй агентъ, повернулъ и тоже погнался за

убѣгавшимъ прохожимъ, который споткнулся и упалъ. Циклистъ бросилъ велосипедъ и навалился на лежащаго. Олень подбѣжалъ и крикнулъ: «держи его крѣпче!». Затѣмъ, схвативъ брошенный велосипедъ, онъ сѣлъ на него и умчался, неистово звоня. Агентъ и упавшій прохожій были далеко.

Лихачъ остановился у подъѣзда. Вынувъ кошелекъ, дама дала кучеру монету и тихо сказала:

— Слушайте, Морисъ, если Олень живъ, скажите ему, что я могу хранить сумку только до девяти вечера. Если за ней не явятся раньше, я отвезу ее сама на Васильевскій островъ.

Бородатый кучеръ приподнялъ шапку.

Дама отперла дверь своимъ ключомъ. Пройдя въ комнату, она приподняла заслонку камина и сунула туда сумку, завернутую въ шарфъ. Въ дверь постучали.

— Войдите! Это вы, дядя?

— Я видѣлъ, какъ ты подъѣхала.

— Я очень устала. Если хотите — выпьемъ кофе или чаю. Я взяла билеты на завтрашній концертъ. Вы пойдете, дядя?

— Если возьмешь меня.

— Возьму, и охотно. Очень хочется послушать хорошую музыку. Въ Петербургѣ шумно, пыльно и удивительно скучно.

— Тебѣ, кажется, вездѣ скучно.

— Мнѣ? Напротивъ, я умѣю развлекаться. Но сегодня, дѣйствительно, я устала отъ уличнаго шума. Такъ какъ же, дядя, чаю или кофе? Да вы еще не брились? Вы опускаетесь, ваше превосходительство!

МЫШЕНОКЪ

Дѣвушка въ синей шляпкѣ робко позвонила.

— Можно видѣть Евгенію Константиновну?

— Какъ доложить?

Она не была подготовлена къ такому вопросу; тамъ, гдѣ она обычно бывала, никакихъ докладовъ не полагалось. Какъ сказать? Просто — Фаня? Или съ фамиліей? Или нужно сказать прислугѣ пароль?

— Скажите, что по дѣлу... изъ магазина.

— Изъ какого магазина?

— Изъ шляпнаго.

Лучшаго она не могла придумать: сама была похожа на модистку, а въ рукахъ ея была картонка. Ее попросили подождать въ передней, потомъ проводили до комнаты Евгеніи Константиновны.

Обстановка не была ни парадной, ни богатой, — но Фанѣ показалось, что она попала въ необыкновенно блестящій домъ: и зеркала, и ковры, и картины. Ужъ не ошиблась ли она? Но и адресъ и имя вѣрны.

Онѣ не были знакомы, и Евгенія Константиновна не подала ей руки и не попросила садиться.

— Васъ послали ко мнѣ? Изъ какого магазина?

— Нѣтъ, я только такъ сказала, а я за сумкой.

Недоумѣнно поднятыя брови:

— За какой сумкой?

Фаня смутилась: нужно было сказать не такъ, вѣдь учили же ее!

— «Съ поклономъ и за письмомъ».

Евгенія Константиновна подала ей руку.

— А мы съ вами не встрѣчались. Вы, вѣроятно, Фаня?

— Да.

— Ну, такъ я васъ знаю. Вы, вѣдь, настоящій герой!

Дѣвушка удивилась.

— Можетъ быть, вы меня съ кѣмъ нибудь спутали? Я ничего не дѣлаю.

— Вы жили въ Финляндіи?

— Да.

— Тогда не спутала; знаю, что вы много дѣлали. А какъ ваше здоровье, Фаня? Вы были больны?

— Ничего, спасибо. Немножко хворала, теперь лучше. У меня слабыя легкія.

Онѣ были такъ несходны и, казалось, между ними ничего не могло быть общаго. А между тѣмъ — были тѣсно связаны ихъ судьбы, и имъ могла грозить одна участь.

Евгенья Константиновна достала изъ камина сумку и помогла Фанѣ уложить ее въ большой шляпный картонъ.

— Выдержитъ?

— Да, онъ крѣпкій. Я въ немъ уже носила тяжелое; онъ такъ сдѣланъ.

— Лучше бы нести безъ сумки, но я не знаю, какъ ее открыть; вѣроятно, надо взломать замокъ. И притомъ — мнѣ некуда бросить эту сумку и невозможно уничтожить. Вы, Фаня, знаете, что тутъ?

— Нѣтъ. Мнѣ только сказали, чтобы взять у васъ и доставить. Вѣрно что нибудь такое, какъ всегда?

Евгенія Константиновна разсмѣялась:

— Нѣтъ, не думаю. Тутъ, вѣроятно, бумажки, которыя могутъ быть опасными или очень пріятными, смотря по тому, что съ ними дѣлать. Толчковъ онѣ не боятся, но поберегите ихъ, потому что обошлись онѣ очень дорого.

— О, я всегда осторожна! И больше ничего?

— Больше ничего.

Онѣ простились, и Фаня унесла тяжелый картонъ. По привычкѣ — несла бережно, какъ раньше носила динамитъ. Не знала, что на полчаса она — богатый человѣкъ и что эту сумку можно обмѣнять не на три сладкихъ пирожка, а на цѣлую кучу брилліантовъ, роскошныхъ платьевъ, удивительныхъ шляпокъ, или даже на большой домъ на Невскомъ проспектѣ, на нѣсколько большихъ доходныхъ домовъ. Несла спокойно, иногда трогая дно крѣпкаго, обшитаго холстомъ картона: хорошо ли оно держитъ?

По совѣту Евгеніи Константиновны, она взяла извозщика и отпустила его за двѣ улицы до указаннаго ей дома. Во время замѣтила, что картонъ все-таки, кажется, не выдержитъ: хорошо, что она такая внимательная! Уже съ трудомъ внесла его на четвертый этажъ и сдала тому, кто ее послалъ. Ее не пригласили отдохнуть, только спросили, не замѣтила ли она за собой слѣжки. Нѣтъ, все было благополучно. «Вы — молодецъ, товарищъ Фаня!» — Она покраснѣла отъ удовольствія и ушла, спѣша выполнить еще одно маленькое порученіе въ другомъ концѣ города.

Что то и еще было пріятное... Да, это слова Евгеніи Константиновны: «Вы, Фаня, настоящій герой!» — За что ее такъ любятъ и такъ хвалятъ? Конечно, она не герой, но вѣдь все-таки участница великаго идейнаго дѣла. До сихъ поръ она всегда справлялась со всѣми порученіями, которыя ей довѣряли. Значитъ — нужна, и, значитъ, есть въ общемъ дѣлѣ и ея доля, пусть самая маленькая!

Теперь ей пришлось ѣхать долго трамваемъ, съ пересадками, потомъ искать незнакомую квартиру въ рабочемъ кварталѣ, а, найдя — позвонить, спросить «Наташу» и сказать ей, что «въ девять вечера, гдѣ обычно».

Передать непремѣнно лично ей. И, кажется, это та самая, знаменитая Наташа, о которой такъ много говорили и которой Фаня еще не встрѣчала. Совсѣмъ удивительная женщина, настоящій герой, участница всѣхъ важныхъ актовъ и близкій другъ того удивительнаго и неуловимаго товарища, котораго тщетно ищетъ вся полиція Петербурга. Передать непремѣнно лично, — значитъ она ее увидитъ!

Домъ она нашла легко. Внизу, въ подъѣздѣ встрѣтила какого то мужчину непріятнаго вида, но все таки поднялась и позвонила.

Дверь отперли — и она отпрянула, увидавъ человѣка въ полицейской формѣ. Успѣла сказать:

— Ахъ, я, кажется, ошиблась! Здѣсь живетъ зубной врачъ?

— Входите, входите!

— Но, кажется, не здѣсь?

Она повернулась, чтобы уйти, но поднявшійся вслѣдъ за ней человѣкъ, котораго она видѣла внизу, заступилъ ей дорогу:

— Тутъ не тутъ, а пожалуйте въ квартиру. У насъ зубныхъ докторовъ сколько хочешь! Разомъ вылѣчатъ!

И ее втолкнули силой. Полицейскій сказалъ штатскому:

— Кто ни попадетъ — всѣ зубныхъ врачей спрашиваютъ! А тутъ на всей лѣстницѣ и доктора никакого нѣтъ.

— Это у нихъ всегда — очень зубами болѣютъ!

За маленькимъ невзрачнымъ мышенкомъ, легкомысленно сунувшимъ носъ въ ловушку, захлопнулась желѣзная дверка.

И сердце маленькаго мышенка забилось сразу и страхомъ и радостью. Страхомъ — потому что кругомъ были грубые люди съ шашками и кобурами револьверовъ,

и что счастье измѣнило мышенку, и порученья онъ не выполнитъ, — и въ то же время большая и настоящая радость: вотъ и ему, какъ всѣмъ большимъ и сильнымъ, съ которыми онъ работалъ въ одномъ великомъ дѣлѣ, довелось пострадать за идею и пріобщиться къ лику мучениковъ. Вотъ оно — начинается! Теперь нужно до конца быть стойкимъ и твердымъ, дѣйствительно, — настоящимъ героемъ! Себя не жалѣть — но ни однимъ словомъ, ни жестомъ не выдавать другихъ! Пусть бьютъ и мучаютъ, — ни словомъ, ни жестомъ!

Ее ввели въ комнату, гдѣ сидѣлъ за столомъ, разбирая бумаги, толстый, полусѣдой человѣкъ въ формѣ, на видъ сонный и равнодушный; тутъ же ее обыскали, грубо и цинично, чуть не вызвавъ на ея глаза слезы; но она, конечно, сдержалась, только отталкивала мужскія руки своими худыми пальчиками.

Толстый сонно спросилъ:

— Ну, вы къ кому пришли?

Она молчала.

— Спрашиваю — къ кому вы пришли? Отвѣчать нужно! Фамилія ваша какъ?

И тогда она, сверкнувъ невыразительными и слишкомъ добрыми глазами, какъ то визгливо и слишкомъ восторженно крикнула:

— Я не желаю отвѣчать!

На толстаго это не произвело никакого впечатлѣнія:

— А не желаешь, такъ посиди тамъ, со всей честной компаніей.

И ее перевели въ угловую комнату, гдѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ, видимо — арестованныхъ, мужчинъ и женщинъ. Двоихъ она узнала, но не показала виду, даже не кивнула. Сѣла на стулъ съ все еще пылающимъ лицомъ и вся сжалась.

При ея входѣ всѣ замолчали; но когда введшій ее

городовой вышелъ и заперъ дверь, одинъ изъ знакомыхъ ей товарищей тихо спросилъ ее:

— Фаня, а вы то какъ попали?

Она боязливо оглянулась.

— Тутъ всѣ наши, не бойтесь. Вы зачѣмъ же пришли?

— Меня послали.

— Къ Наташѣ?

— Да. Она здѣсь?

Онъ покачалъ головой:

— Наташу увезли. И насъ увезутъ. А вы что имъ сказали?

— Я отказалась отвѣчать.

Товарищъ посмотрѣлъ на нее съ легкимъ удивленіемъ.

— Такъ. Ну, значитъ, и васъ увезутъ. Крышка намъ, Фаня.

ЛЮЛЬКА

Рядомъ въ комнатѣ заплакалъ ребенокъ, и Олень, проснувшись, привскочилъ съ постели и схватилъ руками пустоту.

Кошмарный сонъ прервался и сталъ быстро уплывать изъ памяти. Болѣла голова и занѣмѣла шея, вѣроятно, отъ тонкой и твердой подушки. Растеревъ шею рукой, Олень нашарилъ на табуретѣ папиросу, чиркнулъ спичкой и освѣтилъ нехитрое убранство маленькой комнаты: постель, столикъ и проволочную вѣшалку, на которой висѣли шапка и полотенце.

Эту ночь онъ спалъ у знакомаго рабочаго на петербургской окраинѣ; прошлую ночь — у состоятельнаго адвоката, гордаго тѣмъ, что имѣетъ смѣлость пріютить

нелегальнаго; впрочемъ, адвокатъ не зналъ, что этотъ нелегальный — опасный террористъ, усиленно разыскиваемый полиціей. Гдѣ придется провести слѣдующую ночь — еще неизвѣстно. Глупѣе всего было бы попасть случайно въ облаву, какъ уже многіе изъ его группы попали за послѣднія недѣли.

Какой страшный разгромъ — и какъ разъ въ то время, когда нужно собрать всѣ силы и когда опять въ рукахъ достаточно средствъ! Эти средства обошлись дорого: трое были убиты и семеро взятыхъ казнены полевымъ судомъ. Пришлось бросить лабораторію, провалилась типографія, страшно затруднена связь съ финляндской группой. Большой глупостью былъ съѣздъ, на которомъ несомнѣнно было нѣсколько провокаторовъ. Затѣмъ — рядъ случайныхъ арестовъ, затѣмъ извѣстіе объ арестѣ и казни Мориса, который уѣхалъ на югъ и попался, и, наконецъ, послѣднее — арестъ Наташи. Самое тяжелое и самое непоправимое. Со дня ареста о ней нѣтъ никакихъ извѣстій; это отчасти даже хорошо: значитъ, судить ее будутъ обычнымъ военнымъ, а не полевымъ судомъ; но конецъ одинъ — ея жизни не пощадятъ. Если бы можно было самымъ дерзкимъ и самымъ отчаяннымъ набѣгомъ освободить Наташу, — на это пошли бы многіе товарищи. Или огромной суммой подкупить стражу... Но это, конечно, только мечты. Все таки нужно разузнать о судьбѣ Наташи все, что узнать возможно.

Онъ очень любилъ Наташу, и какъ товарища, и какъ женщину. Вѣрнымъ товарищемъ она была всегда, женщиной — только въ рѣдкіе дни сравнительнаго покоя, когда они жили вмѣстѣ и были обязаны «играть роль». Эти дни ушли такъ далеко и отдѣлены такой бездной волненій и событій, что Олень помнилъ въ Наташѣ только цѣннаго и близкаго товарища въ революціонной ра-

ботѣ. И вотъ теперь и ее, какъ уже многихъ, настигаетъ смерть.

— Смерти, Олень, нѣтъ, есть только слово «смерть», а вопроса такого нѣтъ совсѣмъ. Есть слово «мысль», и я понимаю его, представляю себѣ, что это такое. Есть слово «смерть», — но я не понимаю его и не представляю себѣ. Я понимаю ощущеніе веревки на шеѣ, сдавленнаго горла, красныхъ и темныхъ круговъ въ глазахъ, — но это еще не смерть. Сердце перестанетъ работать, и я, вотъ такая, сегодняшняя, исчезну, — но я буду жить въ чемъ то другомъ, тѣломъ и духомъ; можетъ быть, мнѣ удастся превратиться въ зеленую травку весны девятьсотъ седьмого года... Или въ свѣтъ электрической лампочки...

Бѣдная Наташа! Вѣдь все это — слова, наивная философія! Бѣдная Наташа, такъ мало жившая!

Смерть есть, и сѣти ея кругомъ опутали Оленя. Вотъ уже годъ, какъ кровь и смерть цѣпляются за каждый его шагъ. Московское возстаніе — и гибель сотни друзей, такихъ же, какъ онъ, молодыхъ и вѣрующихъ, и совсѣмъ иныхъ, пожилыхъ, семейныхъ, серьезныхъ рабочихъ, которые были вмѣстѣ съ ними. Потомъ — эти страшныя минуты въ подмосковномъ лѣсу, можетъ быть, самыя страшныя въ его жизни, когда онъ былъ вынужденъ застрѣлить связанныхъ шпіоновъ, стать палачомъ. Дальше — десятки убитыхъ при взрывѣ особняка, и въ ихъ числѣ два славныхъ парня, которыхъ послалъ онъ и которымъ Наташа, наканунѣ ихъ смерти, внушала дѣтскую теорію отрицанія смерти. И опять — куча тѣлъ на улицѣ и казни въ застѣнкѣ. И еще — множество смертей, о которыхъ онъ даже не знаетъ подробностей, которыхъ не можетъ подсчитать. А Морисъ съ его странной судьбой? Морисъ, многими осужденный и еще не оправданный, даже смертью! Вѣроятно, его пы-

тали тѣ, у кого было достаточно причинъ его ненавидѣть, надежды которыхъ онъ не оправдалъ и служебную карьеру разрушилъ.

Кругомъ образовалась пустота: много смѣлыхъ уже разсчитались съ жизнью, слабые разбѣжались въ надеждѣ скрыться и спастись. Главный планъ, ради котораго принесено столько жертвъ и перейдена граница дозволеннаго чистому революціонеру, — далекъ отъ осуществленія; теперь есть средства, но не стало людей, и нужно все начинать сначала. И въ то же время впервые Олень чувствовалъ, что въ рядахъ его группы завелось предательство; кто то въ нее проникъ, выдалъ нѣсколькихъ, вѣроятно, выдалъ Наташу и сумѣетъ предать его. Кругъ сжимается, и откуда упадетъ ударъ — не угадаешь. Уже нѣсколько разъ Олень только чудомъ или своей необыкновенной ловкостью ускользалъ отъ ареста, какъ будто случайнаго. Мѣняя каждый день личину и ночлегъ, онъ чувствовалъ, что за нимъ идутъ по пятамъ и что малѣйшая оплошность и недоглядка приведутъ и его и все дѣло къ гибели.

Опять заплакалъ ребенокъ. Скрипнула кровать, и было слышно, какъ мать качаетъ люльку. Едва перестаетъ качать — снова плачетъ ребенокъ; и снова постукиваютъ по половицамъ деревянныя полозья качалки. Въ комнатѣ очень холодно, до разсвѣта еще далеко.

Мужской голосъ спросилъ:

— Ты чего? Не спитъ все?

— Не спитъ. Блохи его что ли кусаютъ.

— Покормила бы.

— Кормила. Не спитъ. Этакъ всю ночь просидишь и не поспишь. Ты бы хоть покачалъ.

Олень подумалъ: «Что же онъ, и правда, ей не поможетъ?» — Потомъ вспомнилъ, что они оба, и отецъ, и мать, работаютъ на фабрикѣ и должны вставать до свѣ-

та. Какъ же тогда съ ребенкомъ — оставляютъ? И какъ они могутъ имѣть ребенка при такихъ условіяхъ? Вотъ дать бы имъ денегъ...

Подумалъ, — и понялъ, что это — стыдная мысль. Дать денегъ имъ, потомъ другимъ, — ходить по домамъ, какъ благотворительная дама. Потомъ еще ограбить, убить — и опять раздавать деньги. Сдѣлаться благороднымъ разбойникомъ изъ старыхъ романовъ!

Всегда готовый бѣжать по первой тревогѣ, Олень спалъ, не раздѣваясь. Закуривъ новую папиросу, онъ всталъ и вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— Вы ложитесь, а я его покачаю.

Женщина не удивилась, только сказала:

— Зачѣмъ вамъ, я ужъ сама.

— Вамъ вѣдь спать нужно, потомъ на работу, а мнѣ все равно не спится.

— Вотъ мужъ спитъ, какъ колода. Покачалъ бы...

— Ему тоже рано работать. Вы не смущайтесь, ложитесь. Говорю — мнѣ все равно не спать.

Она не спорила, отошла и легла. Олень сѣлъ на табуретъ у люльки и сталъ покачивать ребенка. Непривычно и какъ будто смѣшно. Попыхивалъ папиросой и думалъ: «Правду говорятъ, что всѣ террористы немного сентиментальны. Вонъ Каляевъ не бросилъ въ первый разъ бомбу, такъ какъ Сергій ѣхалъ съ женой. А дѣти въ особнякѣ? Кажется, дѣвочкѣ ампутировали ногу, а можетъ быть нарочно разсказываютъ. Нѣтъ, я не очень жалостливъ!».

Папироса докурилась, ребенокъ спалъ. Въ темнотѣ и въ холодѣ комнаты Оленю казалось, что это не люлька, а лодка на рѣкѣ, осенью, въ безвременье, а онъ — старый и усталый лодочникъ. У времени нѣтъ ни конца, ни начала, и ничего не было и не будетъ. Въ постели не спалось, а здѣсь его объяла дремота и незнакомый по-

кой. Иногда его рука останавливалась, и ребенокъ сейчасъ же напоминалъ о себѣ плачемъ, — и тогда Олень опять ровно покачивалъ колыбель, ни о чемъ не думая, окруженный смутными и неясными мирными образами: не то — дѣтство, не то — покой могилы, манящее и безтревожное небытіе. Только разъ оправилъ затекшую ногу — и не замѣтилъ, какъ рука перестала двигаться и онъ задремалъ. Спалъ и ребенокъ. Рядомъ спали пріютившіе его люди, совсѣмъ ему чужіе, хотя и знавшіе, что укрываютъ у себя «товарища».

Въ пятомъ утра всѣхъ ихъ пробудилъ фабричный гудокъ. Было еще темно. Очнувшись отъ своей глубокой дремоты, Олень задѣлъ люльку, вспомнилъ, гдѣ онъ, и тихонько ушелъ въ сосѣднюю комнату.

АУТОДАФЕ

Какимъ образомъ случилось, что Александръ Николаевичъ Гладковъ, извѣстный политическій защитникъ, состоятельный баринъ и человѣкъ «крайнихъ лѣвыхъ убѣжденій» согласился похранить у себя огромную сумму денегъ, — онъ и самъ не понималъ. Согласился, потому, что это было смѣлымъ и красивымъ жестомъ, а онъ любилъ смѣлые и красивые жесты.

Въ сущности — особенной опасности не было. Принесъ эти деньги молодой человѣкъ, безукоризненно одѣтый, лично Гладкову извѣстный, черезъ котораго максималисты не разъ передавали ему защиту своихъ товарищей въ общихъ и военныхъ судахъ. Пришелъ кліентъ — вотъ и все; человѣкъ, повидимому, достаточно осторожный и осмотрительный, иначе ему не поручили бы такого дѣла. При томъ, Гладковъ рѣшительнымъ тономъ ему заявилъ:

— Имѣйте въ виду, мой дорогой, я не знаю и не хочу знать, что это за деньги. Я знаю васъ и принимаю ихъ на храненіе отъ васъ. И только на недѣлю, не дольше. Такъ?

— Даже меньше, дня на три. Потомъ мы ихъ переправимъ въ другой городъ.

— Это ужъ ваше дѣло. Я ничего не знаю! А сколько тутъ?

— Точно не подсчитали, но не меньше трехсотъ тысячъ.

— Ого! Цѣлое состояніе! Расписки я вамъ, конечно, дать не могу.

— Я и не взялъ бы. Мы вамъ вѣримъ.

— Надѣюсь!

Когда молодой человѣкъ ушелъ, Гладковъ вспомнилъ, что не договорился о томъ, какъ быть, если принесшій деньги не сможетъ за ними вернуться или если случится внезапная опасность обыска. Хотя онъ далеко не бѣденъ, но все таки такой суммы, да еще наличными, у него не можетъ быть.

А что, если номера кредитныхъ билетовъ гдѣ нибудь помѣчены? Откуда эти деньги — ясно! Онъ не спросилъ, но догадаться не трудно: весь Петербургъ говоритъ о недавнемъ дерзкомъ «эксѣ», стоившемъ жизни десятку людей!

Гладкову не разъ случалось помогать революціонерамъ, — хранить нелегальную литературу и давать пріютъ неизвѣстнымъ. Это всегда было сопряжено съ нѣкоторымъ рискомъ, не очень большимъ, при его почтенномъ положеніи въ обществѣ и большихъ связяхъ.

Во всякомъ случаѣ, онъ не трусъ! Самъ внѣ всякихъ партій; его сочувствіе и помощь революціи выражается въ выступленіяхъ по политическимъ дѣламъ. Многихъ спасъ отъ смерти, многихъ спасти не могъ. Его знаютъ,

уважаютъ, и сегодняшній визитъ къ нему — лучшее доказательство безграничнаго къ нему довѣрія. Никто бы не согласился — а онъ согласился.

Но какъ онъ все-таки согласился съ такой легкостью! Вѣдь это, въ сущности, соучастіе въ преступленіи, которое карается смертью! А вдругъ номера кредитокъ отмѣчены? Да и безъ этого — дѣло ясно!

Но позвольте! Ко мнѣ приходитъ кліентъ и поручаетъ мнѣ сохранить его деньги. Я кладу ихъ въ несгораемый шкапъ, чтобы послѣ внести на его имя въ банкъ — вотъ и все!

А почему этотъ странный кліентъ самъ не внесъ ихъ въ банкъ? И что это за случайный кліентъ съ улицы, въ портфелѣ котораго триста тысячъ рублей, какъ разъ столько, сколько было на прошлой недѣлѣ ограблено при вооруженномъ нападеніи на Каменеостровской улицѣ? Кому разсказывать такія басни!

Передъ сномъ, Гладковъ прошелъ въ кабинетъ, заперъ на ключъ двери и вынулъ изъ несгораемаго шкапа тяжелыя, небрежно связанныя пачки денегъ. Преобладали «Петры», было не мало «Катенекъ», а въ небольшой связкѣ была даже мелочь: уголкомъ торчалъ желтый рубль. Деньги были уложены плотно, и все таки ихъ была цѣлая груда: пачки заняли весь письменный столъ. При всемъ своемъ достаткѣ, Гладковъ никогда не видалъ сразу такой суммы. Въ большинствѣ, бумажки подержанныя, номера порядъ не идутъ. Принесшій ихъ опустошилъ большой портфель и еще нѣсколько пачекъ вынулъ изъ кармановъ.

Вдругъ Гладковъ испуганно взглянулъ на окно: вѣдь оно завѣшано только тюлевой занавѣской! По ту сторону улицы живутъ люди, и можетъ случиться, что кто нибудь смотритъ въ бинокль! Заслонивъ столъ, онъ наскоро связалъ веревочками распавшіяся пачки и перенесъ

ихъ обратно въ шкапъ. Игра опасная, и малѣйшая неосторожность...

Нервничать, конечно, глупо. Не слѣдовало брать, а теперь ужъ поздно. Главное — время такое, что каждый человѣкъ, независимо отъ его общественнаго положенія, а особенно человѣкъ завѣдомо лѣвыхъ убѣжденій, можетъ ожидать случайнаго ночного обыска. Хотя почему бы могли ко мнѣ прійти? Конечно — вздоръ! Не слѣдуетъ распускать нервы.

Онъ легъ, вспомнилъ о непрочитанной статьѣ въ сегодняшней газетѣ, прочиталъ ее, еще пробѣжалъ листочки и документы дѣла, по которому завтра выступаетъ въ судѣ, докурилъ папиросу и потушилъ свѣтъ. Сонъ поколебался, помедлилъ и опустился на сдѣлавшаго красивый и смѣлый жестъ либеральнаго адвоката. Тикали часы, имъ отвѣчало ровное дыханіе.

Онъ проснулся внезапно, среди полной ночи, не то отъ стука, не то отъ страннаго нервнаго потрясенія, — и дрожащей рукой зажегъ свѣтъ. Свѣтъ ударилъ въ лицо и ослѣпилъ его. И съ небывалой ясностью Гладковъ почувствовалъ, что нужно немедленно что то сдѣлать, принять какія то спѣшныя и рѣшительныя мѣры, иначе онъ — погибъ.

Онъ едва попалъ ногами въ туфли, набросилъ халатъ и вышелъ въ свой дѣловой кабинетъ. Прежде всего онъ задернулъ тяжелыя гардины на окнахъ, чтобы не осталось ни щелочки. Затѣмъ вернулся въ спальню за ключемъ отъ шкапа, принесъ его, отперъ шкапъ — и увидалъ страшныя пачки денегъ. Ихъ видъ его не испугалъ, а скорѣе отрезвилъ: что, въ сущности, случилось? Въ чемъ дѣло?

Не случилось ничего, но всякій мало-мальскій разумный человѣкъ пойметъ, что такъ оставить нельзя, что, во всякомъ случаѣ, нужно приготовиться ко всякой

неожиданности. Дѣло идетъ о жизни и смерти, а итти на смерть, безъ всякой попытки спастись, по меньшей мѣрѣ глупо.

— Я, конечно, нервничаю, но я несомнѣнно правъ: нужно быть ко всему готовымъ!

Онъ чувствовалъ, что его ноги дрожатъ и мысль работаетъ слишкомъ поспѣшно и какъ бы скачками. Значитъ ли это, что онъ струсилъ?

— Допустимъ, что я струсилъ. И это не позорно, а понятно: допущена безумная ошибка! Явится полиція, сдѣлаетъ обыскъ — и оправданій не можетъ быть! Соучастіе — и полевой судъ! А чтобы не трусить, лучше всего принять всѣ мѣры благоразумія. Все равно — заснуть не удастся.

На цыпочкахъ, чтобы не разбудить прислуги, онъ вышѐлъ въ корридоръ, со спичкой, не зажигая электричества, добрался до кухни, нашарилъ тамъ охапку дровъ, приготовленныхъ для русской печи, принесъ въ кабинетъ и, по неопытности, долго возился, прежде чѣмъ растопилъ каминъ.

— Въ наказанье за легкомысліе, — посижу здѣсь. По крайней мѣрѣ будетъ тепло, и живой огонекъ!

Въ комнатѣ и безъ того было тепло, но Гладковъ чувствовалъ себя зябко и тревожно. Ну — нервы, такъ нервы! Это все отъ напряженной работы. Огонь могъ успокоить. Кромѣ того, онъ зналъ, для чего затопилъ каминъ; это и означаетъ: принять настоящія мѣры предосторожности на крайній случай.

Когда дрова ярко запылали, онъ придвинулъ къ камину кресло, протянулъ ноги къ огню и попытался задремать. Но сонъ больше не приходилъ, а нервная дрожь не прекращалась. Чтобы ужъ совсѣмъ успокоиться, онъ вынулъ изъ шкапа пачки денегъ и положилъ ихъ на по-

лу передъ каминомъ. В ъ с а м о м ъ к р а й н е м ъ случаѣ — деньги будутъ подъ рукой.

Онъ постарался, съ адвокатской обстоятельностью, обсудить все спокойно и разумно. Ошибка, конечно, допущена: нельзя было впутываться въ дѣло, само по себѣ безобразное и кровавое. Это уже не революція, а просто — уличный разбой. Одно — защищать на судѣ, другое помогать личнымъ участіемъ въ преступленіи. Семь человѣкъ повѣшено! Завтра онъ заставитъ ихъ взять обратно пачки денегъ; кажется, адресъ юноши есть, во всякомъ случаѣ, разыскать его можно. Отвезти деньги въ банкъ и положить въ сейфъ — невозможно; это было бы безуміемъ!

Огонь камина бросалъ красный свѣтъ на пачки. Деньги добыты кровью: убиты конвойные, убита часть нападавшихъ, убиты полицейскіе чины и случайные прохожіе. Семь человѣкъ повѣшено! И еще казнятъ нѣсколькихъ. Въ Петербургѣ обыски, аресты, облавы, засады въ частныхъ квартирахъ. Слава Богу — его квартира внѣ подозрѣній, хотя... все возможно, потому что полиція потеряла голову и дѣлаетъ глупости.

Дрова въ каминѣ допылали, лежала груда горящихъ углей и нужно было подбросить. Не то что бы лѣнь, а усталость мѣшала этому. Обогрѣтый и немного успокоенный, онъ началъ дремать.

И вотъ тутъ опять, съ тою же внезапностью, среди сонныхъ мыслей мелькнуло совершенно ясное и логическое соображеніе:

— Да можно ли въ томъ сомнѣваться, что этого юношу прослѣдили до самаго дома! Пришелъ съ полнымъ портфелемъ и набитыми карманами, а вышелъ съ пустымъ! Если его теперь арестовали, а это почти навѣрное, и если онъ даже не сказалъ ни слова, — нѣтъ ни малѣйшаго труда открыть, кому онъ передалъ деньги!

И едва эта мысль оформилась и выплыла въ своей безспорности, — раздался стукъ. Почти несомнѣнно стучали во входную дверь, хотя передняя была за нѣсколько комнатъ. Почему не звонятъ? Потому что звонокъ проведенъ въ комнату прислуги, его не слышно!

Всѣ эти соображенія мелькнули огненной линіей, какъ летящія искры камина, и разсуждать теперь было уже поздно. Первую пачку онъ бросилъ неразвязанной, но спохватился во время, выхватилъ ее изъ огня, распуталъ дрожащими руками и снова разсыпалъ по углямъ. Настойчивый стукъ повторился — Богъ его знаетъ, гдѣ.

Каминъ снова ярко запылалъ. Выгибались чернѣли и золотились прочные «Петры», иные, прежде чѣмъ обуглиться, свивались въ трубочку, у другихъ былъ виденъ насквозь весь рисунокъ, даже буквы серіи и номеръ. Онъ швырялъ деньги неловкими руками и, не давъ разгорѣться огню, билъ каминными щипцами по страшнымъ и уличающимъ бумажкамъ.

Одна пачка не распалась, и огонь словно перелистывалъ бумажки, словно нарочно ихъ пересчитывалъ. Только бы успѣть! Все еще стучатъ, значитъ, прислуга не вышла отпереть. Нельзя терять ни минуты!

Лихорадочно онъ продолжалъ работу. Жаръ камина обжигалъ лицо и кудрявилъ волоски на его рукахъ. Стукъ давно прекратился, и онъ не замѣтилъ, что прошло уже не меньше четверти часа. Хуже всего было то, что пепелъ глушилъ огонь, а среди потухшихъ углей могли завалиться несгорѣвшіе куски бумажекъ. Русскія кредитки печатаются въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ! Бумага прочная, она горитъ не легко, а краска только обугливается, но остается на пеплѣ. Наши деньги считаются лучшими! Тутъ любой сыщикъ догадается по кусочку пепла... Тяжело дыша, совсѣмъ обезсилѣвъ, онъ тыкалъ щипцами и, наклонив-

шись, старался раздуть пламя. Нѣсколько бумажекъ еще въ самомъ началѣ унесла въ трубу каминная тяга — почти цѣлыми. Чортъ съ ними, только бы эти сгорѣли безъ остатка!

Онъ опомнился только тогда, когда все обратилось въ сѣрую кучу бумажнаго пепла, заглушившую угли, и въ комнатѣ запахло холоднымъ дымомъ. Тогда онъ поднялся, схватился за голову: не сошелъ ли онъ съ ума? Кругомъ было тихо, и возможно, что стукъ былъ случайностью, гдѣ нибудь по сосѣдству.

Но нужно было дѣлать что то дальше. Присѣвъ на корточки, онъ сталъ спѣшно выгребать пепелъ изъ камина въ полу теплаго халата. Натыкаясь на горячее, онъ отдергивалъ руку — и опять совалъ ее въ каминъ. Набравъ дымящуюся кучу золы, онъ понесъ ее черезъ спальню въ уборную, неосторожно просыпая на полъ. Во всякомъ случаѣ, если даже сейчасъ не явятся, чтобы не замѣтила прислуга! Въ два пріема перенесъ въ полѣ халата почти весь пепелъ безъ остатка, и съ нимъ много мелкихъ углей, отъ которыхъ халатъ дымился. Спуская въ уборной воду, прислонялся къ стѣнѣ, чувствуя, что силы исчерпаны. Все таки догадался и смогъ еще разъ пройти въ кухню, взять тамъ половую щетку и неуклюже подмести разсыпанный пепелъ отъ камина до уборной. Можетъ быть и плохо подмелъ, но только бы не осталось явной улики. Могъ жечь старыя дѣла — это его полное право. Успокоившись, можно будетъ еще разъ подмести, уже начисто!

Когда все было окончено, онъ зажегъ въ кабинетѣ люстру и осмотрѣлся. Надъ каминомъ было большое зеркало, а въ зеркалѣ совершенно не похожій на него, дикій, всклокоченный, перемазанный сажей и въ прогорѣвшемъ халатѣ — извѣстный политическій защитникъ

Александръ Николаевичъ Гладковъ. И не онъ — и все таки онъ. Было бы пріятнѣе, если бы все это было сномъ.

Машинально пригладивъ грязными руками волосы, Гладковъ опустилъ голову и закрылъ глаза. Когда открылъ снова — увидалъ на полу, рядомъ съ брошенными каминными щипцами, затрепанную желтую бумажку, тотъ самый рубль, который незаконно затесался въ славную и богатую компанію Петровъ и Катенекъ. Тѣ погибли, а онъ случайно выскользнулъ и уцѣлѣлъ.

Прижавшись къ щипцамъ, желтый рубль не то, чтобы съ насмѣшкой, но съ нѣкоторой укоризной посмотрѣлъ на крайнюю растерянность лица и непозволительный безпорядокъ одежды защитника по политическимъ дѣламъ, не разъ оказавшаго существенную и важную помощь дѣятелямъ русской революціи.

НИЩІЙ

Темнѣть стало рано. Обычно, Олень старался какъ можно меньше выходить до темноты изъ своихъ временныхъ пристанищъ; но иногда приходилось.

Пришлось и сегодня. Въ домѣ, гдѣ онъ ночевалъ, утромъ предупредили его, что дворникъ обходилъ жильцовъ и спрашивалъ, не ночуетъ ли кто посторонній, въ домѣ не прописанный. Значитъ — нужно уходить: полиція кого то разыскиваетъ.

Поблагодаривъ хозяевъ за ночлегъ, Олень вышелъ, нахлобучивъ старую и заношенную мѣховую шапку, уткнулся подбородкомъ въ воротникъ полушубка, осторожно осмотрѣлся и зашагалъ своимъ большимъ шагомъ.

Путь его лежалъ въ центръ столицы. Было два важныхъ дѣла: узнать новости по Наташиному дѣлу и пере-

одѣться въ хорошую шубу, чтобы часу въ четвертомъ пойти на свиданье съ двумя изъ оставшихся товарищей и обсудить подробнѣе дальнѣйшую судьбу боевой группы; возможно все-таки, что удастся сплотить силы и подготовить планъ для будущаго.

Было неспокойно на душѣ Оленя. Все больше чувствовалъ, что силы подорваны и что нѣтъ въ немъ прежней остроты вниманія, въ его положеніи необходимой. Нѣсколько разъ, подойдя къ витринѣ магазина, оборачивался назадъ, — но ни разу не замѣтилъ, чтобы за нимъ слѣдили; а ужъ его глазъ былъ достаточно наметанъ. Часть пути проѣхалъ трамваемъ, слѣзъ въ нелюдномъ мѣстѣ, прошелъ пѣшкомъ нѣсколько улицъ и, прежде, чѣмъ зайти въ нужный домъ, миновалъ его крыльцо и вернулся. Самъ думалъ: кажется, я слишкомъ осторожничаю, такъ можно и пересолить! Въ окнѣ былъ условный знакъ: дѣтская игрушка на подоконникѣ, плюшевый медвѣжонокъ, видный и черезъ двойныя зимнія рамы. Значитъ — все благополучно.

Зашелъ, позвонилъ, сжимая въ карманѣ рукоятку револьвера. Ему отперъ товарищъ, давно его поджидавшій.

Новостей о Наташѣ не оказалось — обѣщали только къ вечеру. Все, что до сихъ поръ было извѣстно, не оставляло много утѣшенья; повидимому нѣтъ сомнѣнья, что ее будутъ судить за участіе въ дѣлѣ взрыва. Во всякомъ случаѣ, она опознана, да врядъ ли и сама скрывала свое имя. Слѣдствіе можетъ затянуться, такъ какъ къ тому же дѣлу привлечены еще нѣсколько товарищей, имѣвшихъ къ нему лишь самое отдаленное отношеніе. Здѣсь, въ этой квартирѣ, Оленю лучше не бывать. Хотя явнаго наблюденія нѣтъ, но какая то опасность просто чувствуется въ воздухѣ, какъ это бываетъ часто и такъ же часто оправдывается.

Опять съ предосторожностями вышелъ Олень, теперь уже одѣтый большимъ бариномъ, въ хорошей шубѣ и глубокихъ ботахъ. Отмахнувшись отъ зазыванiй извозчиковъ, пошелъ пѣшкомъ съ Петербургской стороны по направленiю къ Троицкому мосту. Послѣ ночи, проведенной почти безъ сна — и уже не первой такой ночи — ему было нужно движенье. День былъ морозный, и подъ ногами поскрипывалъ недавнiй, еще не убранный снѣгъ. Близъ моста его охватилъ рѣзкiй вѣтеръ, и Оленю, закутанному въ мѣховую шубу, это было только прiятно. Отросшiе за мѣсяцъ усы заиндевѣли, иней связывалъ рѣсницы и щекоталъ глаза. Олень рѣшилъ не брать извощика и дойти пѣшкомъ до Моховой. Въ этой шубѣ трудно его узнать, да и мало вѣроятна случайная встрѣча.

Миновавъ мостъ, онъ почувствовалъ внезапное безпокойство, словно бы его кто то догоняетъ или поджидаетъ впереди. Онъ зналъ это ощущенiе человѣка, привыкшаго отовсюду ждать опасности. Это — нервы. Стоитъ имъ поддаться — и погибнешь. Тогда въ каждой стоящей на пути человѣческой фигурѣ будетъ мерещиться полицейскiй филеръ, въ каждомъ догоняющемъ извощикѣ — погоня. Такъ можно надѣлать глупостей и самому выдать себя неосторожнымъ поступкомъ.

На углу Моховой и Сергiевской, неподалеку отъ дома, куда лежалъ его путь, Олень опять почувствовалъ приступъ безпокойства. На перекресткѣ, спиной сюда, стоялъ городовой, разговаривая со штатскимъ. Тутъ же, около поджидавшихъ санокъ, прыгалъ съ ноги на ногу и хлопалъ рукавицами замерзшiй лихачъ. Впереди, у стѣны дома, протягивалъ къ прохожимъ руку дрожащiй нищiй, съ подвязанной щекой. Все было обычно и не могло внушать опасенiй. Ничего не было подозрительнаго и въ томъ, что къ стоявшему лихачу подкатилъ

другой, и изъ санокъ вышли два человѣка; одинъ расплачивался, другой его ждалъ. Когда Олень проходилъ мимо, нищій протянулъ къ нему руку:

— Милостивый баринъ...

Олень миновалъ нищаго, но остановился, нашарилъ въ карманѣ монету, вернулся и подошелъ къ старику. Одновременно къ нищему быстро приблизились двое подъѣхавшихъ. Мелькомъ взглянувъ на нихъ, Олень внезапно понялъ, что сейчасъ что то произойдетъ и что эти люди здѣсь не случайно. Увидалъ, что человѣкъ, разговаривавшій съ городовымъ, также бѣжитъ сюда. Быстро переложивъ монету въ лѣвую руку, Олень протянулъ ее нищему, а правую руку сунулъ въ карманъ, гдѣ былъ револьверъ.

Одно мгновеніе должно было рѣшить его судьбу. На лицахъ подбѣжавшихъ какая то нерѣшительность, — только бы не выдать себя волненіемъ! Вотъ если этотъ подыметъ руки...

Вдругъ Олень покачнулся: нищій, крѣпко схвативъ его за руку, дернулъ къ себѣ. Еще чья то рука впилась въ правый рукавъ его шубы. Одновременно, двое подбѣжавшихъ охватили его руками и старались отнять револьверъ.

Пытаясь вырваться, Олень нажалъ курокъ. Онъ еще видѣлъ, какъ отъ стѣны, въ которую ударила пуля, отвалился кусокъ штукатурки. Затѣмъ сильный ударъ по виску лишилъ его на минуту сознанія. Когда онъ очнулся, его движенія были связаны: револьвера не было, и напрягшіяся мышцы напрасно рвали за спиной цѣпь желѣзныхъ наручниковъ. Онъ слышалъ взволнованный говоръ людей, его арестовавшихъ, видѣлъ ихъ раскраснѣвшіяся лица и уже не пытался сопротивляться. Въ его головѣ, ныввшей отъ удара, внезапно родилась и во всей ясности стояла мысль:

— Вотъ это и есть конецъ!

Когда Оленя усаживали въ санки лихача, онъ болѣзненно улыбался и искалъ глазами шапку, безъ которой головѣ было холодно. До него будто издали доносились слова одного изъ сыщиковъ, который возбужденно и восторженно тараторилъ:

— Я, братъ, тоже сомнѣвался! Думаю — онъ-ли не онъ-ли? А какъ онъ повернулся да дернулъ щекой — ну, братецъ мой! Тутъ я и навалился!

— Ты навалился! Оба сразу навалились!

— Я и говорю — оба! А Мышкинъ по виску! А то бы и не сладить!

На узкихъ санкахъ кое-какъ примостились двое по обѣ стороны Оленя и еще одинъ на козлахъ съ кучеромъ. Затѣмъ рѣзкій морозный вѣтеръ отъ быстраго движенія защипалъ носъ и щеки Оленя. Шуба на груди была распахнута, хотѣлось потереть замерзшія щеки, но руки были связаны за спиной. Какое счастливое и радостное лицо у агента, сидящаго на козлахъ лицомъ сюда! И какое, все таки, противное! Все это, однако, пустяки, а вѣрно и несомнѣнно одно: вотъ именно это и есть — конецъ!

И Олень, локтями оттолкнувъ державшихъ его сыщиковъ, вдохнулъ полной грудью морозный воздухъ.

СОВѢЩАНЬЕ

Въ редакціи толстаго журнала происходило совѣщанье по поводу ближайшей статьи «внутренняго обозрѣвателя». Статья должна быть такъ написана, чтобы факты, въ ней разсказанные, были заимствованы изъ ежедневной прессы со ссылками на номера газетъ, лучше всего, на «Правительственный Вѣстникъ», на «Новое

Время» и на другіе реакціонные органы. А какъ эти факты осторожно освѣтить — объ этомъ и совѣщались ближайшіе сотрудники журнала.

Ихъ было человѣкъ восемь. Къ нимъ не принадлежалъ, по малости своего журнальнаго участія, отецъ Яковъ, сидѣвшій скромно въ сторонкѣ за маленькимъ столомъ, заваленнымъ бумажками и газетными вырѣзками.

Дѣла отца Якова шли плохо. Опять понизился интересъ къ этнографіи, къ быту раскольниковъ, къ архитектурѣ поволжскихъ сельскихъ церковокъ и вятскому кустарному музею. Опять откладывались любовно составленныя замѣточки отца Якова, такъ какъ газеты завалены обязательнымъ политическимъ матеріаломъ. Въ такихъ случаяхъ отецъ Яковъ не брезговалъ никакой выпавшей работой: сообщалъ о ремонтѣ мостовъ, о перелетѣ птицъ, о пожарѣ въ отдаленномъ монастырѣ. Случалась въ редакціяхъ большихъ изданій статистическая работишка, — и ея не отвергалъ отецъ Яковъ.

Такъ и сейчасъ ему дали цѣлый ворохъ вырѣзокъ и выписокъ для подсчета и сводки. И вотъ, на большомъ разграфленномъ листѣ бумаги онъ писалъ столбики цыфръ, подытоживалъ и отмѣчалъ особо:

«За годъ, съ 17 октября 1905 года: убито по политическимъ мотивамъ 7.331, ранено 9.660, а всего... Въ томъ числѣ обывателей — 13.380, представителей власти 3.611...»

17 октября — дата начала россійскихъ свободъ, день манифеста. Съ него, какъ бы ведется исчисленіе времени новой, не то конституціонной, не то все еще самодержавной Россіи. Отцу Якову поручено собрать и подсчитать свѣдѣнія столичныхъ и провинціальныхъ газетъ о политическихъ убійствахъ, о казняхъ, а также о закрытіи цензурнымъ вѣдомствомъ и администраціей

газетъ и журналовъ. А разъ поручено — онъ добросовѣстно выполняетъ за небольшое вознагражденіе.

«Внутренній обозрѣватель», волнуясь и захлебываясь, доказывалъ:

— Вы понимаете, я не могу пройти мимо фактовъ. А разъ мы приведемъ статистику, мы должны ясно выразить и наше отношеніе къ репрессіямъ правительства!

— И къ террору!

— Ну да, и къ террору. Мы готовы осудить политическія убійства, въ особенности въ той безумной формѣ...

— Не въ той формѣ, а вообще!

— Да, и вообще.

— Тогда, значитъ, мы отрицаемъ право народа на сопротивленіе? Право революціи?

— Да нѣтъ же! Я говорю: мы строго осудимъ выступленія террористовъ, особенно вооруженный грабежъ, хотя бы и казенныхъ денегъ, но мы осудимъ и правительственныя репрессіи, военные и полевые суды...

Редакторъ перебилъ:

— Ну, нѣтъ, знаете, объ этомъ сейчасъ писать невозможно. Заикнитесь о полевыхъ судахъ — и насъ немедленно прихлопнутъ.

— Но должны же мы отозваться?

— Отозваться — да, конечно осторожно и очень осторожно, но прямое осужденіе...

— Не осужденіе, а несогласіе!

— Вашего согласія, батенька, никто не спрашиваетъ.

Прислушиваясь однимъ ухомъ, отецъ Яковъ продолжалъ свою работу. Теперь шла сводка казненныхъ, «изъ коихъ повѣшено 215, разстрѣляно судами военными обыкновенными — 340, судами военно-полевыми за пол-

тора мѣсяца ихъ существованія — 221, убито карательными отрядами...»

Совѣщаніе пришло, въ общемъ, къ выводу, что статья необходима и что обозрѣватель долженъ ясно высказать и подчеркнуть принципіальное осужденіе террористическихъ актовъ при наличіи народнаго представительства въ Россіи...

— Прибавьте: хотя бы и несовершеннаго типа.

— Да, конечно. Должна быть, все таки, оговорка о безотвѣтственности власти.

Редакторъ опять вмѣшался:

— Ни-ни! О безотвѣтственности ни слова! Насъ на этотъ счетъ предупреждали.

— Главное — подойти къ предмету издали. Въ началѣ статьи что нибудь о ростѣ коопераціи и рабочихъ организаціяхъ, а ужъ потомъ...

— Да, да, это я знаю, ужъ будьте покойны! Затѣмъ, осуждая акты революціоннаго насилія, то есть принципіально ихъ осуждая, мы въ то же время считаемъ ненормальнымъ тотъ порядокъ...

— Лучше: мы считаемъ, что именно неправомѣрность дѣйствій власти и вызываетъ...

— Не было бы слишкомъ рѣзко!

— Ужъ будьте покойны! Это я сумѣю сказать такъ, что придраться будетъ невозможно.

Опять редакторъ:

— Ну, придраться они ко всему сумѣютъ. А вы, главное, ссылайтесь на статьи московскихъ газетъ, тамъ цензура полегче. И непремѣнно вставьте, что это, молъ, не наше сужденіе, а вотъ точно, въ кавычкахъ... Цитатъ побольше, а мы какъ бы въ сторонѣ. Читатель самъ разберется... И закончите чѣмъ нибудь опять незначительнымъ.

—Я думаю — вопросомъ о распаденіи крестьянской

общины и о сравнительной легкости перехода къ хуторскому хозяйству.

— Но, конечно, въ порядкѣ естественнаго экономическаго развитія, а не въ принудительномъ, а то примутъ за одобреніе.

— Это я скажу.

— Но только — ради Бога осторожнѣе! Я, господа, понимаю, что статья необходима, но на рожонъ лѣзть не слѣдуетъ. Главное — рѣзкое осужденіе краснаго террора, чтобы въ этомъ отношеніи придирки не было. Да, господа, между прочимъ, есть слухъ, что убитъ и второй усмиритель, изъ этихъ, изъ карательныхъ! Все-таки — молодцы эсеры!

— Кажется, не эсеры убили.

— Ну, все равно. Все-таки дѣйствуютъ, не смотря ни на какіе полевые суды.

Совѣщаніе закончилось, и отецъ Яковъ передалъ обозрѣвателю готовую страничку цыфръ.

— Вотъ спасибо, отецъ Яковъ! Это все?

— Еще подсчитаю репрессіи печати.

— Ну, это не для меня, это отдѣльно печатается. А цифры ужасныя, отецъ Яковъ!

— Печально, печально.

— Вы какъ на это дѣло смотрите, отецъ Яковъ?

— Я — что, мое дѣло подсчитывать. Религія же, всеконечно, осуждаетъ всякое смертоубійство.

— А если злодѣя убиваютъ?

— Сужденіе относительное, у Бога же и злодѣй — человѣкъ.

— Вы въ Бога то вѣрите, отецъ Яковъ?

— Будучи его служителемъ, не вѣровать не умѣстно.

— А все-таки, по чистой совѣсти?

— Безъ вѣры не проживешь, знать же намъ дано не многое.

— Хитрый попъ, — подумалъ обозрѣватель и прибавилъ со вздохомъ: — Въ тяжелое время мы живемъ, отецъ Яковъ, въ кровавое время!

— Время точно не легкое. А и всѣ времена не легки. И кровь всегда лилась, и люди всегда были недовольны. Ужъ такъ съ испоконъ вѣковъ и до дней нашихъ. Время наше, конечно, сурьезное, однако и прелюбопытное. Прошли не малый путь, а къ чему идемъ — того не знаемъ.

— Ну, пойду писать, ужъ очень статья отвѣтственная.

— Статеечка вамъ предстоитъ трудная. А читатель ждетъ, поджидаетъ читатель искренняго слова.

Обозрѣватель покосился на собесѣдника и опять подумалъ: то ли хитеръ попъ, а можетъ быть и глуповатъ.

Черновикъ статистической сводки остался у отца Якова: можно будетъ приложить къ лѣтописи достопамятныхъ событій текущаго года. Время, воистину тяжкое и тревожное! Нынѣ и на улицу выйти не всегда безопасно: попадешь на шальную стрѣльбу, какъ было съ прохожими на Каменоостровской улицѣ! И въ провинціи малымъ лучше, а ужъ про деревню и говорить нечего. Вотъ она цифирька: «аграрныхъ волненій одна тысяча шестьсотъ двадцать девять»! И въ каждомъ такомъ мѣстѣ либо драли, либо стрѣляли православнаго гражданина во имя справедливости и порядка!

И, однако, тянетъ отца Якова прокатиться подалѣ отъ столицы, заглянуть въ глушь — какъ тамъ живутъ люди? Побывать въ Пошехоньѣ, въ какомъ нибудь Усть-Сысольскѣ, а то заглянуть на Соловки по зимнему времени, — тамъ еще никогда не бывалъ отецъ Яковъ. Какъ

сейчасъ въ сихъ медвѣжьихъ углахъ — вотъ что лю-бо-пытно! Тоже мечтатели, или живутъ всѣ по прежнему, добра не пріемля и злу не противясь?

Укладывая бумажечки въ свой пухлый портфель, отецъ Яковъ подумалъ и о совѣщаніи, на которомъ въ сторонкѣ присутствовалъ. Подумалъ и скромно улыбнулся въ усъ:

— Принципіально, говоритъ, отрицаемъ, однако, говоритъ, полагаемъ... Статьи писать — дѣло нелегкое, дѣло отвѣтственное. И чтобы все сказать — и придраться бы не къ чему. Всѣ бы поняли, а мнѣ бы по шеѣ не получилось. Это не то, что про ассирійскаго серебра блюда или про курганы пермскаго края! Требуется и благоразсудочность и великое искусство пера!

Не то, что бы отецъ Яковъ завидовалъ такому искусству, а все же чувствовалъ разницу между людьми высокой политики и имъ, простымъ наблюдателемъ жизни, безхитростнымъ свидѣтелемъ исторіи.

— Принципіально, говоритъ, весьма рѣзко отрицаемъ, а нельзя, говоритъ, не признаться... Лю-бо-пытно!

СМЕРТЬ ОЛЕНЯ

Молодой помощникъ военнаго прокурора получилъ приказаніе выступить по дѣлу вчера арестованнаго участника многихъ террористическихъ актовъ. Засѣданіе военно-полевого суда состоится въ четыре часа дня; на изученіе дѣла и подготовку обвиненія остается пять часовъ.

Молодой офицеръ уже дважды выступалъ по подобнымъ дѣламъ, оба раза успѣшно, но личность обвиняемыхъ не представляла интереса: одинъ былъ рабочимъ, другой евреемъ. Помощникъ прокурора спѣшно

подготовилъ обвинительныя рѣчи, но передъ самымъ засѣданіемъ предсѣдатель суда предупредилъ его, что дѣло совершенно ясно и что никакихъ «преній сторонъ» не можетъ быть. И дѣйствительно, оба раза судъ продолжался не болѣе полутора часовъ. Въ ту же ночь обоихъ осужденныхъ повѣсили.

И на этотъ разъ дѣло не менѣе ясно, но личность преступника значительнѣе; онъ — главный организаторъ весьма нашумѣвшихъ злодѣяній: взрыва министерскаго особняка и вооруженнаго ограбленія. Если военный прокуроръ не выступаетъ по этимъ дѣламъ лично, а поручилъ обвиненіе ему, то это объясняется, очевидно, особымъ къ нему расположеніемъ. Возможно, что его назначеніе явилось результатомъ вліятельнаго ходатайства о немъ родственницы прокурора, которая, значитъ, не забыла своего обѣщанія. Теперь его имя, какъ обвинителя по весьма важному дѣлу, будетъ названо въ военныхъ кругахъ.

Содержаніе дѣла не очень интересовало молодого офицера: всѣ подробности дѣла чрезвычайно просты, а преступники изъ числа такъ называемыхъ революціонеровъ облегчаютъ роль обвинителя дерзкимъ, но похвальнымъ сознаніемъ. Департаментъ полиціи заготовляетъ весьма сжатый и вполнѣ разработанный докладъ, свидѣтелей бываетъ мало и они прекрасно подготовлены предшествовавшими полицейскими допросами, защита чисто формальна, и исходъ дѣла тѣмъ самымъ предрѣшенъ. Роль прокурора не въ томъ, чтобы подбирать доказательства виновности, а лишь въ томъ, чтобы дать образецъ простоты, лаконичности и въ то же время уничтожающей силы настоящаго, вполнѣ дѣлового военнаго краснорѣчія. Хотя на этотъ разъ предсѣдатель можетъ оказаться щедрѣе и согласиться на обстоятельную рѣчь, — но именно поэтому слѣдуетъ удержаться

отъ всякаго увлеченія и проявить чѐканную скупость слова.

Изученіе дѣла дѣйствительно не заняло много времени, и помощникъ военнаго прокурора, сдѣлавъ нужныя выписки и помѣтки, имѣлъ возможность вернуться домой, чтобы закусить и обдумать рѣчь.

Нужно ли повторять въ ней данныя полицейскаго дознанія и судебнаго слѣдствія? Конечно — не нужно! Должны ли быть въ ней эффекты, вродѣ ссылки на количество жертвъ преступленія, на его исключительную дерзость и на соціальную опасность преступника? Да, но лишь въ формѣ краткой и отчетливой характеристики злодѣя. Что еще? Больше рѣшительно ничего! Спокойный и четкій перечень статей и параграфовъ закона и— безъ малѣйшаго повышенія голоса! — требованіе смертной казни. Десять минутъ, максимумъ — четверть часа! Полная застегнутость чувствъ, никакого волненія, рѣшительный контрастъ возможной чувствительности этихъ строевыхъ полковниковъ, случайно попавшихъ въ судьи. Но подъ простотой и суровостью филигранная чеканка слова!

Свои первыя обвинительныя рѣчи помощникъ прокурора предварительно писалъ. На этотъ разъ онъ рѣшилъ ограничиться записью схемы предстоящаго краткаго слова:

1. Несомнѣнность дѣянія и причастности къ нему обвиняемаго.

2. Исключительность данныхъ преступленій.

3. Настойчивыя требованія момента защиты государственнаго порядка.

4. На основаніи изложенныхъ соображеній, а также, имѣя въ виду статьи (тутъ цифры и пункты).

5. Требованіе примѣненія («долгъ военныхъ судей» и пр.).

Съ бумажкой въ рукахъ, помощникъ военнаго прокурора произнесъ свою предстоящую рѣчь передъ большимъ зеркаломъ, въ которомъ поблескивали его здоровые бѣлые зубы. Были запинки, но при повторномъ опытѣ исчезли. Даже статьи и параграфы онъ произнесъ наизусть. Послѣднюю фразу рѣчи повторилъ нѣсколько разъ, при чемъ такъ, чтобы ни одинъ мускулъ лица не дрогнулъ, а брови, послѣ точки, слегка насупились. Вышло эффектно: просто и хорошо. «Къ смертной казни черезъ повѣшеніе». Точка. Брови (но безъ всякой театральности!). Обвинитель, не сгибаясь въ таліи, спокойно опускается на прокурорское кресло.

Сегодняшній день можно считать началомъ доброй карьеры!

Спиной къ двери камеры, съ прикладомъ винтовки у ноги, часовой смотрѣлъ черезъ пустой пролетъ тюремнаго корпуса на противоположный балконъ, гдѣ также спиной къ двери камеры стоялъ его прітель по взводу и землякъ. Иногда они оба безсмысленно перемигивались и, удерживая смѣхъ, строили другъ-другу рожи, предварительно оглядѣвшись, не видитъ ли взводный или тюремный сторожъ. Тюрьма была на военномъ положеніи.

Олень лежалъ на койкѣ, закрывъ глаза, но не спалъ. Съ момента, когда онъ понялъ, что «вотъ это и есть — конецъ!», на него снизошелъ странный покой. Какъ будто онъ на койкѣ больничной, освобожденный недугомъ отъ обязаности думать, разсчитывать, работать, суетиться; и будетъ еще проще и спокойнѣе. Даже досады не чувствовалъ, что вѣдь вотъ — попался, и такъ просто и глупо: все равно, это должно было случиться. Когда захлопнулась и защелкнулась дверь тюремной оди-

ночки, Олень пересталъ дергать щекой и все время проводилъ въ полудремотѣ. День спутался съ ночью, и новый разсвѣтъ подошелъ незамѣтно. Черезъ дверную форточку подали въ камеру какую то похлебку; онъ принялъ, попробовалъ ѣсть, но не было ни вкуса, ни желанья. Поѣлъ только хлѣба.

Ночью его дважды водили въ контору тюрьмы. Допроса, собственно, не было, потому что онъ отказался отвѣчать. Въ первый разъ ему пригрозили веревкой, но онъ только устало улыбнулся, и слѣдователь понялъ, что смѣшно угрожать человѣку, который знаетъ, что ничто не можетъ его спасти. Во второй разъ его показали цѣлому ряду людей, прошедшихъ мимо него тѣнями; яснѣе мелькнуло только испуганное лицо горничной Маши, остальныхъ онъ не зналъ или не помнилъ.

Лежа на койкѣ, Олень не думалъ ни о близкой смерти, ни о томъ, что не завершено дѣло, которому онъ отдалъ жизнь. Да и можетъ ли оно завершиться? Не есть ли жизнь — вѣчная борьба двухъ началъ, борьба поколѣній и вѣковъ? И конца этой борьбѣ не можетъ быть. Не думалъ онъ и о томъ, какъ держать себя на судѣ. Раньше, еще на свободѣ, онъ думалъ объ этомъ часто. Боецъ революціи долженъ держаться стойко, красиво и дерзко: бросить въ лицо судьямъ свое презрѣніе и свою ненависть къ строю, которому они служатъ! А въ моментъ разсчета съ жизнью — крикнуть свое проклятіе міру и привѣтствіе зарѣ будущаго! Такъ казалось. Теперь Олень отвергъ это безъ раздумій: кого поражать словомъ? Зачѣмъ этотъ театральный жестъ въ послѣднюю минуту? Но если и было бы нужно — онъ слишкомъ усталъ и слишкомъ со всѣмъ и со всѣми поквитался. Но и это все было не строемъ ясныхъ мыслей, а лишь слабыми ощущеніями, проходившими мимо, мелькнувшими смутно и сѣро.

Его вызвали въ пятомъ часу дня, когда уже стемнѣло. Опять надѣли наручники, а вели его четверо солдатъ съ молодыми и тупыми лицами. Когда ввели въ небольшую комнату, гдѣ засѣдалъ военно-полевой судъ, Олень на минуту очнулся отъ апатіи и со вниманіемъ оглядѣлъ людей, которые вотъ сейчасъ приговорятъ его къ смерти. Но секретарь такимъ невнятнымъ голосомъ, путая ударенія и невѣрно произнося фамиліи, читалъ обвинительный актъ, что временное возбужденіе Оленя упало. Самъ того не сознавая, онъ пристально уставился на одного изъ судей, сѣдоусаго полковника, и не сводилъ съ него глазъ до конца засѣданія. На вопросы предсѣдателя онъ отвѣчалъ негромко и односложно, и только при упоминаніи чужихъ фамилій прислушивался внимательнѣе, но сейчасъ же снова терялъ нить. Въ общемъ, все его дѣло было изложено довольно правильно, хотя нѣсколько усложнено наивными полицейскими догадками; въ дѣйствительности было гораздо проще. Оленя только удивило, какъ мало, въ сущности, они знаютъ и какъ много вынуждены присочинять. Затѣмъ онъ совсѣмъ пересталъ слушать и не оживился даже при допросѣ немногихъ свидѣтелей.

Какъ ни старательно молодой помощникъ прокурора подготовилъ свою краткую рѣчь, но все же не могъ удержаться отъ соблазна вставить въ нее нѣсколько эффектныхъ словъ. Предсѣдатель посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, а сѣдоусый полковникъ даже поморщился. Но закончилъ обвинитель такъ, какъ рѣшилъ заранѣе: поставилъ точку, опустилъ брови и сѣлъ, не согнувшись въ таліи. Вышло, въ общемъ, хорошо.

Затѣмъ вынесли приговоръ, вполнѣ удовлетворившій обвиненіе. Звякнули шпоры, приговореннаго увели, и помощникъ прокурора, съ тѣмъ же изученнымъ солид-

нымъ спокойствіемъ, собравъ бумаги, всталъ и подошелъ къ секретарю:

— Куда вы отсюда? Если домой — я васъ подвезу.

Но секретарь долженъ былъ немного задержаться, и молодой обвинитель уѣхалъ одинъ. Было темно, и никто изъ встрѣчныхъ не могъ оцѣнить спокойную позу и чуточку надменную, но увѣренную и пріятную улыбку офицера, ѣхавшаго домой, послѣ этого несложнаго, но все же замѣтнаго процесса, о которомъ въ военной средѣ будутъ говорить. Въ газетахъ отчета, конечно, не будетъ, такъ какъ оглашать составъ суда не разрѣшается.

Приговоры военно-полевого суда исполнялись немедленно; но все-таки пришлось выждать ночи, и Оленя увели обратно въ камеру.

Когда опять за нимъ пришли, онъ крѣпко спалъ. На этотъ разъ наручниковъ не надѣли. На тюремномъ дворѣ все было готово. Всего одна лампочка, висѣвшая у тюремной стѣны, освѣщала висѣлицу; въ полумракѣ хлопотало нѣсколько человѣческихъ фигуръ, поодаль стояли солдаты съ винтовками и маленькій, щуплый, озябшій дежурный офицеръ.

Было очень холодно. Оленя вывели во дворъ въ штанахъ и рубашкѣ безъ воротника. Ему указали мѣсто, гдѣ нужно стать; онъ сталъ прямо, по военному развернувъ носки. Оказалось, что забыли мѣшокъ, и за нимъ послали. Все это дѣлалось хлопотливо, но какъ то по семейному; двое придерживали его за локти, но слабо, будто опасаясь причинить ему боль, и въ лицо ему не смотрѣли. Мѣшокъ долго не приносили, и Олень сказалъ:

— Нельзя ли поскорѣе, безъ этого, а то очень ужъ холодно?

Люди заспѣшили и зашептались, а голосъ за спиной Оленя произнесъ: «Ладно, чего-жъ тамъ!» — и передъ лицомъ Оленя качнулась петля. Увидавъ ее, онъ вздрогнулъ, дернулъ щекой, затѣмъ безъ порывистости, но очень увѣренно освободилъ правую руку и отвелъ ею руку палача. Лишь на секунду въ головѣ его мелькнули слова, которыя онъ долженъ, кажется, крикнуть имъ всѣмъ передъ смертью, — мелькнули и потухли въ сознанiи, какъ лишнiя. Повернувшись къ стоявшему за его спиной, онъ сказалъ вѣжливо и строго:

— Не нужно! Дайте, я самъ!

Твердая веревка холодомъ ожгла его шею; но онъ не зналъ, нужно ли и какъ подтянуть узелъ, и, съ улыбкой смущенiя, спросилъ:

— Какъ это? Вотъ такъ?

И тогда внезапно взметнулось черное небо — и тусклая лампочка вспыхнула ослѣпительнымъ солнцемъ.

часть вторая

ПОБѢГЪ

«НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ»

Съ крыльца, немного сутулясь, но за перила не держась, спустился крупный, ширококостый старикъ съ большой бородой и нависшими сѣдыми бровями. По-мужицки — прежде всего оглядѣлъ небо, слишкомъ хмурое для лѣтняго дня, по-хозяйски — палкой отбросилъ съ дорожки кость, занесенную собакой, по-барски — раскрылъ книжечку на заложенной страницѣ и, читая, побрелъ въ глубь сада на любимую скамейку.

Былъ ранній часъ, когда людскихъ голосовъ еще не слышно, а птицы и пичуги орутъ, какъ на базарѣ. Дойдя до скамейки, старикъ грузно на нее опустился — и сейчасъ же понялъ, что побыть одному не придется и что есть человѣкъ, вставшій раньше его. Самъ этотъ человѣкъ можетъ быть не подойдетъ, но ужъ разъ онъ мотается поблизости, то какъ не позвать его и съ нимъ не поговорить?

Очень давно жизнь сложилась такъ, что быть одному удается рѣдко: приходится запираться въ комнатѣ и либо писать, либо дѣлать видъ, что пишешь; а какъ только вышелъ — становишься общимъ достояніемъ: жена, дѣти, секретарь, гости и разные приходящіе люди, съ которыми надобно разговаривать, то выслушивая, то поучая. Все, что они разскажутъ, до нихъ разсказывали сотни; все, о чемъ спросятъ, извѣстно заранѣе. Не отвѣ-

тить имъ нельзя, потому что они приходятъ за отвѣтомъ издалека, иногда трепетно, иногда назойливо, то дѣйствительно изъ потребности, то изъ простого и очень обиднаго любопытства. Эти люди и бесѣды съ ними — повинность великаго учителя, какимъ прославили старика на весь міръ.

Молодой человѣкъ, который слонялся неподалеку, будто бы стараясь не помѣшать и остаться незамѣченнымъ, а въ дѣйствительности разсчитывая нечаянно попасться на глаза, — секретарь старика. Секретарь, это — человѣкъ, который пишетъ и отсылаетъ письма и долженъ замѣнять старику память. При немъ всегда записная книжка, и въ этой книжкѣ онъ отмѣчаетъ всякій вздоръ, никому не нужный и смѣшной: отмѣчаетъ каждый шагъ и каждое слово старика. Вотъ и сейчасъ, вѣроятно, помѣтилъ: «Въ среду такого то числа великій писатель всталъ въ шесть съ половиной и прослѣдовалъ въ садъ». Вѣчный ласковый, преданный и глупый надзоръ, сплошная прижизненная біографія, неустанное напоминаніе о томъ, что вотъ ты, старикъ, скоро умрешь, и тогда мы личными воспоминаніями украсимъ твою память. И подѣлать съ этимъ ничего нельзя: какъ, не обидѣвъ, объяснишь, что такая любовь (если это любовь!) — насиліе?

Заложивъ пальцемъ страницу, старикъ подозвалъ секретаря. И изъ первыхъ словъ, изъ отвѣта молодого человѣка, почему онъ въ саду въ такой ранній часъ, — понялъ, что тому надо въ чемъ то покаяться или что то разсказать, а какъ приступить — не знаетъ.

Самъ навелъ на разговоръ — а у того уже готово въ карманѣ.

— Это — человѣческій документъ, письмо, написанное одной дѣвушкой въ тюрьмѣ передъ казнью. Я знаю ее лично, съ дѣтства. Наша, рязанская.

— И убили ее?

— Ей казнь замѣнена вѣчной каторгой.

— Вы дайте, я послѣ прочитаю.

— И особенно удивительно, что она принимала близкое участiе въ подготовкѣ убiйства и даже нѣсколькихъ убiйствъ, а сама — вѣдь я ее знаю хорошо, съ дѣтства! — сама хорошiй и очень чуткiй, даже нѣжный человѣкъ. Мы ее очень любили, звали Натулей. Заботливая о другихъ, къ людямъ снисходительная, къ себѣ очень строгая. Какъ это бываетъ — не знаю!

Старается побыстрѣе и побольше высказать. Старикъ слушаетъ, смотритъ ему въ глаза и видитъ ясно, что вотъ человѣкъ — и скорбитъ о ея судьбѣ, и какъ то особенно радъ, что зналъ ее лично; и свою скорбь и радость свою долженъ непремѣнно повѣдать, держать про себя не можетъ. И ждетъ, чтобы старый писатель и учитель высказалъ свое слово, — какъ это случается, что человѣкъ и чутокъ, и нѣженъ, и идетъ на убiйство? Если высказать слово, — онъ, едва отойдя, запишетъ, чтобы именно черезъ него дошло до потомства, потомъ, когда умретъ старикъ, сейчасъ сидящiй съ нимъ на лавочкѣ.

— А гдѣ же она сейчасъ?

— Въ Москвѣ, въ каторжной тюрьмѣ.

— Такая молодая. Тяжело ей тамъ?

— И вообще тяжело, и плохо ихъ содержатъ. Она писала на волю, что иной разъ такъ хочется ѣсть, что даже тошно дѣлается.

Старикъ сказалъ: —

— Вотъ это — самое плохое. Но если въ ней много внутреннихъ силъ — она выдержитъ испытанье. Письмо я прочту. Вотъ я какъ разъ сегодня, какъ всталъ, записалъ у себя въ дневникѣ: «Когда ты встрѣтишь жесткiй

камень и будешь его рубить, это будетъ неразумно; а если ты будешь объ него точить, это будетъ разумно».

Потомъ прибавилъ:

— Въ домѣ то встаютъ. Вы бы шли пить чай, а я подойду.

Молодой секретарь ушелъ и, задержавшись у крыльца, записалъ въ книжечку фразу, сказанную о камнѣ великимъ учителемъ. Особенно важно то, что этой фразы еще никто не слыхалъ, а когда будетъ опубликованъ дневникъ — смыслъ этой фразы, какъ будто и не особенно значительной, но сказанной Великимъ Учителемъ и уже тѣмъ самымъ замѣчательной, лучше всѣхъ растолкуетъ онъ, слышавшій ее изъ устъ Учителя, съ которымъ онъ имѣлъ сегодня, въ среду, длинный разговоръ наединѣ въ саду раннимъ утромъ, когда всѣ еще спали. И молодой человѣкъ былъ очень счастливъ.

Оставшись одинъ, старикъ развернулъ тщательно переписанное письмо. Сначала пробѣжалъ глазами, потомъ прочиталъ все внимательно, иныя мѣста по два раза. Читалъ не какъ всѣ, а видѣлъ тюремную камеру и въ ней молоденькую дѣвушку, не умную, не глупую, очень несчастную. Она пишетъ наканунѣ ужасной смерти, а живучесть въ ней такова, что она все старается сказать покрасивѣе, выразить по ученому, чтобы ея друзья дивовались ея поистинѣ изумительному состоянію. Пишетъ искренне, всему вѣритъ, и пишетъ она правду, но правду здѣшнюю, житейскую, небольшую. Если бы не спасалась мыслью, что ея писанье прочитаютъ другіе, то должна бы кричать и биться головой объ столъ и о стѣны тюрьмы. А она не бьется и ищетъ въ себѣ радость — и находитъ радость, можетъ быть и настоящую. Рада, что вотъ она можетъ такъ чувствовать и такъ писать передъ смертью, и что объ этомъ узнаютъ и будутъ говорить.

Окончивъ читать, старикъ задумался. И подлинно — человѣческій документъ! Вотъ что дѣлаютъ люди и что дѣлаютъ съ людьми! Правда спуталась съ ложью, и самъ человѣкъ, даже въ тягчайшій часъ жизни, не можетъ разобраться, гдѣ его ложь и гдѣ его правда, и въ которой его спасенье, и есть ли спасенье. Потомъ подумалъ: принесутъ съ почты газету — и опять то же! Дня не проходитъ, чтобы не было казней. То убиваютъ молодыхъ людей, вотъ какъ эта дѣвушка, то стрѣляютъ и вѣшаютъ по деревнямъ крестьянъ. Вчера писали, что на Стрѣльбицкомъ полѣ въ Херсонѣ повѣшены двадцать крестьянъ за разбойное нападеніе на усадьбу помѣщика. И нашлись руки, тоже крестьянскія, чтобы накинуть эти двадцать веревокъ на человѣческія шеи! А люди читаютъ и молчатъ. И не только молчатъ, а притерпѣлись, привыкли. Прочитавши эти строчки — легко переходятъ къ другимъ печатнымъ извѣстіямъ. А вѣдь нужно бы голосомъ кричать на весь міръ, потому что нельзя жить съ такимъ сознаніемъ!

Подумалъ — и вдругъ, со всей ясностью ощутилъ знакомое состояніе, когда мысли, уже облеченныя въ готовыя слова, бунтуютъ и требуютъ быть сказанными сейчасъ же, не откладывая, пока въ нихъ кипитъ сила и пока ихъ сталь остра и жаръ не остылъ. Если онъ не скажетъ — кто же скажетъ? Сказать могли бы, и осмѣлились бы, — но никто ихъ голоса не услышитъ, и самыхъ ихъ пламенныхъ строкъ нигдѣ не напечатаютъ. Только онъ, старикъ, и можетъ, и обязанъ крикнуть, и невозможно, чтобы его слово пропало напрасно!

Что бы ни сказать, — онъ зналъ, что его не тронутъ, и такая неприкосновенность была ему тяжела. Вотъ если бы его посадили въ тюрьму, въ хорошую, настоящую тюрьму, вонючую, холодную и голодную! Тогда и сказанное слово прозвучало бы громче и сильнѣе! Но за его

писанья пострадаютъ другіе, кто будетъ печатать и кто будетъ читать, — а его оставятъ жить спокойно. Это тоже родъ пытки, утонченной и жестокой. И черезъ это ему приходилось часто молчать, чтобы не стать виновникомъ чужихъ несчастій.

И тогда, къ уже готовымъ мыслямъ и написаннымъ въ умѣ горячимъ, справедливымъ и убѣдительнымъ словамъ, большими и отчетливыми буквами прибавился заголовокъ:

«Не могу молчать!»

Больше не слыша въ саду человѣческихъ голосовъ, опять слетѣлись птицы и пичуги и опять открыли базаръ. Солнце пробуравило облака, распахнуло листву — и на садовую дорожку упали свѣтлыя пятна.

Старый писатель заложилъ книгу страницами письма, оперся на палку и всталъ съ лавочки.

БАНОЧКА ВАРЕНЬЯ

Будучи въ Рязани, отецъ Яковъ счелъ и должнымъ и любопытнымъ навѣстить почтеннаго и уважаемаго мѣстнаго доктора Сергѣя Павловича Калымова, о несчастіи котораго только тутъ и узналъ.

А несчастье большое: дочка Сергѣя Павловича еще три года тому назадъ попалась въ дѣлахъ политическихъ, такъ что даже была приговорена къ смерти, долго прождала въ тюрьмѣ казни, а потомъ была помилована, — если можно назвать милостью безсрочную каторгу.

Такихъ семейныхъ несчастій было повсюду много, и о нихъ устали думать и говорить. Привыкли къ тюрьмамъ и къ казнямъ, какъ къ явленію бытовому и есте-

ственному, именъ не помнили, героизмъ окончательно вышелъ изъ моды.

За послѣдніе два года блужданія по Россіи, отецъ Яковъ всюду находилъ разительныя противъ прежняго перемѣны: то ли огрубѣли человѣческія сердца, то ли дуютъ иные вѣтры! Нѣтъ прежней довѣрчивости и простоты, люди стараются сами устроиться получше, о ближнихъ не помышляя. Впрочемъ, бывало такъ и раньше, и удивительнаго въ томъ ничего нѣтъ. Однако раньше человѣкъ отъ человѣка рознился, — нынѣ же всѣ какъ бы стрижены подъ одну гребенку. И не то, чтобы по слабости или въ духовномъ бореніи, а увѣренно, открыто и какъ бы ликуя, что вотъ — отъ всякихъ благоглупостей и идей завиральныхъ освободился и живу въ свое удовольствіе, другимъ же предоставляю ломать дурака.

Сергѣй Петровичъ, знакомый не близкій, но давній, былъ уже довольно старъ, а теперь совсѣмъ ослабѣлъ. Раньше считался не то что опаснымъ либераломъ, а все же человѣкомъ передовымъ, за что и былъ избранъ отъ Рязани въ государственный совѣтъ. Сейчасъ былъ внѣ политики, мало занимался и своей врачебной практикой, больше жилъ въ имѣньѣ. Отца Якова онъ встрѣтилъ очень привѣтливо, какъ человѣка, съ которымъ можно обо всемъ поговорить, который умѣетъ слушать и не любитъ болтать.

— Года три не бывали въ нашихъ краяхъ, батюшка!

— Для точности скажу — четыре года, какъ вашимъ городкомъ не любовался.

— Все катаетесь, отецъ Яковъ? Все смотрите?

— Ѣзжу по малымъ дѣламъ и, подлинно, смотрю. Есть нынѣ, что поглядѣть въ россійскихъ городахъ и весяхъ. А и въ столицы заглядывалъ и даже живалъ неподолгу. Живутъ люди и тамъ.

— Про мое горе слыхали, отецъ Яковъ?

— Ранѣе, по совѣсти не зналъ, только здѣсь и услыхалъ. Большое вамъ, Сергѣй Павловичъ, ниспослано испытаніе. Ну, Богъ поможетъ, образуется.

— Какъ же это образуется? Вѣдь дочка въ безсрочной каторгѣ, и то изъ милости.

— Слыхалъ, слыхалъ, и искренно соболѣзную.

— А за что это мнѣ, батюшка? Самъ я революцію не проповѣдывалъ, дѣтей старался воспитывать по мѣрѣ средствъ, въ свободѣ ихъ не стѣснялъ, да вотъ и дождался на свою сѣдую голову. За что осуждена — знаете ли?

— Слыхалъ, что по политикѣ.

— А по какой политикѣ? По участію въ убійствахъ! Питерскій взрывъ помните, покушеніе на министра?

— Да вѣдь какъ не помнить! Передъ самымъ событіемъ денька за два самолично былъ тамъ на пріемѣ, удостоился.

— Вотъ она, значитъ, и васъ могла взорвать. И меня могла убить, они хотѣли весь государственный совѣтъ на воздухъ.

Отецъ Яковъ припомнилъ, какъ видѣлъ въ Совѣтѣ молодую чету, и какъ дама была похожа на докторову дочку. Но промолчалъ.

— За что же мнѣ это, отецъ Яковъ? Какъ у васъ тамъ на этотъ счетъ въ священныхъ писаніяхъ?

— Испытаніе.

— Покорно благодарю. А за что? Я, какъ узналъ, вѣрить не хотѣлъ. Вы моей Натули не знали. Воспитана была въ ласкѣ и въ цвѣтущемъ здоровьѣ. Дѣвочка была нѣжная и добрая — мухи не обижала. Маленькой плакала трое сутокъ, когда задавили ея щеночка. Гимназисткой была — перестала ѣсть мясо: не убій! Былъ у нихъ такой кружокъ, вродѣ толстовскаго. Какъ же это

такъ могло случиться? А я вамъ скажу, отецъ Яковъ: это ее увлекли, а ей самой всякое насиліе чуждо.

— Возвожно, возможно.

— Не возможно, а навѣрное такъ. Нужно тѣхъ наказывать, кто ее вовлекъ въ преступныя дѣла!

— Безъ наказанія не останутся.

— Я, батюшка, писалъ и все объяснялъ. И на высочайшее имя подалъ. А она мнѣ знаете, что сказала, когда меня пустили къ ней въ тюрьму на свиданье? «Мнѣ, — говоритъ, — очень тяжело, что я тебѣ доставила столько страданій; но, — говоритъ, — я ни въ чемъ не раскаиваюсь и прошу тебя не позорить никакими прошеніями мою революціонную честь!». Поняли? Это я опозорилъ ея честь!

— По молодости лѣтъ, Сергѣй Павловичъ. Молодой задоръ говоритъ.

Сергѣй Павловичъ какъ то сразу перемѣнилъ тонъ:

— Знаю, отецъ Яковъ. Самъ былъ молодъ, знаю. И сказать по чистой совѣсти — горжусь! И скорблю, и горжусь, что моя дочь — другимъ не чета. Сама за себя отвѣтила, и ничьей милости не хочетъ.

Отецъ Яковъ не зналъ, нужно ли и тутъ поддакнуть или лучше промолчать. Ограничился словами:

— Ну, Богъ дастъ — пройдетъ тяжелая полоса, и въ политикѣ полегчаетъ. Можетъ будетъ амнистія или нѣчто подобное.

— Нѣтъ, батюшка, тутъ не амнистія, а нужно хорошенькую революцію!

Отецъ Яковъ кашлянулъ и не отвѣтилъ. Трудненько бесѣдовать съ такими людьми, хотя и весьма почтенными. Разумѣется — скорбь говоритъ въ человѣкѣ! Чтобы продлить бесѣду, поинтересовался:

— А гдѣ же содержатъ теперь молодую особу?

— Какую особу?

— Разумѣю — дочку вашу.

— А, Натулю! Она сидитъ въ Москвѣ, въ женской каторжной тюрьмѣ. Сейчасъ тамъ, а вѣрно потомъ увезутъ куда нибудь въ Сибирь, въ настоящую каторгу, неизвѣстно.

Въ памяти порывшись, отецъ Яковъ сказалъ:

— Той тюрьмы начальницу знавалъ. Особа почтенная, изъ знатныхъ. Ранѣе имѣла дѣвичій пріютъ, каковой и осматривалъ, такъ что довелось побесѣдовать. Было тому назадъ лѣтъ шесть, а нынѣ стала начальницей.

— Вездѣ у васъ знакомства, отецъ Яковъ. А нельзя ли вотъ по вашему знакомству передать Натулѣ посылку, баночку вишневаго варенья? Она очень любила вишневое, безъ косточекъ. Писемъ мы съ ней не пишемъ, да и не о чемъ, а варенье послалъ бы. Вы отсюда въ Москву?

— Обязательно. Нынѣ четвергъ, а ко вторнику въ Москвѣ. Могу и вареньице передать, если разрѣшаютъ.

— Это разрѣшаютъ свободно. Просто — сдайте въ контору, тутъ и начальница не нужна. А почтой послать — еще пропадетъ.

— Могу, могу.

Нельзя въ такой малости отказать огорченному отцу, — хотя и не любилъ отецъ Яковъ соприкасаться съ опасными учрежденіями. Но вѣдь что-жъ: отецъ посылаетъ дочери сладкое черезъ духовную особу; ничего подозрительнаго.

Калымовъ предложилъ отцу Якову заночевать. Устроилъ его хорошо въ бывшей комнатѣ Наташи.

— Вотъ здѣсь жила. Вонъ и книжки ея остались въ

шкапу, дѣтскія и разные учебники. Храню. А вы, батюшка, на сонъ грядущій въ постелѣ читаете?

— Сей привычки не имѣлъ отъ рожденія.

— Ну, а я все таки дамъ вамъ прочитать письмо Натули. Писано ея пріятелямъ, а мнѣ дали копію. Писала, когда ждала казни. Вотъ вы людей изучаете, вамъ это должно быть интереснымъ. Самъ Левъ Толстой читалъ, ему показывали. Прочитавши, будто бы прослезился. Вотъ и я, когда читалъ, ревѣлъ голосомъ, а понять ничего не могъ. Тутъ бы съ ума сойти надо — а она пишетъ философію. Такая у меня дочь, отецъ Яковъ! Вы непремѣнно прочитайте.

— Прочитаю, прочитаю. И за довѣріе покорно благодарю.

— Тутъ, въ ея комнатѣ и прочтете. А и плохо же мнѣ, отецъ Яковъ! Старъ становлюсь, а утѣшенья нѣтъ. Ну, да что же грусть разводить. Сейчасъ принесу письмо, а завтра вернете.

Отецъ Яковъ съ сомнѣніемъ думалъ:

— Человѣкъ почтенный и истинно страждущій, однако — малопонятный. Съ одной стороны скорбь о потерѣ любимаго дитяти, а съ другой стороны странныя слова о гордости. Гордиться то, словно бы, и не чѣмъ, а скорѣе сожалѣть, что вышла неудача въ правильномъ воспитаніи. Несчастье же великое.

Прежде чѣмъ раздѣться и лечь, отецъ Яковъ присѣлъ къ столику, вынулъ очки, разгладилъ на столѣ исписанные листочки, подумалъ о томъ, что въ этой самой комнатѣ и жила дѣвица, письмецо писавшая, а нынѣ въ тюрьмѣ, и, сокрушенно головой покачавъ, принялся за чтеніе.

ПИСЬМО ПЕРЕДЪ КАЗНЬЮ*)

«Изъ далекаго туманнаго будущаго смерть превратилась въ вопросъ нѣсколькихъ дней и вырисовывается очень ясно, въ видѣ обтянутой вокругъ шеи веревки... Тотъ смутный страхъ, порой даже ужасъ, который я испытывала передъ смертью, когда она была за сто верстъ, теперь, когда она за пять шаговъ, совершенно исчезъ. Появилось любопытство къ ней и подчасъ даже чувство удовлетворенія отъ сознанія, что вотъ скоро... скоро... я узнаю величайшую тайну».

. . . .

Миновало только двадцать первое лѣто ея жизни, когда военный судъ постановилъ прекратить эту жизнь «смертной казнью черезъ повѣшенье». Изъ залы суда конвойные доставили Наташу Калымову обратно въ камеру петропавловской крѣпости, гдѣ она нѣсколько мѣсяцевъ ждала и этого суда, и этого приговора.

Она чувствовала крайнее утомленіе, за которымъ не могло послѣдовать ни отдыха, ни сна. Отдыху мѣшалъ внутренній холодъ и легкое головокруженіе. Невозможно было перестать думать, хотя теперь думать было больше не о чемъ. Было невозможно и рѣзкое движеніе, потому что оно могло нарушить напряженность минуты и вызвать испугъ, ужасъ, бурю слезъ, что то несообразное съ важностью переживаемаго. Ухо, выслушавшее приговоръ, продолжало прислушиваться, точно вотъ сейчасъ раздастся спокойный голосъ, который скажетъ: «ну, пора прекратить эту комедію! Иди домой и забудь о пустякахъ!» Шаги за дверью камеры означали: «сей-

*) Въ этой главѣ — отрывки подлиннаго документа.

часъ, подожди минуту — и все разъяснится». Сквозь оконную рѣшетку проникалъ самый обыкновенный предвечерній свѣтъ, при которомъ еще можно читать, но гораздо лучше выйти и прогуляться по набережной Петербурга, полюбоваться на закатъ и силуэты зданій. На двадцать второмъ году жизни умереть — невозможно! Умираютъ старики и больные, и это естественно, хотя жаль и ихъ.

Загрохоталъ дверной ключъ, она сжалась и едва могла повернуть голову. Къ ней впустили защитника, единственнаго человѣка, который то сидѣлъ противъ нея на тюремномъ табуретѣ, то оказывался на улицѣ и у себя дома, среди свободныхъ людей, какъ бы уничтожая легенду о непроницаемости тюремныхъ стѣнъ и объ отрѣзанномъ мірѣ. Поэтому его приходъ всегда волновалъ. Теперь самъ защитникъ былъ взволнованъ не меньше ея: у него былъ видъ врача, который вынужденъ сознаться, что нужно рѣшаться на смертельно опасную операцію. Защитникъ принесъ для подписи готовую бумагу — прошеніе на высочайшее имя.

Когда онъ ласково подсунулъ ей подъ руку листъ и подалъ свое перо — торжественность минуты исчезла и занавѣсъ снова поднялся: комедія продолжается! Опять нѣтъ настоящей Наташи, слишкомъ молодой и здоровой, чтобы готовиться къ смерти, — и опять выходитъ на сцену извѣстная артистка Наталья Калымова, выступавшая и въ предыдущемъ актѣ. Теперь, по тексту комедіи, полагается отказъ приговоренной къ смерти подать прошеніе о помилованіи. Роли обоихъ отлично извѣстны: онъ долженъ ласково убѣждать, она — гордо отталкивать бумагу и перо. Весь зрительный залъ замеръ въ ожиданіи ея словъ. И она говоритъ:

— Никогда! Я этого не подпишу!

— Милая, да вѣдь это только формальность!

Не мѣняя тона, настойчиво и твердо она повторяетъ:

— Никогда! Пусть вѣшаютъ!

Онъ былъ увѣренъ, что она откажется, и, жалѣя ее со всей искренностью, онъ мысленно уже разсказывалъ своимъ знакомымъ и ея друзьямъ, какъ рѣзко и рѣшительно она отвергла всякую мысль объ обращенiи къ высшей власти. Онъ вообще гордился своей клiенткой.

Уходя, онъ сказалъ, что придетъ еще разъ завтра днемъ и принесетъ текстъ кассацiонной жалобы. Поводовъ серьезныхъ нѣтъ, но нужно затянуть дѣло, а тѣмъ временемъ... Надежда есть, прецеденты были... Ея отецъ хлопочетъ и приговоръ можетъ быть смягченъ.

Она сказала, что напишетъ письмо друзьямъ и завтра ему передастъ. Онъ оставилъ ей нѣсколько листовъ превосходной бѣлой и плотной бумаги, и она приготовилась писать. Она не дала занавѣсу опуститься, — иначе въ полутемной камерѣ заметалась бы въ смертельной тоскѣ молодая рязанская дѣвушка, приговоренная къ смерти. Сейчасъ, надъ листами бумаги склонилась голова героини, стойкой террористки, которая разстается съ жизнью безъ страха и съ улыбкой.

«Величайшая тайна», которая возбуждаетъ въ ней любопытство, — конечно только бодрая шутка. Сейчасъ она объяснитъ.

. . . .

«Разумѣется, ни въ какiя «будущiя жизни» я не вѣрю и знаю, что, когда я задохнусь отъ недостатка кислорода и сердце перестанетъ работать, — мое «я» исчезнетъ навсегда. Но эта увѣренность въ полномъ исчезновенiи почему то совершенно меня не пугаетъ. Не потому ли, что я не могу ясно себѣ этого представить? И всѣ мои размышленiя о смерти никакъ не идутъ дальше ощу-

щенія веревки на шеѣ, сдавленнаго горла и темныхъ круговъ въ глазахъ»...

. . . .

Она пишетъ не только спокойно, но и внимательно подыскивая выраженія, зачеркивая неудачныя слова, замѣняя ихъ другими, подправляя неясно написанныя буквы и ставя многоточіе тамъ, гдѣ мысль нѣсколько задерживается или не договаривается. Она не выдумываетъ ощущеній, а списываетъ ихъ съ портрета сидящей за тюремнымъ столикомъ революціонной героини, весь обликъ которой ей очень нравится и ее чаруетъ. Она видитъ ее со стороны и боится невѣрнымъ словомъ нарушить цѣльность и красоту ея образа, его простоту и привлекательность, а главное — его подлинность. Она не можетъ отдѣлаться отъ частаго повторенія словъ «смерть», «сдавленное горло», «веревка», — но и эти слова, которыя мурашками заползаютъ подъ черепъ спрятавшейся дѣвушки Наташи, — звучатъ совершенно иначе въ письмѣ той, которая сидитъ на авансценѣ передъ публикой, замершей въ ожиданіи финальной сцены. Ужаснѣйшимъ словамъ она возвращаетъ ихъ простое житейское значеніе, — и достигаетъ этого легкимъ усилиемъ своей освобожденной отъ предразсудковъ воли. И вотъ это изумительное ощущеніе свободы — нужно непремѣнно имъ разсказать и выразить ясно, — какъ ясно это слагается въ ея душѣ.

. . . .

«Новыя, странныя и удивительно хорошія ощущенія я переживаю здѣсь, въ этой большой полутемной камерѣ. Господствующее ощущеніе — это всепоглощающее чувство какой то особенной внутренней свободы. Эхъ, это очень трудно объяснить! Чувство такъ сильно, что, внимая ему, ликуетъ каждый атомъ моего тѣла, и я испытываю огромное счастье жизни. Такъ странно созна-

вать, что именно въ эти минуты ко мнѣ вернулось давнее дѣтское чувство жизнерадостности, — и вотъ она вновь во мнѣ струится, какъ алая горячая кровь моего сердца, которая дѣлаетъ его живымъ, гибкимъ, ликующимъ!»

. . . .

Она вскакиваетъ съ табурета, эта бѣдная дѣвушка, очарованная чувствами своей героини, и взволнованно шагаетъ по камерѣ. Да, именно — счастье и жизнерадостность! И ни малѣйшаго страха! Они, эти палачи, думали, что она будетъ биться головой объ столъ и истерически рыдать, — а она улыбается свѣтлой улыбкой и, любя жизнь, привѣтствуетъ смерть! Съ улыбкой она подходитъ къ страшному сооруженію, свѣтлымъ взглядомъ даритъ и палачей и весь міръ, съ которымъ она прощается, — и съ той же улыбкой уходитъ въ вѣчность, полная любопытства и полная любви къ солнечному лучу, къ каждой далекой звѣздѣ и каждой глупой мошкѣ! Да, именно это испытываетъ она передъ смертью, — какъ это чудесно и необыкновенно, и какъ это легко и просто!

Она опять садится за письмо къ друзьямъ и долго пишетъ, выбирая самыя красивыя слова и любуясь удачными оборотами, то ясными и рѣшительными, то нарочито туманными, иногда шутливыми, почти кокетливыми. И она видитъ, какъ ея друзья, подавленные ея судьбой, читаютъ это письмо съ чувствомъ благоговѣнія передъ ней, познавшей, пережившей, побѣдившей и просвѣтленной.

Она искренняя до конца, — и въ то время, какъ подлинная Наташа Калымова, осужденная на казнь, объятая ужасомъ и жалостью къ себѣ, забилась въ темный уголъ камеры и лишилась сознанія, — ея двойникъ, ея прекрасная героиня, ея идеалъ — ровнымъ почеркомъ, строка за строкой, исписываетъ листы адвокатской бу-

маги. Это уже не письмо, это — философская поэма, документъ, который непремѣнно долженъ войти въ исторію и который ненужной пышностью и красивостью словъ и безуміемъ неосознанной лжи, чудовищной, святой и кощунственной, — когда нибудь исказитъ для историковъ образъ простой, здоровой и искренней рязанской дѣвушки, запутавшейся въ сѣтяхъ жизни...

ДЕНЬ ОТЦА ЯКОВА

Прямо съ вокзала отецъ Яковъ пошелъ на Первую Мѣщанскую, въ надеждѣ остановиться и провести два-три дня, а не будетъ неловкостью — и недѣлю, у стараго знакомаго, букиниста и мелкаго издателя Петра Хвастунова, владѣльца лавочки лубочныхъ изданій у Ильинскихъ воротъ. Были въ Москвѣ и иныя знакомства — много знакомствъ, но отецъ Яковъ охотнѣе пользовался гостепріимствомъ людей простыхъ и пріятныхъ, не большихъ господъ и не барствующихъ; и поговорить съ ними проще, и обязаться имъ легче, и не приходится притворствовать, отмалчиваясь на ихъ шуточки и улыбаясь покровительственнымъ замѣчаніямъ.

Петра Петровича Хвастунова отецъ Яковъ зналъ давно, еще когда тотъ былъ офеней и бродилъ съ коробомъ листовокъ и цвѣтныхъ лубочныхъ картинъ московскаго изготовленія. Позже, офеня сталъ осѣдлымъ мелкимъ книготорговцемъ, открылъ въ Москвѣ ларекъ, затѣмъ маленькую лавочку, и могъ бы выйти въ люди, если бы въ жизни былъ удачливѣе. Но ему не везло, и время отъ времени его начинавшееся благополучіе рушилось: то несъ немалый убытокъ изъ-за излишней довѣрчивости, то терпѣлъ отъ собственнаго риска, — издавалъ книжечку съ неудачнымъ титломъ, и она не шла

ни оптомъ, ни въ розницу. Не повезло ему и въ семейной жизни: едва женившись — овдовѣлъ, и осталась на рукахъ дочка. Больше не женился, и двадцать лѣтъ провозился со своей крохотной лавочкой, покупая и продавая книжки, а изрѣдка пытаясь выйти въ издатели.

Его дружба съ отцомъ Яковомъ укрѣпилась въ дни японской войны, когда Петръ Хвастуновъ сдѣлалъ ладное дѣло, издавъ, по совѣту отца Якова и при дѣятельной его помощи, нѣсколько ходовыхъ листовокъ — о Японіи, о Кореѣ, о русскихъ военачальникахъ на Дальнемъ Востокѣ, а особенно ходко пошелъ яркій лубокъ, изображавшій «Макарова подъ водой»: лежатъ на днѣ морскомъ адмиралъ, офицеры, матросы, пушки, а надъ поверхностью бушующаго моря летаютъ бѣлые ангелы въ простыняхъ и съ цвѣтками лиліи. Картина очень понравилась, оптовики брали ее на расхватъ и прозвали «хвастуновской». Разошлась во многихъ тысячахъ, и никто, конечно, не зналъ, что текстъ къ картинѣ, въ отчаянныхъ стихахъ, писалъ запрещенный попъ Яковъ Кампинскій.

Къ этому старому книжнику и другу и направился отецъ Яковъ, послѣ годичнаго отсутствія изъ Москвы. А придя къ нему пѣшкомъ съ недавно отстроеннаго Рязанскаго вокзала, узналъ новость: Петръ Петровичъ Хвастуновъ ранней весной приказалъ долго жить, оставивъ дочку, пятьдесятъ рублей наличными, немного дешеваго книжнаго товара и добрую о себѣ память у сосѣдей на Первой Мѣщанской. Что было — ушло на похороны, но зато не осталось и долговъ.

Эту печальную новость сообщила отцу Якову сосѣдка Катерина Тимофеевна, пріютившая дочь Хвастунова Анюту, дѣвушку простую, трудолюбивую, но непристроенную. Конечно — лучшимъ исходомъ было бы ей выйти замужъ; но она не только была безприданницей, а и

не блистала красотой: такъ себѣ, дѣвушка какъ дѣвушка, немного восторженная, такъ какъ прочитала цѣлую кучу книжекъ изъ отцовскаго товара, тоненькихъ повѣстей и романовъ о благородныхъ разбойникахъ и о маркизахъ, говорящихъ пышными словами о высокихъ чувствахъ. Катерина Тимофеевна временно устроила Анюту у себя, не то пріемной дочкой, не то прислугой, и хоть не очень тяготилась ею, а, по душевной простотѣ, хотѣла для нея лучшей участи. Сама живя на маленькую пенсію, хорошо содержать дѣвушки не могла.

Обо всемъ этомъ, послѣ первыхъ аховъ и вздоховъ, было подробно доложено старому другу покойнаго и почетному гостю. Отецъ Яковъ былъ вдвойнѣ огорченъ новостью: и жаль пріятеля, и не оправдался разсчетъ на отдыхъ послѣ долгаго пути. Поэтому, посидѣвъ часокъ, обѣщалъ зайти завтра же, а пока побрелъ устраивать себѣ на день-два иной ласковый пріютъ.

На завтра, дѣйствительно, явился, и тогда, познавъ еще двухъ сосѣдокъ, устроили родъ семейнаго совѣта: какъ быть дальше съ Анютой? Пока нѣтъ въ виду хорошаго жениха — найти ей постоянное мѣсто, либо къ дѣтямъ, либо вродѣ скромной службы. Отецъ Яковъ обѣщалъ постараться и поспрошать добрыхъ знакомыхъ. Хорошо, что Анюта и читаетъ и пишетъ, была въ двухклассномъ и способна къ рукодѣлью: что нибудь да наладится. И первымъ дѣломъ отецъ Яковъ попробуетъ замолвить словечко одной изъ своихъ московскихъ покровительницъ по пріютскимъ дѣламъ.

Его угостили чаемъ съ ватрушками и проводили надеждами и благословеніями. Онъ и самъ растрогался:

— Покойника, Петра Петровича, я знавалъ съ молоду. Прекрасный былъ человѣкъ и справедливый. Полагалъ его за лучшаго друга и неоднократно пользовался его гостепріимствомъ. Такъ что ужъ это какъ бы мой

долгъ передъ его памятью, — а свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Похлопочемъ, похлопочемъ.

Съ вечера вынулъ изъ чемодана и развѣсилъ расправиться лиловую рясу — выходной костюмъ по просительнымъ дѣламъ. Рясѣ то ли семь, то ли всѣ десять лѣтъ, — а еще служитъ за новую и парадную. Великое дѣло — аккуратность!

Затѣмъ по списочку перебралъ адреса знакомыхъ почтенныхъ домовъ, куда можно будетъ заглянуть, безъ опасенія плохого пріема. Въ одномъ мѣстѣ не удастся — въ другомъ будетъ больше удачи. Адресковъ много, все дѣло во времени. А въ двери стучаться — привычно и не зазорно.

Такъ порѣшивъ, отецъ Яковъ сѣлъ за работу: написать замѣтку о бабушкѣ-сказительницѣ, которую встрѣтилъ въ своихъ недавнихъ блужданіяхъ по сѣвернымъ губерніямъ: на случай, что какая-нибудь газетка согласится придать тисненію. Было бы это очень полезно, потому что издержался отецъ Яковъ до крайности, а по долгу обязываться чужимъ людямъ онъ не любилъ и стѣснялся.

— И времена сейчасъ не тѣ! Раньше люди были и проще и привѣтливѣе. Нынѣ же улыбаться-улыбаются, а смотрятъ словно бы косо. Убыло въ людяхъ простосердечія. Каждый сталъ жить для самого себя, о ближнемъ помышляя мало. Главное — нѣтъ прежней простоты, что вотъ пришелъ человѣкъ навѣстить, пообѣдалъ и заночевалъ. Нынѣ это считается неудобнымъ, и хорошій обычай выводится, особенно въ столицѣ. И жить всѣ хотятъ по-европейски, и даже одѣваться стали чище и нараднѣе.

Это замѣчаніе — объ измѣненіи натуры русскаго городского человѣка — отецъ Яковъ внесъ въ свой дневникъ и объяснилъ такъ:

«Наблюдается разочарованіе человѣка въ достиженіи высокихъ идеаловъ, каковыми увлекались тому назадъ три года, и однако кончилось пораженіемъ надеждъ и тайныхъ мечтаній. Въ особенности слѣдуетъ сказать о молодежи обоего пола, какъ о томъ свидѣтельствуетъ даже изящная литература, подстрекающая къ соблазнамъ плоти, чего раньше въ подобной степени не примѣчалось, а также случаи юныхъ самоубійствъ. Иные объясняютъ политической реакціей, обвиняя въ семъ правящіе классы. Самъ судить не берусь и лишь выражу надежду, что данное явленіе скоропреходяще».

ДВѢНАДЦАТЬ

Камера номеръ восемь московской женской каторжной тюрьмы отведена осужденнымъ по дѣламъ политическимъ; это — тюремная аристократія: двѣнадцать дѣвушекъ и женщинъ, изъ нихъ старшей нѣтъ тридцати лѣтъ. Съ ними вмѣстѣ посажена только одна уголовная арестантка, такъ какъ при ней двое дѣтей.

Двѣнадцать молодыхъ женщинъ безмѣрно опасны для государства, въ которомъ сто семьдесять милліоновъ жителей. Всѣ онѣ не только мечтали объ измѣненіи въ этомъ государствѣ политическаго строя, но и пытались добиться этого личнымъ участіемъ въ переворотѣ. Если нѣкоторыхъ изъ нихъ продержать въ каторжной тюрьмѣ до старости, а другихъ — всю жизнь, то государство можетъ спастись и его политическій строй остаться неизмѣннымъ.

Конечно, было бы еще проще ихъ убить, какъ и было поступлено со многими другими. Но правосудіе великаго и просвѣщеннаго государства полно тонкихъ оттѣнковъ. Сотни ученыхъ юристовъ и чиновныхъ мудре-

цовъ разработали и примѣнили къ жизни лѣстницу преступленій и наказаній. Такъ, напримѣръ, дѣвушка Надя Протасьева, которая неудачно стрѣляла въ полковника, удачно разстрѣлявшаго сотню бунтовавшихъ крестьянъ, можетъ быть обезврежена и исправлена въ десять лѣтъ. Ея подруга, Вѣрочка Уланова, худая и некрасивая, осужденная за храненіе взрывчатыхъ веществъ въ квартирѣ родителей (а эти вещества полагается хранить въ особыхъ казенныхъ складахъ), одумается въ какія нибудь восемь лѣтъ. На исправленіе двадцатилѣтней Наташи Калымовой (теперь ей уже двадцать три), участницы взрыва министерскаго особняка, нѣтъ никакихъ надеждъ; если она проживетъ еще полвѣка и семидесятилѣтней старухой появится на волѣ, — государство можетъ въ тотъ же мигъ взлетѣть на воздухъ; поэтому ея заключеніе безсрочно. Иное — дѣвица Елена, молодая восторженность и жертвенность которой потухнутъ ровно черезъ пятнадцать зимъ. И мудрое правосудіе подѣлило между ними эти сроки.

Ни одна изъ осужденныхъ не отрицала на судѣ своей вины; напротивъ, всѣ онѣ съ дерзкой откровенностью объясняли суду мотивы своихъ преступленій, не высказавъ ни малѣйшаго раскаянія. Но мудрое правосудіе не можетъ руководиться однимъ сознаніемъ обвиняемыхъ. Поэтому, надъ обоснованіемъ преступности ихъ воли поработало не мало народа: тысячи чиновниковъ полиціи въ обстоятельныхъ докладахъ, подтвержденныхъ множествомъ документовъ и показаній, освѣтили дѣятельность Нади, Наташи, Сони и ихъ сообщниковъ и сообщницъ. Сотни секретарей заготовили бумажки для подписи десяткамъ начальниковъ отдѣловъ; пришлось побезпокоить важныхъ особъ, высокія учрежденія гражданскаго и военнаго вѣдомствъ; пришлось содержать на окладахъ цѣлую бригаду спеціалистовъ по

шпіонажу, жандармовъ и тайныхъ агентовъ внутренняго и наружнаго наблюденія, людей преданныхъ, продажныхъ, образованныхъ, полуграмотныхъ, умныхъ, идіотовъ, воздержанныхъ, пьяницъ, честныхъ, получестныхъ и явныхъ негодяевъ. Когда, наконецъ, были найдены, схвачены и посажены въ тюрьму Надя, Вѣрочка, Наташа, Оля и ихъ однолѣтки, — рѣшеніе ихъ дальнѣйшей участи было поручено сѣдоусымъ полковникамъ и армейскимъ офицерамъ, долгое время обучавшихся обращенію съ оружіемъ для охраны и защиты границъ страны. Руководясь статьями законовъ и томами къ нимъ комментаріевъ, а сверхъ того соображеніями личной карьеры и прямымъ устнымъ приказомъ высшихъ начальствъ, этотъ суровый военный людъ вынесъ резолюцію объ уничтоженіи или обезвреженіи непріятеля: Сонь, Еленъ, Наташъ и Вѣрочекъ. Отряды конвойныхъ солдатъ, убѣжденные, что имъ препоручены отвратительныя и развратныя женщины, отвели страшныхъ преступницъ обратно въ тюрьму и сдали отрядамъ сторожей, смотрителей и исполнителей.

Каменныя стѣны тюрьмы были воздвигнуты не зря, а по планамъ, выработаннымъ лучшими знатоками пенитенціарной системы, при которой строгость къ преступнику сочетается съ высшимъ милосердіемъ и гарантируетъ государству — покой, а самимъ осужденнымъ на вѣчное заключеніе — возможно длительную жизнь. Захлопнуты двери, защелкнуты замки, правосудіе торжествуетъ, порокъ уличенъ и наказанъ, шестая часть свѣта можетъ спать спокойно, потому что все это продѣлано не какъ нибудь, а со всѣми гарантіями законности и судебной справедливости.

Она бы и спала спокойно, если бы за время всей этой суматохи у полковника, подписавшаго приговоръ, и у путиловскаго рабочаго, прочитавшаго о судѣ въ газе-

тахъ, не народились и не подросли ребята — мальчики и дѣвочки, Гриши, Алеши, Пети, Нади, Лели и Наташи, съ которыми тоже предстоитъ возня и родителямъ и охранителямъ государственности и правосудія. Идутъ года, смѣняются люди на высокихъ постахъ и на аренахъ преступности, ускоренная тюремная смертность съ избыткомъ покрывается рождаемостью въ благополучной странѣ, — и мѣсто свято не бываетъ пусто...

....

Въ мягкихъ туфляхъ начальница тюрьмы идетъ по корридору мимо камеръ; такъ же мягко ступая, за нею слѣдуетъ дежурная наздирательница. Время отъ времени едва слышно щелкаетъ дверной глазокъ.

Въ дни свободъ, теперь уже отдалившіеся, когда осмѣлѣвшая печать громила власть за тюремные непорядки, съ полнымъ убѣжденіемъ, что образцовыя тюрьмы дѣлаютъ честь культурному государству, — была сдѣлана попытка вручить начальствованіе надъ видными столичными тюрьмами людямъ почтеннымъ и уважаемымъ, которымъ одинаково могутъ вѣрить и власть, и общество. Такихъ точно людей, правда, не нашлось, но смѣна лицъ все-таки произошла. Именно тогда и для каторжной женской тюрьмы удалось найти подходящую солидную начальницу, женщину въ годахъ, но еще не развалину, съ очень сомнительнымъ прошлымъ, но зато съ отличной польской дворянской фамиліей. Долгимъ опытомъ было установлено, что если сыны остзейскаго баронства проявляютъ отличныя качества усмирителей и карателей, то представители польскаго панства незамѣнимы на постахъ полицейскихъ и охранительныхъ.

Новая начальница оказалась хозяйственной и распорядительной, даже съ немалымъ навыкомъ, такъ какъ раньше она держала пансіонъ для дѣвицъ. Съ пансіо-

номъ вышли крупныя непріятности, заинтересовавшія полицію. Откупившись отъ излишняго вниманія полицейскихъ чиновъ, хозяйка пансіона пріобрѣла ихъ дружбу и протекцію; пансіонъ пришлось закрыть, но добрыя связи и духъ времени открыли передъ дѣловой женщиной новую и спокойную карьеру: она была поставлена во главѣ каторжной тюрьмы.

Она была отличной начальницей, въ мѣру строгой, педантичной, выдержанной, самостоятельной. Сверхъ служебнаго оклада, она довольствовалась небольшой хозяйственной экономіей, сама жила хорошо и никогда не доводила своихъ новыхъ пансіонерокъ до открытаго ропота. При ней не было въ тюрьмѣ ни массовыхъ голодовокъ, ни вынужденныхъ скандальныхъ ревизій. Уголовные питали къ ней должный страхъ и неизмѣнное уваженіе, политическихъ она содержала отдѣльно и не раздражала приказами вставать при ея появленіи и называть ее «ваше сіятельство». Небольшой штатъ тюремной прислуги она подбирала тщательно, не давая заживаться подолгу, чтобы между ними и заключенными не возникало дружественныхъ отношеній. Во внутреннее помѣщеніе тюрьмы она являлась не часто, но почти всегда внезапно, охотнѣе всего по ночамъ.

Именно для такого ночного обхода она явилась и сегодня. Отворивъ дверь изъ конторы въ тюрьму ключемъ, который сдавался ей каждый разъ, послѣ вечерней повѣрки, она сдѣлала знакъ дежурной при входѣ и въ ея сопровожденіи прошла нижній корридоръ и поднялась по лѣстницѣ.

Шаги заглушались войлочными туфлями. Около нѣкоторыхъ камеръ она останавливалась, пріоткрывала заслонку глазка и всматривалась въ полумракъ камеры; въ тускломъ кругѣ свѣта отъ лампы, висѣвшей въ клѣткѣ подъ потолкомъ, сѣрыми пятнами лежали на кой-

кахъ женщины; однѣ — закрывъ лицо одѣяломъ, другія — раскинувшись въ безпокойномъ снѣ. Случалось, что кто-нибудь изъ заключенныхъ не спалъ и, сидя на койкѣ, тупо смотрѣлъ на свѣтъ или искалъ насѣкомыхъ. Въ такихъ случаяхъ начальница слегка ударяла по стеклу глазка согнутымъ пальцемъ и вполголоса говорила: «спать!».

Два верхнихъ корридора сходились подъ угломъ Обогнувъ уголъ, начальница чуть не споткнулась о лежавшее у первой двери тѣло. Отступивъ на шагъ, она ногой толкнула тѣло въ бокъ. Тѣло зашевелилось и быстро вскочило, протирая глаза.

— Спишь на посту?

Дежурная по корридору испуганно молчала.

— Мало спать днемъ, нужно и на службѣ?

— Виновата, ваше сіятельство!

— Утромъ, послѣ смѣны, дождись меня въ конторѣ.

Это означало — разсчетъ. Начальница была неумолима, всѣ это знали. Задремать на табуретѣ — дежурство не въ очередь и лишеніе свободнаго дня; уснуть на посту — потеря мѣста. Оправдываться безполезно.

Весь краткій разговоръ въ полголоса; срокъ его — полминуты. Не обернувшись, начальница идетъ дальше, за ней, какъ тѣнь, старшая дежурная. У камеры номеръ восемь — новая остановка. Въ глазокъ видно, что спятъ всѣ, кромѣ одной каторжанки, которая, лежа на койкѣ, пишетъ, подложивъ книгу подъ узкій и длинный листокъ бумаги.

Это, конечно, непорядокъ; но начальница не любитъ раздражать политическихъ выговорами. Она знаетъ ихъ

всѣхъ, не только по фамиліямъ, но и по именамъ. Та, что пишетъ, безсрочная и уже третій годъ отбываетъ наказаніе. Въ камерѣ она за старосту, хотя ей только двадцать три года; но онѣ всѣ безобразно молоды. У нея прекрасные волосы и ясные глаза, которые она никогда не опускаетъ передъ тюремнымъ начальствомъ. Вотъ она подняла ихъ и смотритъ на дверь: замѣтила, что глазокъ открытъ; смотритъ, не дѣлая попытки спрятать записку или притвориться спящей. Если ее окликнуть, она точно также не перемѣнитъ позы и не опуститъ глазъ. Къ такимъ, какъ эта, начальница чувствуетъ невольное уваженіе и, пожалуй, нѣкоторый страхъ. Онѣ непонятны и непостижимы. Молодая и красивая дѣвушка, избравшая своимъ удѣломъ вѣчную каторгу и не поддавшаяся отчаянію и не утратившая силы и увѣренности! Она что-то знаетъ, что невѣдомо другимъ. Она не вѣритъ, что эти стѣны — ея могила. Можетъ быть она права!

Опустивъ заслонку, начальница идетъ обратно, не взглянувъ на провинившуюся дежурную по корридору. Вернувшись въ контору, она сама запираетъ за собой дверь внутренней тюрьмы, вынимаетъ и уноситъ съ собой ключъ. Въ конторѣ — другая дежурная, которая всю ночь должна сидѣть у стола передъ телефономъ. Въ боковой комнатѣ спитъ привратникъ; ему спать разрѣшается, и ночью ключъ отъ выхода изъ конторы на улицу остается у дежурной по конторѣ или просто въ дверяхъ. Безъ вѣдома начальницы ночью нѣтъ сообщенія между тюрьмой и конторой; если что-нибудь случилось, — начальницу вызываютъ по телефону или посылаютъ за ней привратника. Она живетъ рядомъ, въ большомъ домѣ, примыкающемъ къ тюрьмѣ.

Кивнувъ дежурной, она выходитъ на слабо освѣщенную фонарями улицу.

ВѢЧНОСТЬ

Уже третій годъ въ тюрьмахъ! Три года, а впереди они обѣщали вѣчность. Они слишкомъ щедры — повѣрить въ вѣчность невозможно!

Дни такъ однообразны, что счетъ ихъ путается. На стѣнѣ камеры карандашемъ расчерчены квадраты съ цифрами — дни, недѣли и мѣсяцы. Каждый вечеръ передъ сномъ Наташа зачеркиваетъ цыфру въ заготовленномъ на мѣсяцъ впередъ календарѣ. Это не имѣло бы смысла, если бы она и другія вѣрили въ вѣчность; но онѣ не вѣрятъ, на то онѣ и молоды.

Въ семь утра, послѣ провѣрки, приносятъ большіе чайники съ кипяткомъ. Хлѣбъ долженъ оставаться съ вечера, свѣжій дадутъ только въ обѣдъ. Въ большой мѣдный чайникъ кладутъ двѣ плитки кирпичнаго чаю, и бурая жидкость разливается по такимъ же мѣднымъ кружкамъ. Въ три часа въ дверное оконце подается корзина нарѣзаннаго хлѣба, а затѣмъ приносятъ обѣдъ: знаменитые тюремные щи, въ которыхъ сѣрая капуста пахнетъ пареннымъ бѣльемъ; въ щахъ листы и нити вывареннаго мяса, отдѣльно — гречневая или полбенная каша. По воскресеньямъ бываетъ третье — кусокъ арбуза, яблоко, зимой — печеная рѣпа или брюква. Это вкусно! Въ большіе праздники и по царскимъ днямъ — кусокъ бѣлаго вѣсового хлѣба. Вечеромъ опять чай съ кускомъ чернаго хлѣба, но отъ этой порціи нужно экономить на утро.

Для молодыхъ — голодно; но тюрьма — не санаторій, тюрьма — тюрьма! Не работая, заключенные питаются за счетъ государства, которое они хотѣли разрушить своими бреднями и своими преступными дѣйствія-

ми. Они должны быть довольны, что имъ пощадили жизнь.

Иногда доставляютъ посылки съ воли; обычно — сладкое, но въ количествѣ умѣренномъ, на одного. Сладкимъ дѣлятся со всѣми, и ужъ конечно не забываютъ дѣтей женщины, убившей мужа, которая сидитъ вмѣстѣ съ политическими. Ее зовутъ Марья Петровна; она богомольна, тиха и испугана; пожалуй, что вотъ эта въ вѣчность вѣритъ. Трудно представить себѣ, что она могла убить человѣка, да еще отца своихъ дѣтей, и однако она убила. Къ ней относятся участливо, ей отвели въ камерѣ уголъ получше, съ нею всегда говорятъ ласково и какъ бы почтительно. Но ея жизнь — особая, если можно говорить о жизни въ домѣ мертвыхъ.

Наташа — за старосту, безсмѣнно, или, какъ она говоритъ, пожизненно. Это значитъ, что она обязалась слѣдить за порядкомъ въ камерѣ, предсѣдательствовать на совѣщаніяхъ, принимать и раздавать хлѣбъ, объясняться съ начальницей, записывать больныхъ и распредѣлять работы по камерѣ: кому подметать, кому мыть полъ, кого освободить по слабости и болѣзни. Въ ея вѣдѣніи календарь и выписка книгъ изъ тюремной библіотеки.

Естественно, что на этотъ высокій постъ выбрали ее: пройдетъ восемь, десять, пятнадцать лѣтъ, и сроки большинства окончатся; только она и еще одна дѣвушка должны пробыть въ тюрьмѣ вѣчность. Трудно найти болѣе смѣшное слово! Но стѣнной календарь растетъ, и уже почти тысяча дней зачеркнута карандашемъ; въ сравненіи съ вѣчностью, все же, пустякъ!

За предѣлами тюрьмы люди думаютъ, что въ ея стѣнахъ жизнь только теплится. Они не знаютъ, что именно здѣсь вырастаютъ и распускаются лучшіе цвѣты фантазіи и закаляется воля къ свободѣ и полнотѣ бытія.

Вѣдь только толща стѣны въ три кирпича отдѣляетъ выдуманную вѣчность отъ прелести временнаго. Приналечь плечомъ, пробить эту стѣну, — и расчистится путь къ обоимъ полюсамъ и экватору. Только три кирпича — какой пустякъ! Развѣ можно связать живую душу!

Въ оконную форточку проникаетъ воздухъ улицы. Съ воли залетаетъ муха и заползаетъ крыса. Черезъ стекло можетъ скользнуть на стѣнку свѣтовой зайчикъ отъ кѣмъ нибудь наведеннаго зеркала. Никто не въ силахъ пресѣчь чудесное общенье живыхъ и мертвыхъ, тайную летучую почту, о которой знаетъ начальница, знаетъ каждая надзирательница, знаютъ всѣ. Пусть вспарываютъ швы тюремнаго бѣлья, ломаютъ хлѣбъ въ мелкія крошки, слѣдятъ за каждой подчеркнутой буквой въ книгѣ, отбираютъ бумагу и карандаши. Пусть обыскиваютъ тюремную прислугу и всѣхъ уголовныхъ, выпускаемыхъ на волю, и пусть даютъ свиданія съ родными только черезъ двѣ рѣшетки и въ присутствіи надзирательницъ, — это рѣшительно ничего не измѣнитъ. Вниманіе тюремщиковъ утомляется, — геній арестантовъ неутомимъ. Строжайшая начальница можетъ не подозрѣвать, что въ складкахъ собственнаго платья она унесла записку или принесла отвѣтъ, или что въ прическѣ заслуженной и грубой старшей надзирательницы, которая вѣчно на всѣхъ доноситъ, скрытъ цѣлый почтовый ящикъ, или что въ высокомъ домѣ, удаленномъ отъ тюрьмы, отъ котораго видна только крыша, въ чердачномъ окнѣ невидимая рука въ ночной часъ водитъ пламенемъ свѣчки справа на лѣво и вверхъ и внизъ. Еще не выстроена и не изобрѣтена та тюрьма, а ужъ на что мудры люди въ жестокости! — черезъ стѣны которой не проникала бы воля! Духъ свѣтлый и свободный находчивѣе духа тьмы; въ этомъ его единственное утѣшенье.

Въ камерѣ номеръ восемь меньше всего думаютъ о вѣчности. Въ ней живутъ интересами ближней недѣли или, во всякомъ случаѣ, недалекаго будущаго. У Нади Протасьевой есть на волѣ женихъ, который кончаетъ университетъ; они переписываются, при чемъ письма читаетъ прокуроръ и ставитъ на поляхъ разрѣшительную помѣтку; они не стѣсняются прокурора, потому что глубоко его презираютъ и не считаютъ за человѣка, хотя никогда его не видали и не знали, — но вѣдь порядочные люди не читаютъ чужихъ писемъ! Кромѣ этихъ «казенныхъ» писемъ летаютъ изъ тюрьмы на волю записочки, въ которыхъ больше словъ любви, чѣмъ вопросовъ о здоровьѣ. Срокъ Нади — десять лѣтъ, затѣмъ, послѣ каторги, поселенье.

Неужели женихъ будетъ ждать ее? Вѣдь въ любви десять лѣтъ — вѣчность!

Но въ томъ и дѣло, что они не вѣрятъ ни въ вѣчность, ни въ десять лѣтъ!

Они живутъ сегодня и думаютъ о завтра!

Курсистка Вѣра Уланова выписала учебники и занимается высшей математикой, чтобы «не потерять времени». Ей сидѣть восемь лѣтъ, а затѣмъ тоже — поселеніе въ Сибири; но такъ какъ она въ это не вѣритъ, то не хотѣла бы отстать отъ сверстницъ по курсамъ. Двѣ «вѣчныхъ», Маруся Донецкая, сообщница убійства военнаго прокурора, и Наташа изучаютъ итальянскій языкъ, который, конечно, даже въ вѣчности не станетъ языкомъ ихъ тюрьмы; онѣ изучаютъ его не для того, чтобы читать Данте и Леопарди въ подлинникѣ (хотя мечтаютъ и объ этомъ), а потому, что пріятно говорить на такомъ красивомъ языкѣ, если придется быть въ Италіи.

Какъ могутъ онѣ надѣяться изъ стѣнъ своей вѣчной тюрьмы попасть на Палатинскій холмъ, или въ Неаполь, или въ каштановые лѣса Тосканы?

Но это такъ просто — вѣдь онѣ не вѣрятъ въ вѣчность, для этого онѣ слишкомъ молоды! Что то случится, какъ случилось въ девятьсотъ пятомъ году, — двери камеръ распахнутся, и онѣ будутъ свободны. Если бы онѣ могли думать иначе — жизнь перестала бы быть возможной.

Страшна не вѣчность, — страшна напрасная потеря еще года, еще нѣсколькихъ лѣтъ, пока тамъ, на волѣ, свершается. И уже одной этой жалости къ днямъ и недѣлямъ — достаточно для страданія. И онѣ страдаютъ, спасая себя только надеждой, что вотъ еще немного, еще недѣля и мѣсяцъ, пусть даже годъ, — и придетъ то, что прійти должно, если на небѣ дѣйствительно есть солнце и зима подлинно смѣняется весной! Ради непремѣнной и неизбѣжной радости — можно и потерпѣть, — тѣмъ слаще будетъ свобода!

И только одна женщина въ камерѣ номеръ восемь знаетъ, что вѣчность есть и что жизнь окончена; но у нея двое маленькихъ дѣтей, которыя скоро подростутъ. Ея жизнь кончена, ихъ жизнь только началась — и началась страшно. Она гладитъ ихъ по головкамъ, укладываетъ спать, и знаетъ, что завтра они станутъ на день старше, а она еще на день приблизится къ вѣчности. Уложивъ дѣтей, она тупыми и непонимающими глазами смотритъ на своихъ товарокъ по заключенію, о чемъ то спорящихъ, чего то ожидающихъ, и по своему счастливыхъ.

СИРОТА ПРИСТРОЕНА

Отцу Якову повезло и всему причиной оказалась баночка вишневаго варенья, которую онъ занесъ въ контору тюрьмы.

Перешагивая порогъ конторы, онъ подобралъ рясу,

какъ бы во свидѣтельство того, что онъ тутъ, собственно, не при чемъ и даже прикасаться ко стѣнамъ тюрьмы не хотѣлъ бы, но по сану своему вынужденъ бывать вездѣ. У привратника спросилъ:

— А что, нынѣшній день посылочку заключенной передать можно?

Привратникъ поклонился ему очень вѣжливо, но твердо сказалъ:

— Нынче, батюшка, день не пріемный, надо бы вамъ прійти въ четвергъ, либо въ воскресенье.

— Такъ. Дѣло плохое, въ воскресный день мнѣ менѣе доступно. Имѣю порученіе отъ страждущаго отца передать его дочери малую баночку варенья. И въ четвергъ не знаю удосужусь ли, какъ лицо занятое.

— Какъ изволите. Можетъ попросите саму начальницу, она здѣсь, въ конторѣ.

Достойно погладивъ бороду, отецъ Яковъ сказалъ:

— Ея сіятельство имѣю честь знать лично, но можно ли обезпокоить?

— Конечнó, онѣ заняты, а все же пройти можно. И духовное лицо, и ежели еще лично извѣстны.

Отца Якова провели къ начальницѣ. Она сидѣла за столомъ передъ конторскими книгами, счетами и бумажками. Рядомъ стояла дежурная по конторѣ надзирательница, а другая, заплаканная, столкнулась съ отцомъ Яковомъ при выходѣ. Отвѣсивъ приличествующій поклонъ, отецъ Яковъ скромно и степенно приблизился:

— Осмѣлился побезпокоить малымъ дѣломъ по порученію страждущаго родителя. Если изволите припомнить, имѣлъ честь встрѣтиться у ея свѣтлости достойнѣйшей тюремной патронессы.

Начальница приняла довольно привѣтливо и даже узнала.

— А какое же у васъ дѣло, батюшка?

— Дѣло малое. Будучи въ Рязани, навѣстилъ тамошняго почтеннаго и уважаемаго старожила и врача Калымова, Сергѣя Павловича, сраженнаго горемъ по случаю дочери. А дочь его заключена въ семъ мѣстѣ. Ну, и принялъ порученіе передать скляночку варенья. Не зналъ, что полагается въ четвергъ, либо въ воскресенье, и занесъ въ день неурочный.

Къ удовольствію отца Якова посылочку приняли. Начальница пошутила:

— Тутъ, батюшка, въ вареньѣ никакихъ записокъ нѣтъ?

— Знать того не могу, бралъ безъ ручательства, однако мысли не допускаю. Отецъ о дитятѣ истинно страдаетъ, какъ то и естественно при возрастѣ и положеніи. А ужъ провѣрить извольте сами.

Начальница пожаловалась на непріятности. И за преступниками смотри, и хозяйство большое, и хлопоты съ тюремнымъ персоналомъ. Вотъ сейчасъ должна была разсчитать надзирательницу за крайнюю небрежность. Какой народъ пошелъ! Ни на кого нельзя положиться.

Отецъ Яковъ поддакнулъ:

— Хлопотно, хлопотно. Нынче нравы не на высотѣ.

— Эта на дежурствѣ заснула, а наймешь другую — опять что нибудь. Пожилыя устаютъ, а на молодыхъ нельзя надѣяться. Работа трудная, и на небольшое жалованье идутъ неохотно. Гдѣ взять?

Отецъ Яковъ вспомнилъ, что обѣщалъ найти мѣсто для Анюты, дочери покойнаго друга-книжника. Не выпалъ ли случай?

— Скромную особу, однако весьма молодую, могъ бы прирекомендовать. При томъ — круглая сирота и въ большой нуждѣ.

— Пріютская? Боюсь я этихъ пріютскихъ.

— Нѣтъ, дочь честнаго торговца, а самъ недавно

скончался, и жизни былъ безпорочной, хорошій былъ человѣкъ.

— А что-жъ, батюшка, пришлите ее, можетъ быть подойдетъ. Вы хорошо ее знаете?

— Зналъ дитятей; нынѣ ей двадцать лѣтъ, грамотна и работяща, а по полной бѣдности живетъ изъ милости у сосѣдки.

Вышло случайно и хорошо. Отецъ Яковъ покинулъ тюрьму въ прекрасномъ настроеніи духа и въ тотъ же день побывалъ на Первой Мѣщанской. Тамъ поохали, хорошо ли молодой дѣвушкѣ поступать въ тюремщицы, но отецъ Яковъ завѣрилъ, что всякій честный трудъ почтененъ, и все зависитъ отъ усердія въ работѣ. Сама Анюта даже обрадовалась: въ тюрьмахъ сидятъ люди особенные, убійцы, разбойники, несчастные! У каждаго въ жизни столько удивительныхъ исторій! И жутко и интересно. И ужъ конечно лучше, чѣмъ стирать бѣлье или стряпать в чужомъ домѣ.

Было рѣшено, что завтра же Катерина Тимофеевна лично сведетъ Анюту въ контору тюрьмы къ начальницѣ. Отецъ Яковъ далъ записочку и на конвертѣ особокрупно вывелъ слова: «Ея Сіятельству». И хотя были у него сегодня малыя дѣла, согласился остаться пообѣдать. Пріятно оказать помощь хорошимъ людямъ — и пріятно, когда цѣнятъ услугу и оказавшаго ее человѣка.

. . . .

И вотъ Анюта въ первый разъ на дежурствѣ. Она въ сѣромъ форменномъ платьѣ и въ бѣлой головной косынкѣ, — сразу стала старше и почтеннѣе. Всѣ серьезны, и она серьезна. Въ старшей надзирательницѣ она чувствуетъ власть, а въ присутствіи высокой, сухой, надменной начальницы сердце Анюты замираетъ. Съ перваго дня попала въ ночныя; придется такъ поработать не-

дѣлю, потомъ недѣля дневного дежурства, потомъ опять по ночамъ. Работа простая и не очень трудная, но нужно помнить и строго исполнять тюремныя правила: съ заключенными никакихъ лишнихъ разговоровъ, никакихъ записокъ не принимать и не передавать, ничего въ тюрьму не переносить, не позволять подходить къ окнамъ, и о всякомъ непорядкѣ или непослушанiи докладывать старшей, а та — начальницѣ. При смѣнѣ дежурныхъ иногда бываетъ легкiй обыскъ: старшая проводитъ ладонями по платью, не спрятано ли что нибудь запрещенное; это только для формы, а настоящiй обыскъ дѣлаютъ при начальницѣ, всегда неожиданно, — и тогда дежурныхъ раздѣваютъ до рубашки. Все это не столько обидно, сколько таинственно и необыкновенно.

Въ первую смѣну старшая пробыла съ Анютой цѣлый часъ на дежурствѣ, показала, какъ глядѣть въ глазокъ и какъ открывать дверную форточку. Дверь камеры безъ особой надобности не отпирать, ключь держать на поясѣ. Разсказала, что дѣлать при случаѣ тревоги, и объяснила, что вотъ это все — камеры уголовныхъ, а въ восьмомъ номерѣ — политическiя, — хоть и не ясно было Анютѣ, въ чемъ различiе.

— Ихъ особо держатъ?

— Особо, въ своихъ платьяхъ.

Затѣмъ старшая ушла внизъ, а Анюта осталась. Прошла по корридору, тихонько и еще неумѣло отодвигая заслонки дверного стеклышка. Всѣ спятъ. Странно подсматривать, какъ спитъ чужой человѣкъ! Есть одиночки, другiя по нѣскольку въ камерѣ, на койкахъ, придѣланныхъ къ стѣнѣ, и на нарахъ. Худые соломенные тюфяки, тощiя сѣрыя подушки, а закрыты кто одѣяломъ, кто арестантскимъ халатомъ. Съ особымъ любопытствомъ заглянула въ камеру номеръ восемь. Тамъ было больше порядка, бѣлье почище, а на столѣ книж-

ки. Но тѣ же, какъ и у всѣхъ спящихъ, сѣрыя и невыразительныя лица.

Не страшно въ тюрьмѣ. А что дѣлать цѣлую ночь? Нужно будетъ спросить, можно ли брать на дежурство книжку и читать подъ корридорной лампочкой. Работа здѣсь, какъ всякая другая, вродѣ какъ больничной сидѣлькой, только вѣрно очень скучная.

Среди ночи заслышала шорохъ въ концѣ корридора и вскочила съ табурета — не начальница ли? Но это пришла сосѣдка по дежурству изъ другого отдѣленья.

— Привыкаешь?

— Привыкаю.

— Спать то хочется?

— Нѣтъ, спать не хочу. А скучно тутъ у васъ?

— Еще бы не скучно. У насъ — ровно въ могилѣ! А ты совсѣмъ молоденькая! Ты какъ же къ намъ опредѣлилась?

Полночи шопотомъ проговорили, стоя на поворотѣ изъ корридора въ корридоръ, такъ, чтобы видѣть каждой свое отдѣленіе, а главное — успѣть разойтись, если покажется старшая или начальница. Анюта разсказала про себя — та про свои дѣла. Сосѣдка по дежурству была постарше и поопытнѣе, служила уже второе полугодіе. И отъ нея Анюта узнала не только всѣ тонкости тюремныхъ правилъ, но и о томъ, какъ эти строгости обходить, съ кѣмъ дружить, кого опасаться. Узнала и разныя исторіи про арестантокъ, — которая убила двоихъ, а которая сидитъ можетъ быть и понапрасному; есть тутъ изъ богатыхъ семействъ, а по большей части изъ гулящихъ. А когда Анюта спросила про политическихъ, новая пріятельница отвѣтила уклончиво:

— Кто ихъ знаетъ! Кто говоритъ, что шли противъ царя, а кто, что будто сидятъ за правду.

— Какъ же это — за правду?

— А такъ, что были за народъ, за бѣдныхъ. И всѣ молодыя, вотъ какъ мы съ тобой. Только ты съ ними много не разговаривай. Узнаютъ — прогонятъ.

Тяжелѣе всего были послѣдніе часы дежурства. А когда, послѣ смѣны, Анюта шла домой, — Москва только что просыпалась. Дома и разсказать ничего не могла, — заснула, какъ мертвая, и спала до полудня.

ПОДРУГИ

Новая надзирательница — событіе не малое!

Это только кажется, что бытъ тюрьмы однообразенъ и не зависитъ отъ того, кто дежуритъ за дверью камеры, кто слѣдитъ, какъ прислуживающій уголовный арестантъ разноситъ обѣдъ и кипятокъ, и кто смотритъ въ дверной глазокъ. Здѣсь дорого каждое слово и оцѣнивается каждый жестъ. Невидимыми нитями тюрьма связана съ волей, и эта связь налаживается годами, а разрушается въ одинъ день. Чѣмъ устойчивѣе бытъ, тѣмъ лучше проростаютъ въ немъ зерна скрытыхъ, съ виду невинныхъ отношеній, тѣмъ меньше оглядки, тѣмъ проще обходы разныхъ утомительныхъ и связывающихъ правилъ, тѣмъ полнѣе и любопытнѣе внутренняя жизнь тюрьмы.

— Вамъ придется заняться новенькой, Наташа!

— Я займусь. Кажется она — ничего. Совсѣмъ молоденькая, только еще очень пуглива. Вчера я ее спросила, зачѣмъ она пошла служить тюремщицей, — и она смутилась, что то пробормотала и захлопнула форточку. Кажется — хорошая дѣвушка.

Послѣ обѣда разносятъ по камерамъ книги изъ маленькой тюремной библіотеки. Большинство уголовныхъ неграмотны или непривычны къ чтенію. Главный потре-

битель книгъ — камера номеръ восемь. Впрочемъ библіотека такъ скудна и ничтожна, что все давно перечитано и читается теперь по второму разу. Книги надзирательница подаетъ черезъ дверное оконце.

— Спасибо! А вы сами читаете?

Посторонніе разговоры воспрещены, но Анюта отвѣчаетъ:

— Читаю.

— Какъ васъ зовутъ?

— Меня? Анной.

— А ваша мать какъ васъ зоветъ?

Дѣвушка наклоняетъ лицо къ оконцу, встрѣчаетъ голубые глаза арестантки и отвѣчаетъ:

— У меня матери нѣтъ.

— А отецъ?

— Отецъ померъ недавно.

— Значитъ вы сирота, Анюта? Вѣрно трудно вамъ жилось, что пошли сюда?

Посторонніе вопросы воспрещены, но какъ не отвѣтить на простой и ласковый вопросъ?

Послѣобѣденный часъ тихій; арестантки спятъ, обходовъ не бываетъ. Разговаривать черезъ оконце неудобно, приходится низко наклоняться. Голубоглазая арестантка садится на корточки; надзирательница, оглядѣвшись, устраивается за дверью такъ-же. Она могла бы открыть дверь и войти, но это разрѣшается только въ часъ уборки камеры и по рѣдкой надобности. Ей самой хочется поговорить и разспросить, за что сидятъ въ тюрьмѣ такія молодыя, учтивыя и, вѣроятно, образованныя барышни.

— А вы, барышня, давно сидите?

— Третій годъ.

— Вонъ какъ давно! И еще долго осталось?

— Меня, Анюта, присудили къ вѣчной каторгѣ.

— Да что вы! По политикѣ?

— Да.

— Поди по дому скучаете?

— Я по деревнѣ скучаю, особенно вотъ сейчасъ, весной.

Наташа разсказываетъ о деревнѣ Федоровкѣ, о катаньѣ на лодкѣ, о томъ, какъ тамъ, въ деревнѣ, чудесно весной и раннимъ лѣтомъ, да и осенью, тамъ всегда хорошо, не то что въ городахъ. Воздухъ легкій и все цвѣтетъ! А тутъ, въ тюрьмѣ, даже нѣтъ и окна раскрытаго — рѣшетка! И вотъ такъ придется, можетъ быть, просидѣть до старости и смерти.

— Вамъ тоже, Анюта, не хорошо тутъ быть! Вамъ бы выйти замужъ и бросить службу.

Долго шептаться нельзя — могутъ замѣтить. Заслышавъ шаги, Анюта тихо прикрываетъ дверцу и подымается. Хорошо, что поговорила — очень ужъ сиротливо въ полутемномъ корридорѣ между рядами молчаливыхъ дверей. Съ уголовными не поговоришь, онѣ грубы, да и не о чемъ. А эти такія ласковыя.

Миновала недѣля — и опять ночныя дежурства. Служба не такъ страшна, какъ раньше казалось. Понемногу стали привычны всѣ порядки и всѣ шорохи тюрьмы. Ея законы слишкомъ строги, чтобы быть исполнимыми. Они нарушаются сегодня въ мелочахъ, завтра въ болѣе серьезномъ, — и нарушаются всѣми служащими, даже самыми аккуратными и осторожными; да и не могутъ не нарушаться. Время отъ времени тюрьма подтягивается, затѣмъ снова возвращается бытъ, въ которомъ и арестантъ и надзиратель — подъ однимъ замкомъ и въ одной неволѣ.

На ночномъ дежурствѣ, долгомъ и томительномъ, хорошо отвести душу тихимъ разговоромъ. Это только тѣмъ, которыя дремлютъ, страшенъ внезапный обходъ

начальницы; ухо бодрствующихъ ловитъ каждый приближающійся шорохъ. А какъ много занятнаго могутъ разсказать молодыя арестантки изъ восьмого номера! Онѣ все видѣли, все читали и все знаютъ. И сидятъ онѣ не за злодѣйства, какъ другія, а за то, что хотятъ, чтобы въ мірѣ была правда и всѣмъ одинаково хорошо жилось. За это они шли на смерть и за это осуждены загубить свою молодость въ каменныхъ стѣнахъ. Такъ онѣ сами говорятъ, и не повѣрить имъ невозможно.

Теперь служба уже не была тягостью для Анюты. Были полны интереса часы бесѣдъ, она знала по именамъ всѣхъ, сидѣвшихъ въ восьмомъ номерѣ, а ближе всѣхъ сошлась съ Наташей. Сначала звала ее барышней, потомъ узнала имя: Наталья Сергѣевна; но та сама попросила: «зовите меня просто Наташей». И Анюта повѣряла ей свои думы и заботы, разсказала свою жизнь, совѣтовалась съ ней по своимъ дѣвичьимъ дѣламъ, а больше всего старалась выспросить у нея все, что отъ другихъ не услышишь: для чего люди живутъ на свѣтѣ, почему однимъ хорошо, а другимъ плохо, какъ устроить, чтобы всѣмъ было хорошо. Отъ нея узнала, что есть такіе люди, которые бросаютъ свою семью, отказываются отъ легкой и обезпеченной жизни и идутъ бороться за правду и за лучшее будущее рабочаго народа. Ихъ, конечно, хватаютъ, садятъ въ тюрьмы, казнятъ, но на смѣну имъ приходятъ другіе, продолжаютъ ихъ дѣло, учатъ народъ защищать свои права, дѣйствовать сообща, — и такъ будетъ, пока эти люди не побѣдятъ и не устроятъ жизнь по новому, для всѣхъ счастливо и справедливо.

Все это не очень понятно, но очень таинственно и красиво. Другому кому Анюта, пожалуй, и не повѣрила бы, но тутъ передъ ней сами страдалицы за правду, молодыя, вѣжливыя, привѣтливыя, даже веселыя, несмотря

на всѣ лишенія. Ихъ заперли подъ замокъ, а онѣ попрежнему вѣрятъ, что долго такое положеніе не продержится и что скоро придетъ революція и народъ ихъ освободитъ, какъ было въ Москвѣ въ девятьсотъ пятомъ году. Только на этотъ разъ будетъ побѣда полная, и народъ своей побѣды назадъ не отдастъ.

Слова новыя, незнакомыя и раньше неслыханныя. Было что то такое же въ читанныхъ Анютой романахъ про благородныхъ разбойниковъ, — но тамъ была явная выдумка, а тутъ сама жизнь. И таинственнаго и загадочнаго тутъ, пожалуй, не меньше. И если бы дѣвушки изъ восьмого номера не сидѣли за рѣшеткой, а были на волѣ, — онѣ показали бы Анютѣ, какъ живутъ и дѣйствуютъ борцы за свободу, и сама Анюта могла бы дѣлить съ ними жизнь, какъ равная и какъ ихъ подруга, — а не несчастная тюремщица, обязанная держать ихъ подъ замкомъ и доносить на нихъ старшей и начальницѣ. Только ужъ она доносить, конечно, не станетъ!

Какъ то, разговаривая съ Наташей, Анюта сказала:

— Ужъ такъ мнѣ васъ всѣхъ жалко, такъ жалко, что я бы для васъ все сдѣлала! Хотите — буду передавать записки и принесу вамъ съ воли все, что попросите?

— Спасибо, Анюта. Потомъ можетъ быть, а сейчасъ я васъ объ одномъ попрошу: будьте осторожны, ни съ кѣмъ про насъ не говорите, а себя ведите такъ, какъ будто вы къ намъ — строже всѣхъ. А вотъ когда совсѣмъ въ тюрьмѣ обживетесь, вы намъ многое можете сдѣлать. Нужно только, чтобы вы у начальства были на самомъ хорошемъ счету и чтобы вамъ довѣряли.

— Мнѣ и сейчасъ довѣряютъ. Я со всѣми служащими хороша, ни съ какой не ссорилась. Онѣ другъ дружку подозрѣваютъ, а мнѣ всѣ вѣрятъ, потому что я ни на кого не наговариваю и не жалуюсь.

— Вотъ и хорошо.

— И начальница довольна. Я ей относила вечеромъ ключъ, и она мнѣ сказала: «будешь служить аккуратно, выйдешь въ старшія, даромъ, что молода».

— Вы ей носите ключъ?

— Послѣ смѣны, когда моя очередь.

— Ну вотъ и отлично, Анюта. А придетъ время — я васъ сама о чемъ нибудь попрошу.

— Я все сдѣлаю, я не боюсь.

Совсѣмъ шопотомъ прибавила:

— Я все думаю: вотъ возьму, да и выпущу васъ всѣхъ изъ тюрьмы, ей Богу! И сама уйду съ вами!

Такъ же шопотомъ Наташа отвѣтила:

— Это просто не дѣлается, Анюта. Выпустите — а насъ всѣхъ опять переловятъ, и васъ тоже. И будетъ ёще хуже прежняго. О такихъ вещахъ нужно много думать, а говорить сейчасъ не нужно.

Онѣ разговаривали, по обыкновенію, сидя на корточкахъ передъ двернымъ оконцемъ, чтобы не устать и чтобы лица были ближе. Просунувъ голову въ оконце, Наташа шепнула:

— Дайте я поцѣлую васъ, Анюта. Спасибо вамъ. Потомъ мы съ вами еще много поговоримъ. Вѣдь мы подруги, правда?

Анюта просіяла радостью:

— Правда. Вы мнѣ все равно, что родная сестра.

— Ну вотъ. Я тоже васъ сразу полюбила, и всѣ наши васъ любятъ. Вотъ увидите, Анюта, что мы что нибудь съ вами придумаемъ. А пока — будьте очень осторожны! Что бы ни-ни! Будто бы вы — нашъ врагъ! Понимаете, Анюта?

ТЮРЕМНЫЯ ЗАБАВЫ

По вечерамъ камера номеръ восемь забавляется новой игрой: на одну изъ каторжанокъ, которая повыше и посильнѣе другихъ, набрасываются по-двое или по-трое и стараются быстро и ловко повалить ее на полъ и связать длинными полосами, сдѣланными изъ простыни. Та, на которую набросились, — часто это бываетъ рослая и сильная Наташа, — должна отбиваться, но, конечно, не должна кричать; предполагается, что ея ротъ заткнутъ платкомъ. Связавъ, ее укладываютъ къ стѣнѣ и смотрятъ, можетъ ли она освободиться.

— Ну конечно, — могу! Вы, Маруся, опять не перекрутили узла! Вотъ я дѣлаю руками такъ и такъ... подождите... вотъ еще такъ, — и теперь эта рука можетъ легко выпутаться. Не сразу, а все таки можно.

— Я не хотѣла дѣлать вамъ больно.

— Вотъ глупости! И совсѣмъ не больно. Нужно же научиться.

Игра повторяется, теперь уже на новой жертвѣ. На нее накидываются съ двухъ сторонъ, хватаютъ за локти, выкручиваютъ руки назадъ, быстро связываютъ мертнымъ узломъ. Она отбивается босыми ногами (чтобы не ударить больно), но ей связываютъ ноги и у щиколотки и выше колѣнъ. Пока трое работаютъ, остальныя критически обсуждаютъ быстроту и ловкость ихъ дѣйствія.

— Все таки долго, почти шесть минутъ! Нужно въ три минуты, не дольше!

— Надя очень сильная, ее трудно. И очень отбивалась.

— Такъ и слѣдуетъ! А вы думаете, что кто-нибудь

не станетъ отбиваться? И можетъ быть гораздо сильнѣе!

— Особенно — мужчина!

Снаружи легкій стукъ въ дверь. Связанной быстро помогаютъ лечь на койку, прикрываютъ ее одѣяломъ, и всѣ разбѣгаются по своимъ мѣстамъ. Камера спитъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверное оконце открывается, и голосъ Анюты спокойно говоритъ:

— Ничего! Внизу дверью хлопнули, я думала — старшая идетъ. Ужъ очень вы шумѣли!

Дверца захлопывается, и игра продолжается.

— Знаете, Надя Протасьева, вы такъ больно меня ударили, что я чуть не закричала. Будетъ на рукѣ синякъ!

— А вы держитесь сбоку, чтобы нельзя было задѣть васъ ногой.

— Нужно повалить ничкомъ, тогда не опасно!

— Если дать подножку...

Вопросъ о подножкѣ горячо обсуждается. Большинство высказывается положительно.

— Я думаю, — говоритъ Наташа, — что слѣдуетъ сначала набросить на голову наволочку. Тогда и отбиваться труднѣе, да и не видно, кто связываетъ.

Наволочка принята.

— Ну, теперь спать! Не забудьте о гимнастикѣ.

Двѣ дѣвушки неизмѣнно выступающія въ роли нападающихъ, такъ какъ онѣ физически сильнѣе, отъ гимнастики освобождаются: и безъ того очень устали. Но завтра утромъ — непремѣнно.

Гимнастика — общее увлеченье. И вообще полезна, и можетъ всегда пригодиться въ жизни. Староста камеры, Наташа Калымова, строго слѣдитъ за точнымъ выполненіемъ всѣхъ номеровъ: перегибаніе корпуса, круговыя движенія, присѣданіе, — все по командѣ, хотя мѣ-

ста въ камерѣ очень мало. И утромъ, и вечеромъ! Двѣ недѣли опыта показали, что и мускулы укрѣпляются и развивается ловкость. Даже самая слабая изъ заключенныхъ, восемнадцатилѣтняя Елена, только въ этомъ году осужденная на каторгу, больная легочнымъ процессомъ, теперь продѣлываетъ всѣ нужныя движенія шведской гимнастики и увѣряетъ, что чувствуетъ себя гораздо лучше и что по вечерамъ у нея не такъ повышается температура; она дѣлаетъ гимнастику только разъ въ день, утромъ. Одно плохо — у всѣхъ улучшился аппетитъ, а это въ тюрьмѣ очень невыгодно.

Всѣ укладываются и, утомленныя, скоро засыпаютъ. Не спитъ только «комитетъ», состоящій изъ двухъ «вѣчныхъ», Наташи и Маруси, и изъ чахоточной Елены, которой по ночамъ всегда плохо спится. Ихъ койки рядомъ, и онѣ шепчутся до полуночи. Если на дежурствѣ новая надзирательница, — онѣ подползаютъ къ окошечку и шепчутся также и съ ней: что то обсуждаютъ, о чемъ то шепотомъ спорятъ, такъ, чтобы другія не слышали. Комитету поручены всѣ дѣла, и онъ полномоченъ выносить рѣшенія по спеціальному дѣлу безъ общихъ собраній.

Елена — секретарь. Она умѣетъ писать мельчайшимъ почеркомъ и хранить въ памяти шифръ. Ея записочки, свернутыя въ плотную трубку, можно легко спрятать во рту за щекой, а при опасности — проглотить. Отвѣтныя записки съ воли читаетъ только «комитетъ»; затѣмъ записки рвутся на мельчайшія кусочки и исчезаютъ въ «парашѣ».

На койкѣ, ближней къ окну, спитъ съ двумя дѣтьми уголовная Марья Петровна, безотвѣтная и ко всему равнодушная. Ея исторія въ подробностяхъ неизвѣстна — нельзя о такихъ дѣлахъ разспрашивать. Ее не сослали въ дальнюю каторгу, а оставили въ Москвѣ, и черезъ

годъ истекаетъ ея срокъ; тогда ее, конечно, угонятъ на поселенье въ Сибирь. Сидѣть въ камерѣ съ дюжиной молодыхъ, опрятныхъ и образованныхъ женщинъ ей хорошо и покойно. За доброе отношеніе къ себѣ и къ дѣтямъ, она платитъ имъ тѣмъ, что старается быть незамѣтной. Она, конечно, знаетъ, что дѣвушки уже мѣсяцъ бредятъ побѣгомъ и что съ ними въ сговорѣ новая надзирательница; но ея, какъ уголовной, это не касается: ей бѣжать нѣтъ смысла, да и некуда.

Часто ей кажется, что она попала въ кружокъ школьницъ, которыя днемъ учатся, читаютъ книжки, а по вечерамъ рѣзвятся. Всѣ онѣ тоже приговорены къ каторгѣ, и на долгія сроки, а двѣ даже къ безсрочной, — но какъ то трудно этому повѣрить: словно бы и это только игра. Будто бы и онѣ убивали людей, но и это похоже на выдумку. Вѣрно только, что ихъ жизнь совсѣмъ особая и непонятная, какъ малопонятны ихъ рѣчи и ихъ споры между собой — о какомъ то народѣ, о какой то экономіи и какихъ то партіяхъ и комитетахъ. Въ послѣднее время не спорятъ, а все шепчутся. Нынче прятали что то подъ тюфякъ, должно быть принесла надзирательница. Лица были радостны и оживлены. Неужто онѣ и впрямь думаютъ убѣжать изъ тюрьмы? И правда — такія могутъ!

Съ ней ни о чемъ не говорили — и о чемъ съ ней говорить? Если бы ее вызвала начальница и стала допрашивать, она бы по чистой совѣсти сказала, что ничего не знаетъ. Ужъ конечно не взяла бы на душу грѣха и не подвела бы дѣвушекъ, всегда къ ней добрыхъ и ласковыхъ. Дѣло это не ея. Ея дѣло — искупать свой тяжкій грѣхъ, да выходить маленькихъ дѣтей, ни въ чемъ неповинныхъ и ничего еще не знающихъ. Когда выростутъ и узнаютъ — можетъ быть осудятъ ее, а можетъ быть и простятъ.

ГОТОВЯТСЯ

Анютѣ не терпится: ну что можетъ быть проще! Поддѣлавъ ключъ изъ тюрьмы въ контору, подпоивъ привратника, — она выведетъ на волю всѣхъ своихъ новыхъ подружекъ, и онѣ разбѣгутся. А съ бабами, съ надзирательницами, десятерымъ справиться не трудно. Сама она тоже уйдетъ. Если ее поймаютъ и будутъ судить — ну что же! Вотъ и она пострадаетъ за правду, даромъ, что она простая, не ученая, столькихъ книжекъ не прочитала и ни въ какихъ партіяхъ не записана. Только бы поскорѣе, пока не пронюхала начальница или кто нибудь не донесъ про ея дружбу съ восьмымъ номеромъ.

Ея жертвенный порывъ сдерживаетъ Наташа.

— Такъ нельзя, Анюта! Нужно все хорошо подготовить, чтобы не было неудачи. Ну, выйдемъ мы — а дальше? Ни денегъ, ни ночлега, ни одежды. Всѣхъ переловятъ, и васъ заберутъ, и уже второго случая никогда не дождаться.

О планѣ побѣга извѣщены на волѣ вѣрные люди. Уже цѣлый мѣсяцъ идетъ подготовка дѣла. Въ тѣ дни, когда Анюта дежуритъ въ ихъ корридорѣ, сношенія съ волей быстры и правильны. Но иногда приходится выжидать по недѣлямъ. Сдѣлано не мало: переданъ на волю слѣпокъ ключа, получены адреса, по которымъ должны разбѣжаться каторжанки. Денегъ достаточно, и еще добудутъ. Плохо съ лошадьми: только для двухъ будутъ приготовлены лихачи на сосѣдней улицѣ: рѣшено, что ими воспользуются Наташа и Маруся, какъ безсрочныя. Главное, чтобы весь планъ былъ выполненъ точно.

А планъ такой. Анюта уже разсказала надзиратель-

ницамъ, что скоро она выходитъ замужъ. Передъ свадьбой она угоститъ всѣхъ въ свободные часы передъ дежурствомъ. Будетъ наливка, водка, закуска и сладости. Какъ разъ передъ этимъ днемъ получка жалованья. И чтобы непремѣнно пришелъ и Федоръ Ивановичъ, привратникъ: все таки, мужчина, веселѣе. А денегъ ей не жалко: все равно, когда выйдетъ замужъ, въ тюрьмѣ не останется. Кто женихъ? А тотъ самый черноусый, съ которымъ ее однажды видѣли на улицѣ. Онъ на пирушкѣ не будетъ, ему неудобно. Это будетъ дѣвичникъ, только съ Федоромъ Ивановичемъ, — съ нимъ смѣшнѣе. А въ другой день она угоститъ и остальныхъ, кто въ этотъ день не можетъ.

Ночью, послѣ повѣрки, когда тюрьма заснетъ, Анюта откроетъ восьмую камеру. Сначала выйдутъ трое, тихо, въ однихъ чулкахъ, и свяжутъ дежурныхъ въ сосѣднемъ корридорѣ; считая со старшей, ихъ всего три. Потомъ выведутъ всѣхъ, спустятся къ двери конторы, и эту дверь быстро поддѣльнымъ ключемъ отворятъ Анюта и Наташа. Только бы дежурная по конторѣ не успѣла поднять тревогу; главное — она пить не любитъ, и справиться съ нею трудно. Какъ дверь откроютъ, первой выйдетъ Наташа въ черномъ платьѣ, будто бы начальница, хотя и неоткуда взяться начальницѣ; все таки та испугается, и тогда можно на нее накинуться. Сторожъ будетъ, какъ всегда, спать въ своей комнатѣ, и онъ, конечно, будетъ пьянъ, объ этомъ уже позаботится Анюта. Если ключъ у него, тогда придется и его связать; но онъ, вѣрно, и не проснется.

Сдѣлано и самое трудное: Анюта пронесла въ тюрьму по частямъ нужныя одежды: черное платье для Наташи и два мужскихъ костюма для стриженыхъ; больше пронести не удалось, и это — съ трудомъ, подъ платьемъ, рискуя нечаяннымъ обыскомъ. Близъ тюрьмы бу-

дутъ ждать товарищи, и дальше — вопросъ удачи и счастья.

А сама Анюта? Ей все равно, на первую ночь ее пріютятъ, а дальше ей укажутъ, куда скрыться изъ Москвы. Ей очень хотѣлось бы убѣжать съ Наташей, но это нельзя, опасно. Во всякомъ случаѣ, онѣ встрѣтятся послѣ, въ другомъ городѣ или заграницей. Черезъ Наташу она полюбила другихъ, и ей она готова довѣрить всю свою жизнь.

— Только не спѣшите, Анюта! Нужно, чтобы на волѣ все было готово. А пока старайтесь больше дружить съ надзирательницами, разсказывайте имъ про жениха, про его подарки.

— Я имъ много насказала! Онѣ меня любятъ, я веселая.

— Васъ нельзя не любить, Анюта!

Для Анюты такія слова — лучшая награда!

Готовятся и на волѣ, гдѣ планъ побѣга двѣнадцати каторжанокъ встрѣченъ съ радостью. Уже нѣтъ прежнихъ прочныхъ и дѣятельныхъ революціонныхъ организацій; силы ослаблены арестами и подточены предательствомъ. Одни въ тюрьмѣ, другіе за границей, притокъ новыхъ силъ ослабѣлъ. Нѣтъ прежней вѣры, и молодежь уже не та. Среди студенчества нѣтъ прежней жертвенности, и вмѣсто нея — исканье «красивой жизни», сладкихъ грѣхопаденій, поэтическаго наркоза. Идеалисты не въ модѣ — они устарѣли и исчерпались. Высшая цѣнность — личная жизнь, а самопожертвованіе — бредъ, и чистота идеаловъ — глупость и наивность. Половой вопросъ важнѣе аграрной программы, эстетика выше морали. Развѣ революція не доказала своей несостоятельности? Развѣ «свѣтлые борцы» не оказались игрушками въ рукахъ полиціи, заполнившей ряды революціо-

нeровъ своими агентами? Кому сейчасъ вѣрить, когда и самому себѣ человѣкъ плохо вѣритъ!

Остатки старовѣровъ безсильны продолжать дѣло; для нихъ наступило время воспоминанiй и легендъ, да надежды на заграницу, гдѣ будто бы строятся новыя мiросозерцанiя и вырабатываются новыя программы. Невозможно увлечь кого нибудь планомъ новаго дерзкаго нападенiя на власть. Иное дѣло — устройство побѣга: здѣсь двухъ мнѣнiй не можетъ быть! На этомъ, и только на этомъ легко сговориться разнымъ партiямъ и группамъ, и легко найти средства даже въ самыхъ умѣренныхъ кругахъ. Ненависть къ тюрьмѣ объединяетъ всѣхъ, и любой побѣгъ — радость.

Бѣглянкамъ нужно заготовить безопасныя убѣжища, какъ можно больше, чтобы провалъ однихъ не повлекъ за собой ареста многихъ. Нужно замести слѣды, однѣхъ укрыть въ Россiи, другихъ сплавить за границу, всѣмъ достать паспорта и денегъ. Малѣйшая нечеткость плана — и все можетъ погибнуть. Нужно торопиться, потому что уже слишкомъ многiе знаютъ о готовящемся побѣгѣ; но и излишняя торопливость можетъ привести къ катастрофѣ.

Шифрованныя записки летаютъ изъ тюрьмы на волю и обратно. Свиданья въ разныхъ мѣстахъ измучили неопытную въ этихъ дѣлахъ Анюту. Сроки смѣняются сроками, дольше откладывать нельзя.

Стоитъ iюль, время удобное тѣмъ, что бдительность притуплена жаркими днями, Москва на дачахъ, скрыться легче. Два мѣсяца ушли на подготовку — пора.

Молодой человѣкъ франтоватаго вида, но въ стоптанныхъ башмакахъ, скользнулъ въ подъѣздъ, поднялся

на второй этажъ и позвонилъ. Ему отворилъ широкогрудый высокій господинъ съ усами и бритымъ подбородкомъ. Молча впустивъ, заперъ дверь.

— Вы что же опаздываете?

— Я задержался на собраніи.

— На какомъ собраніи?

— Не то что собраніе, а кое что обсуждали.

— Ну?

— Да опять ничего особеннаго, сейчасъ никакихъ важныхъ дѣлъ нѣтъ.

— Дѣла то всегда есть, а только васъ къ важнымъ дѣламъ, вѣроятно, не очень подпускаютъ. У кого были?

— У Николаева.

— Кто да кто?

Молодой человѣкъ назвалъ нѣсколько фамилій, а его собесѣдникъ записалъ, добавивъ и фамилію разсказчика.

— Ну, а кромѣ этой ерунды ни о чемъ любопытномъ не говорили?

— У насъ сейчасъ конспирируютъ, такъ что даже своимъ не разсказываютъ.

— О побѣгѣ больше не говорили?

— Прямо о побѣгѣ не говорили, а насчетъ заготовки паспортовъ вскользь разговоръ былъ. Будто бы на всякій случай, что у насъ ихъ мало, а могутъ понадобиться.

— Женскіе паспорта?

— И женскіе, и всякіе.

— Ничего вы, Петровскій, не знаете! А вы бы расспросили кого нибудь изъ товарищей, кто освѣдомленнѣе.

— Это не очень удобно. Да и не знаетъ никто, кромѣ тройки. Станешь разспрашивать — еще заподозрятъ.

— Это, конечно, вѣрно. Да правду ли вы тогда слы-

шали про тюрьму? Можетъ быть одна болтовня, предположенія?

— Нѣтъ, будто бы подготовляютъ.

— Кто же подготовляетъ? И какъ? Съ воли подготовляютъ, или тамошніе? Кто долженъ бѣжать? Тамъ сидитъ нѣсколько политическихъ.

— Я постараюсь узнать.

— Отвратительно вы работаете, Петровскій! Всѣ эти теоретическіе разговоры мнѣ не нужны, знаю лучше васъ. А вы бы дѣло дѣлали, добывали факты. Услыхали что-нибудь — и провѣрьте, постарайтесь разузнать подробности. Конечно — съ должной осторожностью, если ужъ вамъ не очень довѣряютъ.

— Я доношу, что знаю, не выдумывать же мнѣ...

— Эхъ, ужъ лучше бы выдумывали! Горе съ вами! Прямо вамъ говорю — такъ у насъ ничего не выйдетъ. Я докладывалъ полковнику, онъ вами не доволенъ. А вы еще о прибавкѣ.

— Мнѣ прибавка нужна на расходы.

— Бросьте это! Что вы меня морочите! Расходы, если дѣйствительно нужные, мы всегда оплатимъ, хоть тысячи; а зря и копѣйки не желаемъ вамъ давать. Платятъ за работу, а не за прекрасные глаза. Я вамъ вотъ что скажу, Петровскій. Хоть я и не очень вѣрю въ этотъ побѣгъ, а все таки нужно узнать точно. Мы тюрьму, конечно, не извѣщаемъ, чтобы тамъ не напутали и напрасно не распугали. Да и вообще — это дѣло должно быть нашимъ, понимаете? Если мы съ вами это раскроемъ, да такъ, чтобы поймать на мѣстѣ, когда ни полиція, ни тюремное начальство ничего не знаютъ, — вотъ это — настоящее дѣло, Петровскій! И вы мнѣ извольте къ слѣдующему свиданью точно узнать, насколько все это серьезно, а не брехня. Значитъ — о комъ изъ заключенныхъ идетъ рѣчь, черезъ кого съ тюрьмой сносятся и на какой

приблизительно день намѣчаютъ. Вотъ. Узнаете — ваше счастье, тогда выйдете въ люди. А если проморгаете — плохо вамъ будетъ. Но только факты, а не выдумки.

— Я никогда не выдумываю.

— Ладно. Ну, а теперь относительно рабочаго кружка. Были тамъ?

Они говорили еще съ полчаса. Провожая посѣтителя, господинъ съ бритымъ подбородкомъ подалъ ему руку:

— Ну, Петровскій, будьте молодцемъ. Главное — войдите въ довѣріе. Предложите, напримѣръ, достать паспортъ, — а ужъ я вамъ помогу, будетъ настоящій, хорошій. И еще тамъ что нибудь, чтобы васъ считали своимъ, дѣятельнымъ, а не сбоку-припекой. Ну, до вторника!

Оставшись одинъ, онъ просмотрѣлъ записи и покачалъ головой.

— Всему три копѣйки цѣна! Коли не вретъ — любопытно. А вѣрнѣе — одна брехня, какъ часто бываетъ. Разъ дѣло идетъ о бабахъ — языка бы не удержали. Ну, увидимъ.

У НАСЪ ВСЕ ВЪ ПОРЯДКѢ!

Хлопнула послѣдняя дверь — начальница окончила вечерній обходъ. Сегодня она въ дурномъ настроеніи: охранка дала ей знать, что, по свѣдѣніямъ агентуры, политическія каторжанки усиленно переписываются съ волей; значитъ — слабъ надзоръ.

Нужно принять мѣры. А какія мѣры? Прогнать половину служащихъ и нанять новыхъ? Она и безъ того часто мѣняетъ надзирательницъ. Въ этомъ есть плюсъ и есть минусъ. Плюсъ тотъ, что новыя не дѣлаютъ по-

блажекъ заключеннымъ и боятся вступать съ ними въ пріятельство; а минусъ тотъ, что еще неизвѣстно, на кого попадешь, и новыя слишкомъ неопытны.

Что политическія каторжанки переписываются съ волей — она и сама знаетъ. Это неизбѣжно, и важности въ этомъ никакой нѣтъ; плохо только, что объ этомъ, помимо нея, начальницы, знаетъ охранка. Можно устроить обыскъ по камерамъ или разомъ обыскать всѣхъ надзирательницъ. Такая мѣра ничего, вѣроятно, не дастъ, кромѣ общаго раздраженія, и въ дальнѣйшемъ ничему, конечно, не помѣшаетъ.

Уходя, она говоритъ старшей:

— Уголовнымъ носятъ водку, я знаю. Если еще услышу — всѣхъ выгоню. А въ восьмой номеръ таскаютъ записки. Поймаю — и всѣхъ подъ судъ! Скажите тамъ.

Старшая молчитъ въ страхѣ. Въ своемъ раздраженіи начальница не видитъ, что и старшая, и корридорныя бродятъ сегодня, какъ тѣни, а привратникъ еле держится на ногахъ. Одно хорошо, что начальница лично дѣлала вечерній обходъ; значитъ, хоть ночью не явится, старая вѣдьма!

Она уноситъ съ собой ключъ, и тюрьма отрѣзана отъ конторы. Привратникъ, стараясь держаться крѣпче на ногахъ, распахиваетъ передъ ней дверь на улицу. Когда она выходитъ, онъ пьяно подмигиваетъ дежурной:

— Г-гроза нынче!

Дежурная по конторѣ, единственная, не бывшая на попойкѣ, устроенной Анютой, говоритъ съ укоромъ:

— Ужъ ступайте спать, Федоръ Иванычъ! Едва на ногахъ стоите. Замѣтила бы — всѣмъ бы за васъ досталось!

— А что я? Я — ничего!

— Ужъ идите, я сама запру!

Она садится у стола передъ телефономъ, съ тоской

думая, что смѣна будетъ только въ шесть утра, а сейчасъ десять. За день выспалась, — но въ тишинѣ снова дремлется. Въ конторѣ нѣтъ лавки и негдѣ прилечь. Дремать можно только сидя на стулѣ и опершись локтями о столъ. Съ потолка раздражающе свѣтитъ лампочка, изъ незапертой комнатки привратника доносится пьяный храпъ.

Она — пожилая женщина, простая, и хотя грамотная, но не обученная коротать ночи за чтеньемъ книгъ. На службѣ она четвертый годъ, а передъ тѣмъ была больничной сидѣлкой. Привыкла къ чуткой дремѣ — лежа, сидя, даже стоя. Во снѣ думается, а въ думахъ спится. И тогда время ползетъ съ привычной размѣренностью, пока не забѣлѣютъ окна и не потускнѣетъ свѣтъ лампочки.

Въ полуснѣ она, не видя, знаетъ часы. Вотъ минowала полночь, а вотъ уже часъ. Обычные ночные шорохи. Скребется — словно бы крыса; крысъ въ тюрьмѣ много, не могутъ вывести. Не то крыса, не то ключъ: гдѣ то дверь отворяютъ. Ключъ долго цѣпляется въ замкѣ и совсѣмъ близко слышенъ нетерпѣливый шопотъ. Нужно проснуться — и она дѣйствительно просыпается, но не сразу понимаетъ, гдѣ же это? И только, когда за ея спиной скрипитъ дверь, она вскакиваетъ со стула и вглядывается сонными глазами. Передъ ней высокая дама въ черномъ платьѣ — какъ будто начальница. Да какъ же она могла войти? Рядомъ съ начальницей одна изъ дежурныхъ по корридору, Анна Хвастунова, а за ними еще двое или трое.

Совсѣмъ проснувшись, она смотритъ съ удивленіемъ, потомъ догадывается, что это не начальница, а кто то переодѣтый, — и въ это время рѣзко звонитъ телефонъ. Не зная, что дѣлать, она повертывается къ телефону, но ее хватаютъ, затыкаютъ ей ротъ платкомъ,

скручиваютъ руки и вяжутъ ноги. Поваленная на полъ, она слышитъ, какъ ровный и спокойный голосъ говоритъ:

— Да, я слушаю. Это откуда? Говоритъ дежурная по конторѣ. Это изъ новинской части? Слушаю. Нѣтъ, у насъ все спокойно, а что? Нѣтъ, этого у насъ не можетъ бытъ. Слушаю, я вызову начальницу, а только у насъ все въ порядкѣ, какъ всегда. Сейчасъ я пошлю за ней.

Наташа кладетъ трубку и шепчетъ:

— Скорѣе! Тамъ что то провѣдали и могутъ явиться! Будто бы приказъ изъ Охранки усилить надзоръ!

Въ конторѣ теперь собрались всѣ: двѣнадцать бѣглянокъ и Анюта. Изъ помѣщенья тюрьмы ни звука, — планъ выполненъ блестяще, надзирательницы связаны и путь открытъ. Анюта машетъ рукой:

— Не нужно его! Онъ спитъ, какъ убитый, совсѣмъ пьянъ. Вонъ храпитъ! Теперь скорѣе!

Имъ изумительно везетъ: даже ключъ отъ выходной двери лежитъ на столѣ около телефона. Только безъ напрасной суеты! Выходить по-двое и по-трое, какъ условлено. За командира Наташа — и она уйдетъ послѣдней, какъ капитанъ корабля. Съ нею Анюта. Но только не бѣгите, выходите спокойно и идите по улицѣ, какъ будто гуляете!

Послѣ каждой пары или тройки дверь притворяется, и ждутъ двѣ-три минуты. Всѣ молчатъ, и сердца бьются согласнымъ оркестромъ, а ухо ловитъ каждый звукъ. Наклонившись къ связанной надзирательницѣ, Анюта тихо говоритъ ей на ухо:

— Ты такъ и лежи, не развязывайся! Тебѣ же лучше, что связана, не будешь въ отвѣтѣ! Потерпи!

Та смотритъ испуганными глазами и тяжело дышитъ.

Теперь слѣдующія — ты и вы двѣ, скорѣе! Выходите спокойно!

Опять минуты выжиданья. На улицѣ никакого шума, въ коморкѣ бормочетъ со сна привратникъ. Анюта съ торжествомъ шепчетъ:

— Вотъ напился то! Я ему подливала, не пожалѣла.

Ее слушаютъ, нервно улыбаясь, но врядъ ли понимаютъ. Три ждутъ въ очереди у двери, точно передъ выходомъ на сцену. Анюта подбѣгаетъ къ тюремной двери: нѣтъ, тамъ все благополучно, ни шума, ни голосовъ!

Уходятъ послѣднія, и дверь за ними тихо притворяется. По улицѣ проѣхалъ извощикъ — нужно выждать. Стукъ колесъ замираетъ. Теперь — мы!

Наташа крѣпко обнимаетъ и цѣлуетъ Анюту:

— Анюта, спасибо тебѣ! Мы еще увидимся.

Анюта со слезами шепчетъ:

— Ну, дай Богъ благополучно!

Онѣ вмѣстѣ выходятъ въ ночь, плотно притворивъ дверь. Наташа машетъ рукой, и онѣ расходятся направо и налѣво.

На улицѣ полная пустыня и слабый свѣтъ газоваго фонаря. Наташѣ нужно пройти эту улицу и еще переулокъ — до бульвара; тамъ на углу должна ждать лошадь. Сотня шаговъ — какъ сотни верстъ. Въ черномъ платьѣ и черной шляпѣ она слилась съ темнотой, но ноги дрожатъ и спѣшатъ — нужно себя сдерживать.

На углу бульвара свѣтъ фонаря падаетъ на кивающую голову лошади. Человѣкъ на козлахъ вглядывается въ темь. Наташа несмѣло окликаетъ:

— Товарищъ Андрей?

— Я, полѣзайте скорѣе!

Лошадь разомъ рвется, и копыта стучатъ въ іюльской ночи.

МАЛОДУШІЕ СВИДѢТЕЛЯ ИСТОРІИ

Лѣтнимъ утромъ Москва проснулась, зѣвнула и протянула руку къ газетамъ: нѣтъ ли повода для гражданскаго возмущенія или для тихой радости?

Поводовъ для лѣниваго раздраженія всегда достаточно. Старательно, ядовитыми словами, языкомъ Эзопа, либеральныя газеты поддерживаютъ коптящій огонекъ гражданскаго недовольства; яркаго пламени давно нѣтъ и въ поминѣ, — костры потухли; но изъ подъ житейскаго мусора все же пробивается дымокъ отъ искры тлѣющей по старой привычкѣ. И читатель, заспаннымъ глазомъ проглядывая политическую и общественную хронику, по чувству долга вздыхаетъ:

— Возмутительно!

И вдругъ — оба глаза открыты: есть поводъ для тихой радости! Побѣгъ двѣнадцати каторжанокъ!

Ихъ имена незнакомы или давно забыты; ихъ судьба занимала только ихъ близкихъ. Но не въ томъ дѣло! Среди лѣнивыхъ ощущеній русскаго обывателя есть одно поистинѣ святое: искренняя радость всякой полицейской неудачѣ, полное сочувствіе каждому, кто сумѣлъ перехитрить законъ, правосудіе и исполнительную власть. Европейскій гражданинъ помогаетъ агентамъ полиціи ловить карманника, — русскій радуется, если агентъ споткнулся и разбилъ себѣ носъ. И если онъ узналъ, что нѣкто дерзкій, кого держали въ каменномъ мѣшкѣ съ семью замками, сумѣлъ пробуравить стѣны, сломать замки и уйти невредимо, — то безразлично, преступникъ онъ или несчастная жертва — нѣтъ большей радости для русскаго человѣка! Радости тихой, чистой

и безкорыстной! Прекраснаго сознанья, что вотъ, если не я самъ, то кто то другой — большой молодецъ!

И какой побѣгъ! Въ центрѣ Москвы, въ лѣтнюю ночь, безъ выстрѣловъ, безъ насилія — и безъ слѣда! Канули, какъ въ воду! Просто и красиво до геніальности! Двѣнадцать женщинъ опрокинули и оскандалили цѣлую полицейскую систему, — а ужъ она ли не славна въ полицейскомъ государствѣ!

Тихая радость обывателей выросла въ бурную, когда обнаружилось, что о предстоящемъ побѣгѣ полиція была предупреждена. Былъ доносъ, и былъ указанъ день побѣга, и только часъ оказался неточнымъ: думали — убѣгутъ подъ утро, а убѣжали раньше. Помогла дѣлу конкурренція вѣдомствъ: охранному отдѣленію хотѣлось доказать свое всезнайство внезапнымъ набѣгомъ, безъ предупрежденія тюрьмы, чтобы не распугать заговорщиковъ и напасть врасплохъ. Все было разсчитано точно — и упущено только одно: что въ день святого Владимира приставъ части праздновалъ свои имянины. Былъ нетрезвъ телефонъ, и были медлительны участковые служащіе. Зачѣмъ то посылать нарядъ къ тюрьмѣ, гдѣ никакой опасности нѣтъ, гдѣ всегда былъ порядокъ, да и сидятъ только бабы, — чего не выдумаютъ эти безпокойные жандармы, любители таинственности! Испорчены имянины, обижены гости. Въ чемъ дѣло? Не проще ли запросить тюрьму!

Оттуда отвѣтили: «у насъ все въ порядкѣ». Даже обидѣлись: «у насъ этого не можетъ случиться!». Но служба-службой, и только полчаса промедлилъ именинникъ, тезка равноапостольнаго князя, крестителя Руси.

Возможно, и даже несомнѣнно, что тихую радость Москвы отмѣтилъ бы въ своихъ скрижаляхъ и наблюдательный свидѣтель исторіи. Но на этотъ разъ отцу Якову было не до записи достопамятныхъ событій.

При чтеніи утренней газеты онъ, какъ и другіе, расплылся улыбкой въ широкую бороду: «лю-бо-пытно, любо-пытно!». Пріятно было прочитать, что въ числѣ бѣжавшихъ была и дочка рязанскаго знакомца, та самая, которой онъ передалъ отъ отца баночку вишневаго варенья. Немножко обидно, что отъ этого должна пострадать почтенная и титулованная начальница тюрьмы, особа весьма любезная, — но съ этимъ приходится мириться. Изъ ничтожества люди подымаются по высокимъ ступенямъ къ власти и значенію, — но судьба человѣческая капризна, и рушатся не только графскіе, но и королевскіе троны!

Когда же, въ газетѣ вечерней, появились нѣкоторыя подробности побѣга и было названо имя Анны Хвастуновой, молодой надзирательницы, скрывшейся вмѣстѣ съ бѣглянками, — отецъ Яковъ не только смутился, но и похолодѣлъ.

Дѣло плохо! А если пожелаютъ дознаться, кто рекомендовалъ преступную молодую особу? Кто поручился за ея ангельскую невинность и доброе поведеніе? И вотъ тутъ пріобрѣтаетъ особый, хотя и ложный смыслъ визитъ отца Якова въ тюрьму и даже баночка вишневаго варенья!

— А сами вы, батюшка, чѣмъ занимаетесь?

Сказать: «странствую по великой Руси, любопытствуя, какъ живутъ люди», — кто повѣритъ? И не долженъ ли каждый человѣкъ быть при мѣстѣ; служить обществу и государству въ установленномъ званіи и на закономъ опредѣленномъ окладѣ? Не одинаково ли предосудительно пустое любопытство, равно, какъ и безцѣльное блужданіе по стогнамъ россійскимъ? А ваше прошлое, батюшка? А что это за пріютскіе бланки, и что это за пріютъ? И за что вамъ, святой отецъ, запрещено служеніе, хотя и съ оставленіемъ сана? И не есть ли вы

соучастникъ убійствъ, грабежей и побѣговъ? И съ кѣмъ вы мѣнялись сапогами? И почему посѣтили министра за недѣлю до покушенія на него злодѣевъ, изъ коихъ одна злодѣйка нынѣ бѣжала? И что это за тетрадочки съ описаніемъ событій не въ духѣ указаній святѣйшаго синода и правительствующаго сената? И не лучше ли тебѣ, зловредному попу и тайному смутьяну, внити въ узилище, гдѣ и скоротаешь ты останные года — за безмѣрное и неузаконенное любопытство къ жизни!

Отецъ Яковъ перетрусилъ не на шутку! А подѣлиться своими опасеніями не съ кѣмъ, — не итти же судачить на Первую Мѣщанскую! Храни Боже, тамъ теперь полиція роется въ дѣвичьемъ сундучкѣ! Лучше всего — отъ сихъ мѣстъ подальше. И, если возможно, подальше отъ Москвы.

Съ вечера отецъ Яковъ прибралъ свой портфельчикъ, занесъ къ знакомому человѣку послѣднія тетрадки лѣтописи, уложилъ парадную лиловую рясу, выложилъ на столъ, на видное мѣсто, требникъ, и долго сожалѣлъ, что не теплится лампадка передъ иконой, тѣмъ болѣе, что нѣтъ и иконы въ номерѣ гостинницы, имъ снятомъ. Такъ приготовился къ ночи, но спалъ ночь тревожно, не по обычному, и наступившему утру обрадовался чрезвычайно. Расплатившись за постой, взялъ портфель подъ мышку и чемоданчикъ въ руку — и отправился въ обходъ по знакомымъ редакціямъ. Прямо и откровенно вездѣ говорилъ:

— Покорно прошу — не задержите съ гонорарчикомъ, а взялъ бы малость и впередъ! Ибо истинно стѣсненъ необходимостью спѣшнаго отъѣзда по малымъ моимъ дѣламъ.

Разсчиталъ такъ: сколько будетъ въ карманѣ къ вечеру, на столько и отдалюсь отъ столицы. И если возможность будетъ — продлю путь даже до Сибири, самъ

себя сошлю! И побывать тамъ, кстати, небезлюбопытто, ибо край богатый и гостепріимный, и также имѣются газетки, противу здѣшнихъ много посвободнѣе, не столь стѣснены цензурнымъ наблюденіемъ, а потому живыя и занимательныя. Какъ нибудь проживу и выжду забвенія сей крайне непріятной исторіи.

Такъ и сдѣлалъ, а ночью уже трясся въ вагонѣ третьяго класса, занявъ верхнюю полку. Когда, укладываясь на покой, вздымалъ свое грузное тѣло на полку, она поскрипывала въ желѣзныхъ скрѣпахъ, а нижній пассажиръ, смотря на закинутую надъ нимъ ногу, думалъ: «штановъ попы не носятъ, а бѣлье, какъ у насъ, — мужеское!».

Отецъ Яковъ Кампинскій былъ и хотѣлъ быть неложнымъ свидѣтелемъ исторіи; но быть ея участникомъ не входило въ его жизненные планы. Со стороны всегда виднѣе, и сужденіе человѣка сторонняго всегда спокойнѣе и справедливѣе.

ИТОГИ

Подошла къ концу третья недѣля изумительнаго отдыха. Самое простое казалось Наташѣ сказочнымъ: березовыя рощи, гдѣ только что появились грибы — крѣпкіе, малоголовые, толстоногіе, которые и брать жалко и не брать невозможно; краснозолотые листья на лѣсныхъ опушкахъ, летящая нить крѣпкой паутины и деревенскій покой, ничѣмъ не рушимый.

Раньше это было обычнымъ и знакомымъ, — но раньше, до отлета изъ родного дома и до выхода на подмостки жизни; затѣмъ все, что въ дѣтствѣ было любимымъ, внезапно и будто бы навсегда завалилось мусоромъ обрушенныхъ зданій и обрывками страшныхъ, не-

договоренныхъ словъ, затянулось топкой тиной недобрыхъ чувствъ и покрылось пепломъ жертвенныхъ костровъ. Потомъ — долгая тюрьма — какъ сонъ безъ надежды на пробужденье. Потомъ — новое чудо, но все еще въ плоскости той же суетливой и суматошной пляски на краю кратера. И вотъ, на исходѣ послѣдняго напряженія силъ, — вдругъ сразу — тишина, ничѣмъ не возмутимый покой и твердая увѣренность, что край бездны остался позади и свершилось чудо возврата къ простой, полноцѣнной, настоящей жизни, — къ природѣ, ласковости лѣса, легкому духу полей и ясности бытія.

Что дальше?

Дальше — новый путь въ неизвѣстное, но не по мостовымъ города и не черезъ толпу людей, а черезъ мудрыя пространства Россіи — къ сказкамъ чужихъ земель. Остановить на этомъ пути никто не можетъ; если чья нибудь рука подымется на такое преступленіе, — тогда эта, здѣшняя жизнь пресѣчется и путь отклонится въ полное небытіе. Ни минуты не медля! Ни о какомъ иномъ выходѣ не думая! Не надѣясь ни на какую новую удачу! И потому не страшно; пережитое не вернется.

Заботиться и думать не о чемъ: теперь о ней должны заботиться друзья. Наташа знала, что часть бѣглянокъ уже сплавлена за границу, съ ними Анюта. Тремъ не повезло: онѣ были арестованы въ первые же дни, въ ихъ числѣ младшая изъ всѣхъ — больная Елена. Этотъ арестъ такъ напугалъ, что для Наташи готовили самый дальній и сложный путь, на которомъ труднѣе ждать роковыхъ случайностей. О томъ, гдѣ она скрывается теперь, зналъ только одинъ вѣрный человѣкъ; пока ее запрятали во владимирскую деревню, и она жила здѣсь въ семьѣ простыхъ, далекихъ отъ политики людей, пила мо-

локо, ходила въ лѣсъ по грибы, а больше лежала на травѣ и вела бесѣды съ небесными барашками.

Наташа съ удивленіемъ вспоминала, что за всѣ три года тюрьмы ей не пришлось думать о себѣ, о своемъ прошломъ, о возможности какого нибудь будущаго и вообще о томъ, что же за жизнь она себѣ создала и какъ это случилось? Только въ дни ожиданія казни въ петропавловской крѣпости ея мысль работала поспѣшно и отчетливо, но какъ то ужъ слишкомъ отвлеченно, почти литературно, не столько для себя, сколько для другихъ. Годы тюрьмы прошли въ незамѣтномъ однообразіи, бездумно, на людяхъ, безъ всякой пользы и безъ всякаго смысла. Принималось за несомнѣнное, что вотъ она, какъ и всѣ онѣ, какъ еще многіе, — жертва безобразнаго и жестокаго произвола властей, и что когда нибудь эта власть будетъ свергнута, и тогда для нихъ и для всѣхъ начнется новое и свѣтлое существованіе. Такъ что судить себя не приходилось, и ужъ конечно не приходилось въ чемъ нибудь каяться и о чемъ нибудь въ прошломъ сожалѣть.

Теперь ей двадцать четвертый годъ, и она опять на свободѣ. Лишить ее этой свободы нельзя, потому что тогда она лишитъ себя и жизни. Ну хорошо. А зачѣмъ ей жизнь, и что будетъ дальше?

Опять партія, подпольная работа, терроръ, тюрьма и ожиданье казни? Это совсѣмъ невозможно! Не потому, что не хватило бы силъ, а просто потому, что все это уже было, и повторенье не принесетъ ничего, не дастъ даже тѣни прежнихъ ощущеній. Побѣгъ приподнялъ и расшевелилъ нервы; это было и ново и очень красиво, почти геніально по своей кажущейся простотѣ. Чувство побѣды — почти наслажденіе искусствомъ! Но прошло и это. Дальше?

Кто я такая и чего я хочу?

Она не могла найти въ себѣ ни одного опредѣленнаго желанія. Знала только, чего она не хочетъ и не можетъ: опять лишиться свободы.

Тогда она стала думать о прошломъ, и не о себѣ, а о людяхъ, съ которыми связывала свою судьбу. Первымъ вспомнила Оленя, съ чувствомъ глубокой пріязни и настоящей благодарности. Можетъ быть и не сложный, слишкомъ прямолинейный и увѣренный, — но какой онъ былъ цѣльный, вѣрный, какой настоящій человѣкъ! Вокругъ него — всѣ на голову его ниже; одни были преданы ему, другіе шли въ слѣпую, и еще иные могли быть съ нимъ или противъ него. Были революціонеры, обыватели и авантюристы. Иные аскеты и великомученники, другіе — прожигатели жизни и игроки. Отъ святыхъ въ своей вѣрѣ и вѣрности, какъ погибшіе Сеня и Петрусь, «братья Гракхи», — до стоящихъ на границѣ между подвигомъ и предательствомъ, какъ тоже погибшій Морисъ, и дальше — до тѣхъ, которые, подъ предлогомъ конспираціи, кутили по ресторанамъ, сорили деньгами и прикрывали лозунгами революціи и максимализма личную распущенность. Между нравственно допустимымъ и недозволеннымъ стерлась граница; одни изъ разбойниковъ сораспяты со Христомъ, а другіе, катясь дальше по наклонной плоскости, дошли до предательства.

Изъ сподвижниковъ Оленя уцѣлѣли очень немногіе; часть ихъ пытается теперь раздуть послѣднюю искру нѣкогда пылавшаго пламени. Но ихъ судьба предопредѣлена: или гибель, теперь уже напрасная, или уходъ въ обывательщину. Нѣтъ за ними ни массы, ни общественнаго сочувствія, ни даже прочной группы: послѣдніе могикане!

И еще думала Наташа о томъ, что и сама она была увлечена не далекими мечтаніями о счастьѣ человѣчества (какого-такого человѣчества?) или о благѣ русскаго на-

рода (она знала только крестьянъ деревни Федоровки!), а тоже игрой въ жизнь и смерть, красивостью очень ужъ неравной борьбы. Ей были скучны отвлеченныя разсужденія — ее влекло дѣйствіе. Въ девятьсотъ пятомъ году она видѣла въ Москвѣ баррикады, — это было изумительно, совсѣмъ какъ въ историческихъ романахъ! И на тѣхъ же улицахъ видѣла жестокую расправу и съ защитниками баррикадъ, пожилыми и молодыми рабочими, и со случайным обывателями. На льду Москва-рѣки видѣла много труповъ, и видѣла пожаръ Прѣсни. Нельзя смотрѣть на это равнодушно, можно быть либо съ тѣми, либо съ этими! Но и вопроса о выборѣ не могло быть для нея, — онъ былъ заранѣе рѣшенъ молодостью и прямодушіемъ: съ сильными духомъ — противъ сильныхъ оружіемъ! Съ бунтомъ противъ того «порядка», который дѣлаетъ бунтъ неизбѣжнымъ и идейно его оправдываетъ!

И дальше — какъ со снѣжной горки, безъ возможности оглянуться и остановиться, — день за днемъ и словно бы въ ясномъ сознаніи — а въ полуснѣ, въ ненастоящемъ, — пока санки не перевернутся и не перекувырнется міръ. Такъ и случилось. И вотъ она повисла надъ пропастью, гдѣ уже лежали разбитый Олень и еще многіе.

Она спаслась и живетъ, — но это уже совсѣмъ другая Наташа! Отъ рязанской дѣвушки — только темная коса и голубые глаза. Ощущеніе такое, словно между бровями врѣзалась глубокая морщина, а за плечами мѣшокъ, наполненный пескомъ. Уже нельзя вполнѣ слиться съ міромъ и въ немъ раствориться, какъ бывало раньше. Теперь міръ — особо, и она — особо, и смотритъ на него издали и съ недовѣріемъ.

Можетъ быть теперь начнется жизнь новая. Но, по-

ка она придетъ, нужно долго пробыть только зрителемъ, не дѣлаясь участникомъ.

Какъ хорошо начинать съ деревенскаго отдыха! Еще нѣсколько дней — и онъ кончится. Тогда — въ путь!

ВЪ ПУТИ

Даму въ черной вуали, молодую вдову, никто не провожаетъ. Она ѣдетъ въ отдѣльномъ купе спальнаго вагона и выходитъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Носильщикъ несетъ за ней небольшой чемоданъ, обернутый въ парусину. Извощикъ везетъ ее на пристань пароходства Курбатовой, гдѣ она занимаетъ каюту перваго класса.

Прекрасный и сильный пароходъ, но буксирный; за нимъ бѣжитъ огромная желтая баржа — отъ Нижняго до Перми. Такими пароходами плывутъ только тѣ, кто не торопится или очень экономенъ. Поэтому классныхъ пассажировъ почти нѣтъ. За то превосходный буфетъ — гордость пароходства. Стерлядь подается на большомъ блюдѣ, по желанію — разварная или кольчикомъ. На пристаняхъ долгое ожиданье: сначала пароходъ съ необыкновеннымъ искусствомъ и точностью подводитъ къ пристани баржу, затѣмъ пристаетъ къ баржѣ самъ. У пассажировъ достаточно времени, чтобы погулять по берегу, побывать въ прирѣчномъ городкѣ или мѣстечкѣ, купить полную наберушку ягодъ, выбрать не спѣша арбузъ съ краснымъ вырѣзомъ.

Трауръ дамы — невинный маскарадъ, привычка къ таинственности. Здѣсь никакой маскарадъ не нуженъ, такъ какъ не отъ кого прятать лицо. Поэтому, пользуясь послѣдними теплыми днями, дама оказывается въ лѣтнемъ платьѣ, совсѣмъ не модномъ, изъ домотканной

холстинки съ вышивкой крестикомъ; платье ей очень идетъ и молодило бы ее, если бы и безъ того она не была очень молода. На шеѣ простыя бусы, на головѣ голубой шарфикъ, подъ цвѣтъ глазъ, — чтобы вѣтромъ не трепало волосы.

Съ перваго момента въ нее влюбились два пассажира перваго класса, судебный слѣдователь и старшій приказчикъ чайной фирмы. Слѣдователь ѣдетъ съ женой, которая его ревнуетъ; приказчикъ одинокъ, свободенъ, но застѣнчивъ; за обѣдомъ, за ужиномъ и среди дня ему подаютъ замороженный графинчикъ водки и на закуску раковъ. Онъ пьетъ, но застѣнчивость его не проходитъ.

Въ Нижнемъ дама, еще не разставаясь съ вуалью и не выходя на палубу, изъ окна пароходной рубки простилась съ берегами своей родной Оки; теперь пароходъ рѣжетъ желтоватую и радужную отъ нефти Волгу; затѣмъ будетъ Кама — стальная, многоводная и немного мрачная. Вмѣсто обычныхъ трехъ сутокъ, буксирный пароходъ тратитъ на перегонъ пять. Для того, кто не спѣшитъ, не любитъ тѣсноты и цѣнитъ хорошій буфетъ, такой неторопливый путь по рѣкѣ — настоящее наслажденіе. По вечерамъ уже холодно, но днемъ, при солнцѣ, не хочется уходить съ палубы. Пароходъ дѣлаетъ одинъ изъ своихъ послѣднихъ рейсовъ.

Въ Пьяномъ Бору трехчасовая остановка. Съ палубы влюбленный приказчикъ видитъ, какъ дама въ голубомъ шарфикѣ по мальчишески карабкается вверхъ по обрыву крутого берега — къ лѣсу. Робость не позволяетъ ему послѣдовать за ней, да это и неудобно для представителя извѣстной чайной фирмы. Слѣдователь покупаетъ на пристани наберушку бѣлыхъ грибовъ, — поваръ приготовитъ. За слѣдователемъ зорко слѣдитъ жена.

Наташа наверху, надъ рѣкой, на опушкѣ вѣкового бора. Оттуда пароходъ кажется маленькимъ, а рѣка — безпредѣльной направо и налѣво. Цѣлый лѣсной и водяной міръ, удивительно красивый. Это уйдетъ и, можетъ быть, никогда не вернется.

Она ложится на нагрѣтую солнцемъ и все-таки прохладную осеннюю траву и не знаетъ, плакать ей или смѣяться. Она сразу и несчастна и счастлива, и она ужасно одинока. Она рада, что путь ея дологъ — черезъ Сибирь и Китай океаномъ и морями въ Европу — совсѣмъ необычный путь, на которомъ теряются всякіе слѣды. Можетъ быть такая предосторожность излишня или даже опасна — путь дальше и въ немъ больше случайностей, — но за то можно долго прощаться съ Россіей, которую она такъ плохо знаетъ и впервые видитъ по настоящему. Она, пожалуй, согласилась бы ѣхать такъ всегда и ѣхать никуда; но радостью созерцанья не съ кѣмъ подѣлиться, а въ минуту раздумья — некому повѣдать сомнѣнья.

Она входитъ въ лѣсъ и слушаетъ тишину. Много грибовъ и цѣлыя заросли брусники. Лѣсъ хвойный, и стоитъ, какъ стоялъ всегда, никѣмъ не чищенный и не рубленный. Вѣроятно тутъ много зайцевъ, а можетъ быть водятся медвѣди. Лѣсъ не ласковый, какъ въ средней Россіи, а строгій и серьезный.

Она повертывается, чтобы итти обратно къ обрыву, — но не увѣрена, правильно ли идетъ: въ густой заросли нѣтъ просвѣтовъ, а солнце стоитъ высоко надъ верхушками деревьевъ. А вдругъ она заплуталась? Какъ всѣ прикамскіе лѣса — и этотъ тянется на сотни верстъ безъ единаго жилья. Но если даже она выберется — тѣмъ временемъ пароходъ уйдетъ, и она останется безъ денегъ, безъ бумагъ и въ невозможности открыть, кто она такая и куда ѣдетъ.

Она, всегда такая смѣлая и спокойная, пугается безмѣрно и хватается за грудь. Въ эту минуту слышитъ первый свистокъ парохода, совсѣмъ слабый и отдаленный. Это — спасеніе! Она бѣжитъ на звукъ — и деревья рѣдѣютъ просвѣтами; она была только въ сотнѣ шаговъ отъ опушки и обрыва. Какъ страшны здѣшніе лѣса!

Пароходъ снова гудитъ, созывая пассажировъ, и Наташа, еще разъ оглядѣвъ горизонтъ, почти скатывается внизъ, презирая крутизну, и приходитъ на пристань одной изъ послѣднихъ, — перепачканная травой и глиной. Приказчикъ, набравшись храбрости, заговариваетъ:

— Изволили побывать на самомъ на верху-съ?

Наташа весело отвѣчаетъ:

— Изволила. Тамъ такъ хорошо, что уходить не хотѣлось.

— До Перми ѣдете?

— Ѣду до Перми.

— Катаетесь для ради удовольствія?

— Катаюсь.

Приказчикъ хотѣлъ еще прибавить «погода отмѣнная» или «прекрасный воздухъ», но передумалъ и сказалъ:

— Нынче можно кушать пьяноборскихъ!

— Кого?

— Пьяноборскихъ! Здѣсь раки первый сортъ, на всю Россію.

Наташа, думая о своемъ, говоритъ:

— Да, это хорошо!

— Да ужъ чего же лучше-съ! Сейчасъ икра внутрѣ!

Чтобы не разсмѣяться, Наташа спросила:

— А откуда такое названіе — Пьяный Боръ?

— Отъ горы-съ. Такая тутъ гора, по татарски Пенджаръ. А по ту сторону рѣки другая гора, и называется Дѣвичья гора. Будто жили двѣ дѣвицы, одна на этой го-

рѣ, а другая на той, и будто по утрамъ онѣ передавали другъ-дружкѣ гребень. Такія богатырскія дѣвицы. Однако однѣ только росказни, а быть того не могло.

— А почему же все-таки — Пьяный Боръ?

— Вѣрнѣе всего отъ ягоды. Тутъ растетъ такая ягода. Кто поѣлъ, тотъ и пьянъ. Вродѣ дурмана. Конечно — названіе несообразное.

Ночью на перекатахъ красные огни, а иногда изъ темноты рождается костеръ встрѣчнаго, запоздалаго плота, — гонятъ его откуда нибудь изъ Чердыни, и онъ вьется по рѣкѣ змѣей. Или бѣляна, огромный пловучій замокъ, сложенный изъ свѣжаго теса, — и вотъ, освѣтившись на минуту пароходными огнями, онъ ныряетъ въ темноту бѣлымъ кружевнымъ призракомъ.

На пятые сутки — Пермь и, безъ передышки, опять поѣздъ. Жалко проститься съ рѣкой, но впереди Уралъ, и въ этомъ большое утѣшеніе.

Сдавъ свой чемоданъ носильщику, дама въ траурѣ сама беретъ въ кассѣ билетъ до Иркутска. Рядомъ съ окошечкомъ кассы стоитъ жандармъ.Очередь невелика, и жандарму нечего дѣлать; онъ разсматриваетъ даму и лѣниво думаетъ: «То ли по мужу, то ли маменьку схоронила; видно — нездѣшняя; сейчасъ публика съ парохода».

....

Вагонъ ровно постукиваетъ на каждой скрѣпѣ рельсъ. Рельсы проложены то по черной и жирной землѣ, то по горнымъ породамъ. Все, что есть на землѣ дорогого и прекраснаго — все родилось и добыто изъ земли: деревья, цвѣты, алмазы, платина, мраморъ, — все что живетъ и что считается не живымъ. Рельсы бѣгутъ надъ источниками жизни и неисчислимыхъ богатствъ. Земля вздрагиваетъ, и въ ней вздрагиваетъ руда и камен-

ный уголь, откалывается многоцвѣтная яшма, круглятся почки малахита, слоится слюда и, притворяясь серебромъ, крошится свинцовый блескъ. Рядомъ съ топазомъ поблескиваетъ зелено-золотистымъ огнемъ красивѣйшій изъ камней — мягкій хризолитъ, и вдругъ вспыхиваетъ въ своей порочной трещинѣ краснымъ заревомъ, болѣе краснымъ, чѣмъ блескъ граната. Все это попрятaлось подъ корни кедровъ, елокъ, пихтъ и кустарниковъ, купается въ подпочвенныхъ водахъ и мелкимъ пескомъ сбѣгаетъ по руслу безчисленныхъ ручейковъ.

Это — Уралъ. Это — Россія, знакомое слово огромнаго и неяснаго смысла. Наташа смотритъ въ окно вагона, и передъ ней быстрымъ парадомъ мелькаютъ лиственницы и старыя ели, а за ними, на дальнихъ планахъ, не спѣша проходятъ и округло повертываются отряды другихъ хвойныхъ.

И въ первый разъ съ полной ясностью Наташа понимаетъ, что ея молодость была погоней за ничтожнымъ, незначущимъ и ненужнымъ. Потому что все равно, какой человѣкъ подписываетъ листокъ бумаги въ комнатѣ большого города и что въ этомъ листкѣ написано казеннымъ канцелярскимъ языкомъ. И совсѣмъ не важно, о чемъ совѣщаются люди въ обширной залѣ и кто кого беретъ за горло и швыряетъ въ яму. И не важно это, и ненужно, и смѣшно. Можно закрыть глаза, лечь, спать день и ночь, дни и ночи, — а деревья будутъ такъ же мелькать, горизонты медленно мѣняться, вершины холмовъ и горъ поворачиваться на оси и уходить за край оконнаго просвѣта. Извиваясь, поѣздъ сойдетъ въ низкую долину, скользнетъ мимо жилыхъ мѣстъ, задержится у станціи — и побѣжитъ опять, звонко отсчитывая мосты и ныряя въ туннели.

Это и есть Россія, придуманное имя, не народъ, не

государство, а необъятное пространство лѣсовъ, степей, горъ, долинъ, озеръ и рѣкъ.

Кто то простеръ руки въ пространство и говоритъ: «оно мое!». Но онъ не можетъ обхватить даже ствола одной сосны, его пальцы не сойдутся! И если всѣ милліоны людей, живущихъ въ странѣ, возьмутся за руки и образуютъ цѣпь, — они охватятъ только одинъ изъ ея лѣсовъ!

И вотъ этотъ безкрайній край хотятъ осчастливить, обнеся его точными границами, назвавъ его государствомъ, посадивъ надъ нимъ правителей, давъ ему парламентъ, оскорбивъ его сравненіемъ съ европейскими карликами! Развѣ можно имъ управлять, писать для него законы, строить тюрьмы и думать, что вотъ именно этотъ костюмчикъ ему въ пору и къ лицу! Дѣтская наивность! Какъ странно, что ни она, Наташа, ни Олень, никто изъ ихъ друзей и ихъ враговъ объ этомъ не подумали! Можетъ быть тогда они не захотѣли бы умирать и убивать, удобряя тѣлами слишкомъ ничтожный кусочекъ земли?

....

Отъ Челябинска, гдѣ пересадка, начинается великій Сибирскій путь. За Ураломъ чувствуется близкая зима. Поѣздъ изъ Россіи пришелъ, но до его отхода еще много времени. Дама, въ пальто и траурной шляпѣ разсматриваетъ въ станціонномъ кіоскѣ вещицы кустарнаго издѣлія: литыя изъ чугуна фигурки, тарелочки, пепельницы, статуэтки, подсвѣчники. Рядомъ съ ними — коробочки изъ яшмы и малахита, печатки изъ горнаго хрусталя и дымчатаго топаза, горки уральскихъ камушковъ, евангеліе изъ куска соли, мужичекъ изъ мха и еловыхъ шишекъ, сибирскіе туесы изъ бересты съ блестками фольги и еще много красиваго и любопытнаго. Нужно

купить что нибудь на память, и потомъ, за границей, смотрѣть съ умиленіемъ. Наташа беретъ ажурную тарелочку и чертика съ необычайно длиннымъ хвостомъ, показывающаго носъ. За спиной слышитъ мужскіе голоса:

— Это — каслинскихъ заводовъ?

— Тутъ и каслинскихъ и кусинскихъ. Все наши кустари, а отливаютъ по хорошимъ моделямъ. Не бывали въ тѣхъ краяхъ?

— Проѣзжалъ, а бывать не случалось.

— Ежели доведется — обязательно загляните. Простые мужики — а вонъ какъ работаютъ. И въ Европу посылаютъ! Лю-бо-пытно!

Разговариваетъ высокій пожилой человѣкъ въ теплой дорожной курткѣ и сапогахъ, и толстый священникъ въ какой то несообразной хламидѣ поверхъ рясы: не то — пальто, не то — дамскій салопъ. Лицъ Наташа не видитъ.

— А вы, батюшка, видно хорошо знаете Россію?

— Хорошо ее знать невозможно, велика. А конечно — много покатался по малымъ моимъ дѣламъ. Вотъ и въ Сибирь ѣду, и тамъ живутъ люди. Міръ великъ, а жизнь наша коротенькая, всего не пересмотришь. А вы въ Иркутскѣ не задержитесь?

— Только на недѣлю; меня ждутъ за Байкаломъ члены нашей экспедиціи.

Расплатившись за вещицы, Наташа отошла отъ кіоска. Господинъ въ курткѣ вѣжливо посторонился, потомъ сказалъ собесѣднику:

— Пріятное лицо! И довольно красивое.

И вдругъ съ удивленіемъ замѣтилъ испуганные глаза и открытый ротъ священника.

Слово замерло на устахъ отца Якова. То ли ошиб-

ка, то ли подлинный кошмаръ, а то ли — она и есть, Сергѣя Павловича бѣглая дочь!

Сильно покраснѣвъ, отецъ Яковъ пробормоталъ:

— Лицо... дѣйствительно поистинѣ примѣчательное! Особа замѣтная!

Распахнулъ хламиду, вынулъ клѣтчатый платокъ и вытеръ носъ, повлажнѣвшій на холодномъ воздухѣ.

СПУТНИКЪ

Въ купе второго класса спутникомъ Наташи оказался господинъ въ сѣрой дорожной курткѣ и высокихъ сапогахъ. Сразу познакомились, и онъ назвался Бѣловымъ, Иваномъ Денисовичемъ. Ѣдетъ въ Иркутскъ, потомъ въ Монголію. Наташа сказала, что ѣдетъ тоже въ Иркутскъ къ родственникамъ, и что въ Сибири она въ первый разъ.

— А вы — сибирякъ?

— Нѣтъ, я родомъ саратовецъ, а ѣду въ командировку, съ научной экспедиціей.

— Вы — профессоръ?

— Да, я геологъ.

Разсказалъ, что въ Сибири бывалъ много разъ, бывалъ и на Амурѣ, и на крайнемъ сѣверѣ, и въ вѣдомыхъ и въ невѣдомыхъ мѣстахъ; а теперь предстоитъ очень интересное путешествіе: въ среднюю и южную Монголію, черезъ центральную Гоби на озеро Куку-Норъ.

— Вамъ эти имена ничего не говорятъ?

Наташа призналась, что ничего.

— Мѣста удивительныя и почти совсѣмъ не обслѣдованныя.

— Гоби — это, кажется, пустыня?

— Это, скорѣе, цѣлая область пустынь въ нагорной Азіи, отъ Памира до Китая.

И онъ словоохотливо объяснилъ, что есть большія пространства песковъ, называемыя Та-Гоби, и есть малыя — просто Гоби, и еще есть Гоби съ особыми названіями. Но не вся Монголія пустыня; есть въ ней степи, горы, озера, мѣста по природѣ прекрасныя. И есть въ ней мертвые города, гдѣ когда то жили люди, а теперь однѣ развалины. И культура тамъ была довольно высокая.

Разсказывалъ интересно, и было видно, что для него въ такихъ путешествіяхъ и изученіяхъ — основной смыслъ жизни и главная ея приманка. Ему было пріятно, что нашелъ внимательную слушательницу, хоть и совсѣмъ не свѣдующую, но способную понять.

Съ деликатностью человѣка, вообще не привыкшаго болтать о личныхъ дѣлахъ, Бѣловъ не разспрашивалъ Наташу, почему она ѣдетъ въ Сибирь и кто ея родственники въ Иркутскѣ. О себѣ упомянулъ вскользь, что есть у него жена и уже взрослыя дѣти. За то много говорилъ о мѣстахъ, черезъ которыя проходилъ поѣздъ, о сибирскихъ рѣкахъ, о тайгѣ, объ охотѣ, о характерѣ здѣшнихъ людей — совсѣмъ особенномъ, болѣе открытомъ, предпріимчивомъ, широкомъ. Мимо оконъ вагона пробѣгали горы, которыя онъ зналъ, мелькали лѣса, о которыхъ онъ могъ все разсказать, и не какъ старый путешественникъ, а какъ ученый, который со всѣмъ этимъ такъ же сроднился, какъ Наташа съ деревней Федоровкой и берегомъ Оки. Старался говорить понятнѣе, и слѣдилъ по лицу слушательницы, занимаетъ ли ее такой разговоръ, — и видѣлъ, что она слушаетъ съ живымъ интересомъ.

За путь отъ Челябинска до Омска успѣли подружиться и оцѣнить другъ въ другѣ, онъ — ея внимательь-

ность, она — его знанія и милую простоту человѣка, который никогда не бываетъ назойливымъ и радъ быть полезнымъ. По возрасту онъ годился Наташѣ въ отцы, но ни разу не позволилъ себѣ покровительственнаго тона.

На станціяхъ Наташа выходила изъ вагона неохотно. Въ Омскѣ была долгая остановка, и они вышли вмѣстѣ и пообѣдали въ станціонномъ буфетѣ. Замѣтно холодѣло, по ночамъ слегка морозило. Наташа была одѣта легко, разсчитывая обзавестись всѣмъ нужнымъ въ Иркутскѣ. Вѣроятно она была единственнымъ пассажиромъ, который ѣхалъ въ такое дальнее путешествіе съ такимъ легкимъ багажемъ: точно переѣзжала съ дачи въ городъ.

У самаго вагона съ ея спутникомъ раскланялся толстый священникъ. Бѣловъ его окликнулъ:

— Ну какъ, батюшка, хорошо ли ѣдете?

— А прекрасно, прекрасно! Вагонъ теплый, удобный вагончикъ. И мѣстности прелюбопытныя! Страна наша обширная!

Отецъ Яковъ говорилъ издали, близко не подошелъ. Наташа взглянула на него — и въ ея памяти мелькнуло то же лицо, но въ совсѣмъ иной обстановкѣ. Что это за попъ? Гдѣ она его видала? И не только его лицо, а и голосъ его какъ будто знакомъ. Меньше всего она хотѣла бы встрѣтить здѣсь знакомаго человѣка; но рѣшительно не вспоминала среди своихъ знакомыхъ священника.

Войдя въ вагонъ, сѣла у окна. Подъ окномъ ея спутникъ разговаривалъ съ подошедшимъ священникомъ, и до ея слуха донеслись слова:

— До новыхъ мѣстъ я, дѣйствительно, жаденъ! И до мѣстъ новыхъ и до новыхъ человѣчковъ! Жизнь то коротка, все нужно посмотрѣть!

И внезапно Наташа вспомнила огромный залъ Государственнаго Совѣта, мѣста для публики, рядомъ — Оленя съ моноклемъ въ глазу, а по другую сторону попа въ лиловой рясѣ съ живыми любопытствующими глазками на плотномъ и мужиковатомъ бородатомъ лицѣ.

— Неужели — тотъ самый? Почему онъ тоже ѣдетъ? Что за странная случайность! Во всякомъ случаѣ непріятная!

За долгій кружный путь Наташа привыкла къ мысли, что теперь она уже внѣ опасности. Ее могутъ искать гдѣ угодно, но, конечно, не въ Сибири! Еще можетъ быть опасность на границѣ, хотя и далекой, но случайность въ пути, какъ будто исключена: слишкомъ велика Россія!

Голосъ ея спутника говорилъ подъ окномъ:

— Въ Иркутскѣ будемъ только въ среду, батюшка.

— А мнѣ что-жъ, я кататься люблю!

— На Байкалъ не собираетесь?

— А ужъ обязательно. Побываю, побываю, полюбуюсь красотой!

— Заходите въ вагонъ поболтать.

— Забѣжать можно, хотя по положенію моему — третьеклассный пассажиръ. А зайду, зайду, ужо въ пути.

Бѣловъ вернулся въ купе улыбаясь.

— Курьезный попикъ! Какихъ только у насъ нѣтъ людей!

— Вы его знаете?

— Я съ нимъ ѣду отъ Самары, и на станціяхъ бесѣдуемъ. То ли — безприходный, то ли ѣдетъ по дѣламъ. Говоритъ — любитъ кататься и смотрѣть русскую землю. Далъ мнѣ нѣсколько брошюрокъ своего пера; съ собой возитъ. Занимается фольклоромъ, разными мѣстными примѣчательностями. Написано плоховато, а занимательно; видимо много перевидалъ и все это лю-

битъ. Вотъ придетъ сюда — поговорите съ нимъ, любопытный попъ!

— Я не люблю духовенства.

— Да вѣдь что-жъ его любить... Но, знаете, попадаются среди провинціальныхъ, особенно среди сельскихъ батюшекъ и хорошіе, и очень интересные люди. Есть даже замѣчательные ученые. Вы вотъ проѣзжали по Пермской губерніи; тамъ, въ одномъ селѣ живетъ простой священникъ, котораго даже въ Европѣ знаютъ, какъ талантливѣйшаго математика. А вотъ вы, русская, врядъ ли имя его слыхали...

Поѣздъ опять тронулся, и Наташа подумала, что съ такимъ спутникомъ дорога не можетъ быть утомительной.

ДОРОЖНЫЯ БЕСѢДЫ

Отецъ Яковъ могъ бы чувствовать себя совсѣмъ счастливымъ: новыя мѣста, новые люди и красота природы несказанная, — все, что требовалъ его безпокойный, бродяжническій духъ. Въ Самарѣ, куда онъ попалъ прямо изъ Москвы, онъ отлично устроилъ свои малыя дѣла и раздобылъ денегъ гораздо больше, чѣмъ могъ надѣяться. Тамъ въ земствѣ оказался пре-восходный и про-свѣ-щеннѣйшій человѣкъ, самъ по природѣ бродяга и страстный любитель разныхъ бытовыхъ примѣчательностей, которыми занимался отецъ Яковъ. Два вечера проговорили о Пошехоньѣ, о тульскихъ мѣдникахъ, вяземскихъ прянишникахъ, уральскихъ кустаряхъ, архангельскихъ сказителяхъ, владимирскихъ офеняхъ, серебряныхъ блюдахъ сассанидской династіи, найденныхъ въ прикамскихъ курганахъ, о теплоуховской коллекціи, зырянахъ и вогулахъ, старцѣ Кузьмичѣ и еще о мно-

томъ, что имъ было вѣдомо и дорого и о чемъ ученые узнаютъ только отъ мѣстныхъ простачковъ. Въ заключеніе отецъ Яковъ не только пристроилъ готовыя статейки, которымъ не нашлось мѣста въ столичныхъ изданіяхъ, а даже получилъ авансъ за двѣ книжки, написать которыя обѣщался незамедлительно; одна — «По мѣстнымъ музеямъ сѣвера», а другая — «Дурачки, юродивые и кликуши по теченью Волги отъ истоковъ до устья». Удача исключительная! Впервые труды отца Якова были оцѣнены знающимъ и про-свѣ-щеннѣйшимъ человѣкомъ! И еще было ему обѣщано устраивать въ трехъ газеткахъ, въ Самарѣ, Казани и Нижнемъ, его будущія «Замѣточки землепрохода». Наконецъ, новый знакомый предложилъ свидѣтелю исторіи хранить въ своемъ архивѣ, въ полнѣйшемъ секретѣ и въ неприкосновенности, всѣ тетрадочки «Лѣтописи отца Іакова Кампинскаго», каковыя онъ и долженъ отовсюду выписать, привести въ порядокъ и передать въ запечатанномъ видѣ, чтобы, въ случаѣ какого несчастія, все полностью осталось для потомства.

Это ужъ не просто удача, это — истинное счастье! И съ деньгами въ карманѣ широкой рясы, отецъ Яковъ погрузился въ поѣздъ и направился по Великому Сибирскому Пути. А въ портфелѣ его прибыло много новыхъ и самонужнѣйшихъ адресовъ и рекомендацій.

И въ пути повезло: познакомился съ отмѣннымъ ученымъ и пріятнѣйшимъ человѣкомъ, членомъ экспедиціи въ Монголію отъ Географическаго Общества. Ѣхали, правда, въ разныхъ вагонахъ, но на многихъ станціяхъ встрѣчались и вступали въ бесѣду.

И лишь одно омрачило прекрасное настроеніе отца Якова: въ тотъ же поѣздъ сѣла въ Челябинскѣ молодая особа, какъ будто та самая, которую онъ видѣлъ въ Петербургѣ въ высокомъ учрежденіи и которая очень ужъ

была похожа на преступную дочь рязанскаго доктора, нынѣ находящуюся въ бѣгахъ. Вотъ странная судьба! Отъ чего бѣжалъ — съ тѣмъ и встрѣтился! А если это она, и если ее въ пути обнаружатъ и заберутъ, и если окажется тутъ же поблизости запрещенный попъ, передавшій ей въ тюрьму баночку варенья, и если сопоставятъ, что это онъ и пристроилъ въ ту же тюрьму сироту Анюту, — хоть и не виноватъ онъ, а кто повѣритъ, что все это является дѣломъ чистаго случая? И такъ какъ безумная храбрость не была въ числѣ добродѣтелей отца Якова, то на душѣ его было нѣсколько тревожно: какъ бы не вышло непріятной исторіи!

И тревожно и, однако, весьма пре-лю-бо-пытно! Можно бы безъ труда задержаться въ пути денекъ и поотстать, — но и загадку разгадать очень хочется! Можетъ случиться, что раскроется она безъ всякаго риска и жизненныхъ осложненій. Впрочемъ отецъ Яковъ и безъ того почти не сомнѣвался, что съ нимъ въ поѣздѣ, печальнымъ трауромъ прикрывшись, ѣдетъ страждущаго родителя отчаянное дитя. Кого видѣлъ разъ, того отецъ Яковъ не забывалъ; а дочку Калымова, когда она была, правда, еще помоложе, отецъ Яковъ видѣлъ не разъ; это только она могла его, попа, запамятовать, а онъ не изъ такихъ. И въ Питерѣ была она же парадной барыней, и тутъ она же въ черной вуали! Ошибиться трудно!

Послѣ Омска, выждавъ контроль, отецъ Яковъ, всегда осторожный, спросилъ кондуктора:

— А что, милый человѣкъ, если пройду я въ помѣщеніе второго класса повидать пріятеля, — съ билетикомъ недоразумѣнія не выйдетъ?

— Отчего же не пройти, батюшка, пройдите, у насъ не строго.

— То то я думаю, чтобы штрафа не уплатить потомъ!

— Проходите свободно. Это которые ѣдутъ зайцемъ, а вы лицо духовное.

Сообщенія между вагонами не было, и на ближайшей станціи, подобравъ полы рясы, отецъ Яковъ занесъ ногу на лѣсенку вагона второго класса.

— Самъ ты, попъ, въ огонь лѣзешь! А впрочемъ можетъ статься, что ничего особеннаго, а одно недоразумѣніе.

Въ купе было двое — Бѣловъ и дама. Отецъ Яковъ поклонился, въ глаза дамѣ не глядя, и произнесъ съ пермяцкимъ оканьемъ:

— А роскошно, роскошно живете! Диваны мягкіе и всѣ удобства. Хороши наши дороги, говорятъ — лучше европейскихъ.

— Присаживайтесь, батюшка. Вотъ и со спутницей познакомьтесь, тоже въ Иркутскъ ѣдетъ.

— Очень пріятно! Яковъ Кампинскій, священнослужитель и землепроходъ.

Наташа поздоровалась безъ особой привѣтливости.

— Удовольствія ради или родственниковъ имѣете въ сибирской столицѣ?

Спросилъ совсѣмъ, какъ тогда: «родственниковъ имѣете въ государственномъ совѣтѣ?». И она отвѣтила:

— Ѣду ненадолго къ роднымъ.

— А откудова изволите ѣхать?

Что она отвѣтила ему тогда на такой же вопросъ? Кажется, что она москвичка!

— Ѣду изъ Москвы.

Отецъ Яковъ прикинулъ въ головѣ, что путь изъ Москвы словно бы попроще, и нѣтъ надобности пересаживаться въ Челябинскѣ съ сѣвернаго поѣзда. Но дѣло

не его, могли быть у молодой особы заѣзды въ другіе города.

— Вопросъ нескромный — имѣли тяжкую потерю? Говорю въ разсужденіи печальнаго наряда.

Назойливый, однако, попъ! Наташа сказала, что у нея умеръ мужъ. Отецъ Яковъ выразилъ соболѣзнованіе, прибавивъ, что людямъ посылается испытаніе, но что годы приносятъ, если не забвеніе, то утѣху въ невознаградимой потерѣ. Еще полюбопытствовалъ:

— По имени-отечеству какъ звать прикажете?

— Ольга Сергѣевна.

«Сергѣевна — это точно» — подумалъ отецъ Яковъ. «Но помнится, что скорбный родитель называлъ Натулей, значитъ, Наталья. И однако возможно и недоразумѣніе. Держится увѣренно молодая особа!».

И вдругъ она сама, прямо и безъ робости, сказала:

— А я васъ, батюшка, кажется раньше встрѣчала, только не помню гдѣ. Словно бы въ Петербургѣ на какомъ то засѣданіи. Въ Петербургѣ вы не бывали?

Отъ неожиданности отецъ Яковъ смутился и отвѣтилъ уклончиво:

— Кто-жъ не бывалъ въ сей столицѣ! Градъ Петровъ и окно въ Европу. По малымъ моимъ дѣламъ бывалъ повсюду, а гдѣ не бывалъ — наровлю побывать.

А про себя подумалъ: «А смѣла, смѣла!»

Прогромыхалъ мостъ, и заговорили о сибирскихъ рѣкахъ, объ Енисеѣ и Оби, и о томъ, что рѣка Лена въ своемъ устьѣ достигаетъ ширины въ нѣсколько сотенъ верстъ, такъ что, собственно, и представить трудно: на такомъ пространствѣ въ Европѣ умѣщается цѣлое государство. Бѣловъ разсказывалъ про озеро Байкалъ, какъ въ большіе морозы на немъ замерзаютъ при всплескѣ волны, да такъ и остаются замерзшими громадами до оттепели. Говорили о рыбѣ кетѣ, которая поднимается

вверхъ по теченію рѣкъ въ такомъ несмѣтномъ количествѣ, что вываливается на берега и служитъ пищей разному звѣрью, о Пріамурьѣ, гдѣ зима суровая, а лѣтомъ растетъ виноградъ, и гдѣ въ кедровыхъ лѣсахъ, увитыхъ ліанами, водятся тигры, — и вообще о чудесахъ и богатствахъ Сибири. Все это Бѣловъ видѣлъ, а Наташа и отецъ Яковъ постигали руссѣйшими своими сердцами, и постигая — гордились, что вотъ она какая Россія, шестая часть свѣта! Въ разговорахъ забыли про малыя свои дѣла и личныя безпокойства. И совсѣмъ нечаянно, увлекшись, Наташа сказала:

— А вотъ у насъ, на Окѣ...

Спохватилась и добавила, что это ей разсказывали, какъ однажды на Окѣ, подъ Рязанью, поймали мужики огромную бѣлугу. Отецъ Яковъ и глазомъ не моргнулъ, только погладилъ бороду:

— Бываетъ на россійскихъ рѣкахъ всякое, и однако супротивъ сибирскихъ онѣ много поменѣ.

Но въ дальнѣйшемъ замолчалъ, а на ближайшей станціи, попрощавшись, пересѣлъ въ свой вагонъ.

— Портфельчикъ тамъ у меня остался, а народъ садится всякій. И дѣло къ вечеру — подремать въ пути не грѣшно. Прощенья просимъ!

....

Въ сторонѣ остался Томскъ, миновали Красноярскъ, Канскъ, Нижнеудинскъ, и къ концу многодневнаго пути подъѣзжали къ Иркутску. Совмѣстное путешествіе сближаетъ, и Наташѣ казалось, что она давно и хорошо знаетъ Ивана Денисовича. Онъ не только интересный человѣкъ, а и удивительно тактичный. Много разъ имѣлъ поводъ задать ей какой нибудь вопросъ, на который ей было бы трудно отвѣтить, пришлось бы выдумывать отвѣтъ, — и ни разу онъ этого не сдѣлалъ. Спросилъ толь-

ко, гдѣ она училась; она отвѣтила, что была на курсахъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и больше онъ не разспрашивалъ. А между тѣмъ именно такому человѣку можно, повидимому, во многомъ довѣриться.

За часъ до пріѣзда онъ спросилъ:

— Вы что же, останетесь въ Иркутскѣ надолго?

Она помедлила отвѣтомъ, потомъ сказала:

— Я и сама не знаю, Иванъ Денисовичъ, это не отъ меня зависитъ.

Открыться ему? Наташа вдругъ почувствовала, что здѣсь, въ огромномъ краѣ, подъ чужимъ именемъ, безъ вѣрныхъ друзей, съ однимъ какимъ то адресомъ въ памяти (она не смѣла записать адреса), она одинока и беззащитна. А если адресъ невѣренъ или этотъ человѣкъ уѣхалъ, или, еще хуже, арестованъ? И вдругъ, отъ простой случайности, сибирскіе просторы сузятся до четырехъ стѣнъ камеры, заграница опять станетъ смѣшнымъ мечтаніемъ, и опять появится на стѣнѣ календарь съ зачеркнутыми цифрами! И чудо исчезнетъ и окажется сномъ!

Она повторила:

— Да, къ сожалѣнію, это зависитъ не совсѣмъ отъ меня. Сама не знаю, что со мной будетъ.

Онъ промолчалъ, не разспрашивалъ, но посмотрѣлъ съ любопытствомъ. Наташа продолжала:

— Мнѣ бы нужно ѣхать дальше, совсѣмъ дальше!

— Да куда же дальше? Во Владивостокъ? Или прямо въ Китай? Вы и такъ далеко заѣхали отъ Москвы.

— Въ Москвѣ мнѣ дѣлать нечего. Мнѣ и нельзя возвратиться въ Москву. Можно вамъ открыть одну личную тайну?

Онъ очень серьезно и очень участливо отвѣтилъ:

— Пожалуйста, если вамъ нужно и если довѣряете.

— Я вамъ вполнѣ довѣряю. Мы съ вами знакомы

мало, но вы такой человѣкъ, что невольно довѣришься. Дѣло въ томъ, что у меня въ Иркутскѣ никакихъ родственниковъ нѣтъ, и сама я не та. То есть я вовсе не вдова, и зовутъ меня иначе, и вообще... Однимъ словомъ... Вы не слыхали про побѣгъ двѣнадцати каторжанокъ изъ московской тюрьмы?

— Я въ политическихъ дѣлахъ слабъ. Но что то, кажется, читалъ. Это было нынѣшнимъ лѣтомъ?

— Да, въ іюлѣ.

— Кажется съ помощью надзирательницы? Что то довольно эффектное и очень удачное?

— Ну вотъ. Я, Иванъ Денисовичъ, одна изъ нихъ.

Бѣловъ посмотрѣлъ съ еще большимъ любопытствомъ.

— Такъ. На каторжанку вы не похожи. Вотъ какая исторія...

— Теперь мнѣ нужно уѣхать за границу. Тамъ меня не рѣшились переправить, а здѣсь хотятъ попытаться черезъ Китай. Но у меня еще нѣтъ даже заграничнаго паспорта.

Помолчали. Потомъ онъ разсмѣялся:

— А зачѣмъ вы объ этомъ разсказываете? Пожалуй не слѣдовало бы!

— Я и сама не знаю, зачѣмъ. Просто, мнѣ захотѣлось вамъ довѣриться. Вы такой человѣкъ...

— Болтать я, конечно, не стану. А вотъ чѣмъ же вамъ помочь? Средства у васъ имѣются на поѣздку?

— Да, денегъ у меня достаточно, даже много. А мнѣ нужно...

Что, собственно, ей нужно? Ей было нужно разсказать о себѣ этому пожилому, увѣренному, внимательному и вѣрному человѣку, — вотъ и все. А зачѣмъ нужно — она и сама не знала. Дѣйствительно, она поступила, какъ дѣвочка, взяла и покаялась! Все время одна со сво-

ими думами и опасеніями, а тутъ еще этотъ попъ... Что ждетъ въ Иркутскѣ — неизвѣстно, и рядомъ ничьей дружеской поддержки и помощи. Наташа смущенно молчала.

— Въ Китай, видите, проѣхать не трудно, но какимъ путемъ? Вы какъ предполагали?

— Я ничего не предполагала. Я думала — просто съ паспортомъ.

— Но вѣдь на границѣ есть же наблюденіе. Можетъ быть васъ узнаютъ! Есть тамъ своя полиція.

— Вотъ я этого и боюсь, хотя говорятъ, что здѣсь легче. У меня есть явка въ Иркутскъ, можетъ быть, мнѣ устроятъ.

— Ну что-жъ, давай Богъ. Вы, я вижу, смѣлая!

— Была смѣлая, а сейчасъ и сама не знаю.

— Въ случаѣ чего, если не устроитесь, попытайтесь найти меня. Я пробуду въ Иркутскѣ недѣлю, затѣмъ въ Верхнеудинскъ, а оттуда наша экспедиція двинется въ Монголію. Вы запишите мой адресъ.

— Я запомню, я ничего не записываю.

— Ну запомните. И въ случаѣ чего... Надо васъ какъ нибудь вывозить.

— Вы правда мнѣ поможете, Иванъ Денисовичъ?

— Это ужъ не знаю, но вѣдь не пропадать же вамъ!

Подумавши прибавилъ:

— Можетъ быть на Кяхту. Вы физически здоровы?

— То есть какъ? Я ничѣмъ не больна.

— Я насчетъ выносливости. Верхомъ умѣете ѣздить?

— Да, я вѣдь жила въ деревнѣ.

— Ну, деревня это не то. Такъ вотъ, въ случаѣ чего — навѣдайтесь. А пока — не очень откровенничайте. Вы и отцу Якову думаете исповѣдоваться?

Наташа отвѣтила серьезно и озабоченно:

— Ему — нѣтъ. Но я боюсь, что онъ знаетъ больше вашего. Во всякомъ случаѣ я его знаю, онъ хорошъ съ моимъ отцомъ и зналъ меня еще дѣвочкой.

Какъ ни былъ удивленъ почтенный геологъ признаніемъ спутницы, но при этой новой неожиданности удивился еще больше:

— Вонъ какъ! Ну, знаете...

ГОРОДОКЪ БОЛТЛИВЫЙ

Въ Иркутскѣ первый снѣгъ, хотя еще тепло. На другой день по пріѣздѣ Наташа отыскала нужныхъ людей, и была встрѣчена не просто привѣтливо, а почтительно, какъ героиня и революціонная знаменитость. Ее непріятно поразило, что объ ея пріѣздѣ знали многіе и, очевидно, большой тайны изъ этого не дѣлали. Конечно, Иркутскъ не Москва, полицейскій аппаратъ дѣйствуетъ здѣсь медленнѣе, но и городъ меньше, такъ что новый человѣкъ больше на виду.

Прежде всего пришлось позаботиться о теплой одеждѣ; въ краю суровыхъ морозовъ и пушного звѣря это не оказалось труднымъ. За то о главномъ, о хорошемъ заграничномъ паспортѣ, ей прямо отвѣтили:

— Да откуда же взять? Здѣсь у насъ невозможно, нужно было раньше позаботиться! Попытайтесь какъ нибудь такъ проѣхать, но нужно хорошо знать дорогу, а зимой трудно. Да почему же вы избрали такой сложный кружный путь черезъ Азію?

— Ничего я не избирала, за меня избрали другіе. Было нѣсколько арестовъ при переходѣ границы, связи порвались, а ѣхать подъ чужимъ именемъ обычнымъ путемъ мнѣ нельзя, меня легко узнаютъ. Вотъ и придумали, что я поѣду черезъ дальній Востокъ, гдѣ ужъ ко-

нечно никто меня не выслѣдитъ, и что вы достанете мнѣ хорошій паспортъ.

— Невозможно! У насъ теперь совсѣмъ другія условія! На восточной границѣ надзоръ строгій, многіе бѣгутъ съ каторги и съ поселенія. А главное — зима, время неподходящее.

Наташа не на шутку разсердилась: выходитъ, что товарищи ее подвели и только сбыли съ рукъ. Не оставаться же въ Сибири и ждать здѣсь ареста! При здѣшней простотѣ революціонныхъ нравовъ, черезъ недѣлю весь городъ узнаетъ о посѣщеніи его такой «важной особой!» Или ѣхать дальше по такимъ же адресамъ, отъ этапа къ этапу, пока не окажешься въ ловушкѣ.

Въ хлопотахъ прошло дней пять, и дѣло не двинулось. Мало того, ее предупредили, что нужно быть осторожной и меньше показываться на людяхъ; и относительно ночлега затруднительно. Жить въ гостинницѣ, конечно, нельзя, а частныя квартиры тоже не безопасны. Это прежде было просто, а сейчасъ все перемѣнилось. Главное — нельзя вполнѣ довѣряться людямъ.

Однажды встрѣтила на улицѣ своего попутчика, отца Якова, который сразу ее узналъ, хотя она и прятала лицо въ мѣхъ новой шубы.

— Вотъ Господь то и привелъ встрѣтиться. Каковъ городъ то, прекрасный городокъ! И однако морозно-морозно!

На отцѣ Яковѣ была огромная не первой молодости доха и высокая мѣховая шапка. Носъ его былъ краснѣе обычнаго.

Наташа, поздоровавшись, хотѣла пройти, но отецъ Яковъ преградилъ ей дорогу и быстро и путано заговорилъ, опасливо оглядываясь по сторонамъ:

— И не великъ городъ Иркутскъ, а все-же — сибирская столица! Народецъ хорошъ, основательный, но и

поговорить любитъ. И лишняго тоже не мало говорятъ! Сейчасъ посѣтилъ редакцію мѣстной газетки, и наслушался тамъ всякаго. И знаютъ все, и болтаютъ про все: кто пріѣхалъ, да зачѣмъ пріѣхалъ, да кто куда собирается, — народецъ любопытствующій и болтливый. Осуждать не хочу, однако не хорошо!

— Про кого болтаютъ, батюшка?

— Про разныхъ людей, про всякаго человѣка. Мнѣ то ничего, а иному, напримѣръ, и неудобно. Иной можетъ и не хотѣлъ бы. И не со зла болтаютъ, а по крайнему легкомыслію, одинъ другому по секрету, а тотъ слѣдующему. Такой городокъ — провинція! А глядишь — что нибудь непріятное и выйдетъ. Хотя дѣло, конечно, не мое. Ивана то Денисыча, содорожника нашего, не видали?

— Нѣтъ. А онъ еще не уѣхалъ?

— Долженъ быть здѣсь, а точно знать не могу. И однако — прошу прощенья, что задержалъ. Пріятно было встрѣтиться! Городокъ, говорю, хорошій, а заживаться въ немъ не для всякаго интересно.

Низко поклонился, снявъ и снова нахлобучивъ шапку, и заспѣшилъ, шаркая огромными кожаными ботами.

Наташа удивилась: «Зачѣмъ онъ разсказалъ про какую то болтовню? О комъ? Не обо мнѣ же? Странный попъ!».

Вечеромъ пошла по адресу, который далъ Бѣловъ. Застала его дома за укладкой чемодановъ и какихъ-то вьюковъ. Онъ встрѣтилъ очень привѣтливо.

— Ну, какъ ваши дѣла?

— Плохи, Иванъ Денисовичъ. Потому и пришла къ вамъ.

— Безъ этого не пришли бы?

— Мнѣ по гостямъ ходить неудобно, вы знаете.

— Но все таки — какъ-же?

— Помогите мнѣ.

— Я такъ и ожидалъ. Геройскіе подвиги — это одно, а дѣловые хлопоты — другое. Значитъ — окончательно ничего не получается?

— Окончательно. То есть ничего опредѣленнаго. А ждать я не могу.

— Понимаю. Тутъ, между прочимъ, ко мнѣ забѣгалъ этотъ попъ, отецъ Яковъ, и что то болталъ не очень связное насчетъ городскихъ сплетенъ, что иной и подъ чужимъ именемъ не можетъ скрыться, и что такимъ людямъ лучше здѣсь и не жить. Я подумалъ — не про васъ ли онъ говоритъ? Можетъ быть что нибудь слышалъ, а прямо сказать не можетъ.

— Онъ и мнѣ тоже говорилъ, я его встрѣтила.

— Ну вотъ видите. Это онъ не спроста — попъ хитрый. Болтается по редакціямъ, а тамъ всякіе слухи ловятъ. Лучше вамъ уѣхать.

— Я затѣмъ и пришла.

Подумавши, Бѣловъ спросилъ:

— А вы языки то знаете?

— Только французскій.

— Ну, хоть это. Какъ же я васъ долженъ теперь звать?

— Зовите меня просто Наташей, конечно — не при другихъ.

— Ну, Наташа, только условіе: чтобы никто ничего не зналъ, особенно изъ вашихъ здѣшнихъ друзей-заговорщиковъ! Обѣщаете?

— Конечно.

— Это — въ вашихъ же интересахъ. Я о васъ тутъ думалъ и соображалъ. Окончательно выяснимъ въ пути; можетъ быть до Кяхты выдадимъ васъ за иностранную туристку, тамъ увидимъ. Но вамъ нужно хорошо экипироваться, путь трудный; это стоитъ не дешево.

— У меня денегъ хватитъ. Значитъ вы меня берете съ собой?

— Да вѣдь куда же я васъ дѣну иначе? Приходится. Выѣдемъ завтра, пробудемъ недѣлю въ Верхнеудинскѣ, и — въ окончательный путь.

— Куда?

— Какъ куда? Въ Застѣнный Китай, черезъ Гоби, — а тамъ куда хотите.

— Какъ же я проѣду?

— Проѣдете просто, съ экспедиціей. Вамъ объ этомъ думать не придется и безпокоиться нечего. Только — полнѣйшая тайна, чтобы и объ отъѣздѣ вашемъ никто не зналъ! Рѣшено?

— Я вамъ такъ благодарна!

— За это вы мнѣ потомъ все о себѣ разскажете.

— Хоть сейчасъ!

— Нѣтъ, потомъ. Ну — давайте руку. А теперь поговоримъ серьезно о дѣлахъ хозяйственныхъ.

....

Минутъ за десять до отхода поѣзда по станціи металась грузная фигура въ допотопной дохѣ и боярской мѣховой шапкѣ; пробѣжала всю платформу, стараясь заглянуть въ окна вагоновъ. Но окна внизу были покрыты морознымъ узоромъ, и фигура напрасно подпрыгивала, распахивая полы шубы. Наконецъ, не безъ труда, едва не потерявъ глубокую кожаную калошу на обледенѣлой ступени, отецъ Яковъ проникъ въ вагонъ второго класса.

— А успѣлъ все таки, успѣлъ! Думалъ — ужъ и не найду, а успѣлъ. Почтенному ученому пожать руку на дальній путь и пожелать удачи въ достиженіяхъ.

— Спасибо, батюшка. А вы что же, остаетесь? Или на Байкалъ?

— Побываю, побываю, если Господь доведетъ, но сейчасъ неспособно; а попросту сказать — малоденежно. Вотъ на васъ же заработаю, тогда и прокачусь.

— Какъ это на мнѣ заработаете?

— Опишу счастливую встрѣчу для газетокъ. Публика то интересуется экспедиціей, а мы, газетчики, пользуемся. Дурного не напишу, а пріятнымъ знакомствомъ похвастаюсь, и кое что изъ разговоровъ, если не воспретите.

— Сдѣлайте одолженіе, батюшка, мы изъ поѣздки секрета не дѣлаемъ.

Второй звонокъ. Отецъ Яковъ еще разъ жметъ руку геолога и растерянно оглядывается.

— То ли показалось, то ли и вправду видѣлъ издали нашу прошедшую спутницу. Думалъ и ей откланяться.

— Развѣ? Не знаю, не замѣтилъ.

— Значитъ ошибся!

Еще есть минутъ пять времени. Тяжелая доха бѣжитъ бочкомъ черезъ сосѣдній вагонъ. У окна — фигура женщины, закутанной въ сѣрый мѣхъ.

— Боюсь обознаться, а кажется и не ошибся?

Наташа недовольно повертывается.

— Ахъ, это вы, батюшка? Тоже ѣдете?

— Ѣхать не ѣду, а вотъ провожалъ бывшаго содорожника въ дальній ученый путь, да и васъ увидѣлъ случайно. Пожелаю и вамъ желаемыхъ достиженій и пріятнаго путешествія.

Наташа протягиваетъ руку:

— До свиданья, батюшка!

— Ужъ гдѣ же до свиданья, правильнѣе сказать — прощай надоѣдливый попъ Яковъ! И однако хотѣлъ при послѣднемъ моментѣ знакомства нескромно вопросить,

изволили ли въ свое время получить баночку вишневаго варенья?

— Какую баночку?

— Малая баночка, вишня безъ косточки, ваша любимая! А привезъ ее единожды изъ города Рязани запрещенный попъ Яковъ Кампинскій отъ страждущаго родителя.

— Я не понимаю, батюшка.

— А понимать сейчасъ и не нужно, потомъ поймете. Отъ страждущаго родителя Сергѣя Павловича — родной дочери въ мрачную темницу. Тому назадъ мѣсяца четыре. Однако лишь къ слову напомнилъ, чтобы знали, что встрѣчный попъ — не врагъ, а истинный другъ. И затѣмъ — прошу принять прощенье!

Наташа растерянно опять подала руку.

Послышался третій звонокъ. Отецъ Яковъ совсѣмъ заторопился, подобралъ полы и уже на ходу крикнулъ:

— Анютѣ то, Анютѣ кланяйтесь, ежели встрѣтите гдѣ! Покойнаго друга дочь, знавалъ дитятею!

Неуклюже вывалился на площадку вагона и сошелъ почти на ходу, шаркая калошами по холодному камню.

Вагоны прошли мимо него, но въ окна ничего видно не было. Отецъ Яковъ постоялъ, пропустилъ весь составъ поѣзда, запахнулся потеплѣе и побрелъ къ выходу.

— А успѣлъ, успѣлъ. Конечно — не сдержался попъ, выдалъ себя головой! И все таки — будетъ пріятно узнать страждущему родителю, если еще доведется съ нимъ свидѣться. А по совѣсти сказать — случайность прерѣдкостная! Лю-бо-пытно!

РУБИКОНЪ

Красота міра открывается человѣку одинъ разъ; только очень счастливому — повторно, и очень несчастному — никогда. И когда она предстанетъ передъ глазами, — человѣкъ уже не тотъ: изъ профана онъ сталъ посвященнымъ.

Съ этой поры мѣриломъ всѣхъ цѣнностей будетъ для него видѣнное: для высоты — гора, для дали — море, для игры свѣта — прозрачный воздухъ. И это на всю жизнь: вспоминать въ счастьѣ, въ несчастьѣ, въ праздникъ и въ сѣрые будни, съ окрытыми и съ закрытыми глазами. Единственное богатство, которое не растратится.

Холодная Ангара, изумительный Байкалъ, потомъ сразу — кочевья, значитъ бываетъ и такая жизнь, а номады — тоже люди; дальше — живая картина застывшихъ въ недвижности вѣковъ и культуръ; человѣчки, живущіе крохами быта и безграничнаго созерцанія, и ихъ трупы, выброшенные голоднымъ собакамъ; сѣрыя куропатки вблизи монгольскихъ жилищъ, налетающій на нихъ въ безмолвьѣ хищный соколъ, и снова — снѣговыя дали, окрашенныя огненнымъ золотомъ, и на пескахъ, кажущихся въ морозъ горячими, странное священное сооруженіе изъ камней и сухихъ древесныхъ вѣтвей съ нанизанными на нихъ бараньими лопатками и лоскутами цвѣтныхъ матерій.

Горные хребты, томительные перевалы, однообразный путь, ночлеги, какихъ никогда не представляло воображеніе, длинная цѣпь верблюдовъ, непонятная и неодолимая сонливость при легкомъ, здоровомъ дыханьѣ, спускъ, подъемъ, и опять — спускъ, подъемъ,—и вдругъ,

съ высоты Толой-готу открывается строгая красота горы Богдо-ола, въ восьмидесяти ущельяхъ которой, въ высокоствольныхъ лѣсахъ и на пестрыхъ полянахъ—рай звѣрей и птицъ, охраняемыхъ строжайшимъ запретомъ ихъ касаться и нарушать ихъ покой и радость. Повѣрить ли? Человѣкъ, тотъ самый человѣкъ, который убиваетъ и уничтожаетъ все живое и называетъ это культурой, — вдругъ этотъ человѣкъ, павъ ницъ передъ красотой, понялъ, приказалъ и исполнилъ: да будетъ жизнь лѣсовъ, птицъ и звѣрей священной горы — свята и неприкосновенна! Это случилось два вѣка назадъ — и осталось донынѣ. Въ глубинѣ горы Богдо-ола монастырь въ честь Манчжуршй — бога мудрости.

Все необыкновенно — съ минуты выѣзда до конца пути, такъ ярко, что не можетъ быть сномъ, хотя развѣ это — дѣйствительность? Все совсѣмъ иное, а той, прежней жизни нѣтъ и словно бы не было: когда учились по книжкѣ, питали въ себѣ любовь и ненависть по указанному трафарету, гибли по программѣ и мечтали о томъ, что не стоило мечтанiй; жили безъ мудраго углубленія и безъ разсчета по вѣкамъ — только зломъ и благомъ сегодняшняго дня.

Выѣхали въ морозный день, въ кибиткѣ, на быстрыхъ лошадяхъ, и такъ — до пограничнаго китайскаго городка, откуда выплыли уже кораблями пустыни. Заиндевѣлыя, укутанныя въ мѣха фигуры на спинахъ маленькихъ выносливыхъ лошадей, тоже бѣлыхъ отъ инея. Позади караванъ верблюдовъ съ огромными, мѣрно качающимися вьюками. Разговаривать и не о чемъ и невозможно; только на привалахъ, если сонъ одолѣетъ не сразу.

О чемъ они говорятъ? О горныхъ породахъ, о барометрѣ, о томъ, что нынче видѣли орловъ и грифовъ, жестоко дравшихся изъ за добычи, и что огромная стая

птичекъ на свободныхъ отъ снѣга лощинахъ — несомнѣнно жаворонки. Какъ? Та самая невидимая птичка, которая въ знойный день поетъ высоко въ небѣ надъ полями ржи? Наташа на минуту вспомнила свою Федоровку — но только на минуту. Тотъ міръ ушелъ — и былъ онъ совсѣмъ маленькимъ и ненужнымъ. А еще на стоянкахъ разбирали и разсматривали находки, подарки и покупки: ходакъ — платъ счастья, подаренный въ напутствіе экспедиціи буддійскимъ хамболамой, цѣлый мѣшокъ палеозойскихъ окаменѣлостей, найденныхъ въ урочищѣ Шара-хада, чучело бѣлой полярной совы и съ трудомъ пріобрѣтенный буддійскій молитвенный колокольчикъ. Какъ дѣти, любовались вещами и вещичками, а говорили о нихъ серьезно и знающе.

До границы Застѣннаго Китая была еще Россія, — та самая, что на западъ уходила за Варшаву. Но Наташа уже не испытывала безпокойства: прежняя жизнь ушла. Даже и не разспрашивала, какъ это будетъ? Еще въ поѣздѣ, когда ныряли въ туннели, огибая Байкалъ, Бѣловъ сказалъ ей:

— Вамъ вообще не о чемъ думать и безпокоиться. Вы — подъ нашимъ высокимъ покровительствомъ!

— А не доставлю я вамъ неожиданныхъ хлопотъ и непріятностей?

— Говорю — не думайте. Проѣдете не только просто, а и съ почетомъ. Смотрите по сторонамъ, а думать и говорить за васъ буду я.

И дѣйствительно — никто ни о чемъ ея не спросилъ, и она даже не замѣтила, въ какомъ мѣстѣ форма русскихъ чиновниковъ смѣнилась краснымъ шарикомъ на шляпѣ монгольскаго цзангина, начальника почтовой станціи. Всю первую недѣлю, отъ Верхнеудинска до Кяхты, она ѣхала въ нанятой для нея кибиткѣ, какъ случайная попутчица экспедиціи, въ огромной шубѣ сверхъ

полушубка и въ сибирскихъ пимахъ. Дальше, уже на монгольской землѣ, Бѣловъ познакомилъ ее съ товарищами по путешествiю, и никто не удивился, что она — русская и ѣдетъ черезъ Ургу куда то къ своимъ роднымъ, живущимъ подъ Пекиномъ. Эти люди, занятые каждый своимъ дѣломъ, привыкшiе ко всякимъ случайностямъ и встрѣчамъ, были вѣжливы, привѣтливы и не досаждали разспросами. Каждый ѣдетъ, куда хочетъ и куда ему надо; если онъ достаточно выносливъ — почему ему не продѣлать путь, нѣсколько необычный? Для нихъ, направлявшихся въ неизслѣдованныя мѣстности на цѣлые два года, — черезъ центральную Гоби, мимо много вѣковъ тому назадъ умершихъ городовъ и поселковъ, — для нихъ простой караванный путь черезъ Ургу и дальше казался обычной проѣзжей дорогой, а ихъ сравнительно недальняя спутница — обыкновенной путешественницей.

На первой монгольской станцiи Бѣловъ ее поздравилъ:

— Ну, Рубиконъ перейденъ! Вы довольны?

— Я должна быть довольна, но главное — я вамъ благодарна.

— Правъ былъ я, что все это довольно просто?

— Да, я даже не замѣтила. Кто тотъ господинъ, который провожалъ насъ въ Кяхтѣ и такъ почтительно со мной раскланялся?

— Это былъ русскiй консулъ, милѣйшiй человѣкъ.

Оба они разсмѣялись.

— Когда же будете разсказывать о себѣ?

— Когда хотите.

— Много страшнаго натворили?

— Много: на мнѣ кровь.

— Тогда не нужно разсказывать. Да и вы лучше не предавайтесь воспоминанiямъ, а больше созерцайте. Мы

— въ странѣ созерцанія. То, что вы сейчасъ видите, вамъ врядъ ли придется еще разъ видѣть. Здѣсь все — особенное, и природа, и люди; все намъ непонятное. Вы поѣдете съ нами до Урги, а дальше вашъ путь прямо, а нашъ въ сторону, но оба — черезъ настоящую пустыню, черезъ Гоби.

— А что такое Урга?

— Священный городъ, духовная столица Монголіи, гдѣ живетъ самъ хухухта, безгрѣшный перерожденецъ, восьмой по счету.

— Это кто?

— А вы не знаете? А вообще о буддизмѣ что-нибудь читали?

— Мало. Помню что то... нирвана, небытіе...

— Почему небытіе? Напротивъ — абсолютное бытіе, вѣчный покой. Религія удивительная: въ ней нѣтъ ни Бога, ни безсмертія души, ни свободы воли, — но высокая религія, можетъ быть высочайшая и совершеннѣйшая. Ея конечный идеалъ — угасаніе жизненной суеты. Я думаю, что вамъ, послѣ пережитого, это должно быть близкимъ?

Въ раздумьѣ Наташа сказала:

— Я сейчасъ и сама не знаю, что мнѣ близко и что мнѣ чуждо. Я слишкомъ много и слишкомъ рано пережила. Можетъ быть жизненная суета меня утомила, а можетъ быть завтра опять меня потянетъ. Ничего я не знаю.

— Вотъ буддисты и говорятъ, что незнаніе — скрытый корень мірового страданія. Именно — незнаніе четырехъ священныхъ истинъ: истины о страданіи, о его происхожденіи, о его уничтоженіи и о путяхъ къ уничтоженію страданія. А страданіе — это и есть жизнь: рожденье, старость, смерть.

ТАКЪ ГОВОРИЛЪ СОВЕРШЕННЫЙ

Въ Ургѣ, священной столицѣ Монголіи, Наташа разсталась съ караваномъ русской экспедиціи, путь которой лежалъ на монгольскій Алтай. Добрый спутникъ Бѣловъ говорилъ ей, прощаясь:

— Ну, милая бѣглянка, дальше вы будете путешествовать самостоятельно; но я за васъ не боюсь, вы молодцомъ выдержали трудный путь.

Ее пристроили къ торговому каравану, гдѣ только двое сносно объяснялись по русски. Она была единственной женщиной въ караванѣ, и была одѣта, какъ всѣ, въ тяжелые мѣха, кожаные штаны, валеные сапоги, ушастую шапку и башлыкъ. Никто не спрашивалъ, кто она такая и зачѣмъ ѣдетъ: пустое любопытство чуждо равнодушному и сосредоточенному монголу. Большую часть пути приходилось ѣхать верхомъ.

Теперь начиналась настоящая Гоби, безкрайняя пустыня, песчаная скатерть со складками мягкихъ и скалистыхъ холмовъ. Отъ Кяхты до Урги въ пути еще попадались населенныя мѣста, станціонные домики, небольшіе монастыри, и было не мало встрѣчныхъ; за Ургой все это исчезло, и рѣзко измѣнилась не только природа, но какъ будто и самая раса рѣдкихъ кочевниковъ.

Здѣсь былъ вѣковой покой, отрицанье волнующей жизни, тупая сосредоточенность и покорность величію нѣмой пустыни. Не было счета дней — былъ только счетъ истекшихъ и предстоящихъ столѣтій, которыя не знали событій и не грозятъ ими въ будущемъ. У порога Гоби остановилась въ раздумьѣ наступающая цивилизація — и убоялась вступить въ ея пески.

Послѣднимъ впечатлѣніемъ Наташи былъ небольшой монастырекъ, обнесенный стѣной, передъ которой стаей бродили голодныя собаки-людоѣды. Онѣ ждали, когда лама, выполняя обычай, съ равнодушіемъ и презрѣніемъ къ падали, велитъ выбросить имъ тѣло умершаго. Это будетъ ихъ недолгимъ праздникомъ: съ окровавленными мордами онѣ будутъ рвать на части человѣческое тѣло, драться изъ за лучшихъ кусковъ и, закинувъ головы, съ наслажденіемъ чавкать; потомъ разнесутъ кости и будутъ грызть ихъ, держа въ лапахъ и ревниво озираясь. Потомъ опять — долгій голодъ и тупое ожиданье.

Какъ во снѣ, неспѣша уходили часы и дни, подъемы, спуски, недолгіе привалы. Ровный шагъ верблюдовъ, мягкій топотъ верховой лошади, мѣрное покачиваніе, смѣна свѣта сумерками, рѣдкій говоръ на непонятномъ языкѣ, даль впереди и даль позади, — точно не караванъ движется, а уходитъ подъ нимъ песокъ и замѣняется новымъ. Время рождается въ вѣчности и въ ней теряется.

Иногда вокругъ солнца появлялось кольцеобразное сіянье; иногда впереди внезапно вставала возвышенность, покрытая лѣсомъ, и сначала казалась очень близкой, потомъ отдалялась и блѣднѣла, наконецъ, исчезала совсѣмъ, — но и къ миражамъ привыкли глаза, и этотъ злой духъ пустыни не нарушалъ страннаго впечатлѣнія остановившагося бытія: часы шли, а стрѣлки часовъ не двигались.

Было очень холодно, но ощущеніе холода, вначалѣ сильное, въ пути замирало и исчезало. Можно было замерзнуть и незамѣтно умереть, не испытавъ никакого страданья. И можно было такъ же незамѣтно испепелиться на ослѣпительномъ солнцѣ: между холодомъ и зноемъ не было опредѣляющей границы. И совершенно

не думалось о томъ, что была такая то жизнь за плечами и предстоитъ такая то впереди, и что этотъ путь — только переходъ. Напротивъ, вотъ этотъ песчаный мостъ между жизнями и есть реальность, а бывшее и будущее — только миражъ. И все это — внѣ пониманія и выше пониманія, это существуетъ, но нѣтъ вопроса: почему?

Никто не толкнулъ потока жизни, никто его не остановитъ. За предѣлами пустыни, гдѣ люди живутъ тѣсно и бьются за клочекъ земли, которая ихъ кормитъ и будетъ ихъ могилой, — существуетъ вопросъ: «зачѣмъ?». Здѣсь такого вопроса нѣтъ. Безъ причинъ и цѣли возникло и существуетъ бытіе. Нѣтъ бытія безъ страданія и нѣтъ страданія безъ бытія. И бытіе, и страданіе — безначальны.

И сказалъ Пробудившійся, Познавшій, Возвышенный, Совершенный, великій Готама Будда:

«Такова святая истина: — рожденье есть страданье, старость есть страданье, болѣзнь есть страданье, смерть есть страданье, соединеніе съ немилымъ есть страданье, разлука съ милымъ есть страданье, недостиженіе желаемаго есть страданье. Все, что привязываетъ къ міру, есть страданье!».

Чѣмъ порождается страданье? — Жаждой бытія и земного наслажденья, жаждой творчества, жаждой власти.

Чѣмъ побѣдить страданье? — Искорененьемъ въ себѣ этой жажды, полнымъ отказомъ отъ желаній.

Человѣкъ, чувства котораго свободны отъ желаній, который живетъ безъ стремленій среди стремящихся, безъ вражды среди полныхъ вражды людей, безъ имущества среди имущихъ, безъ жажды бытія и безъ привязанностей къ преходящему, — тотъ человѣкъ живетъ

въ покоѣ и радости, и ему, Совершенному, завидуютъ боги!

. . . .

Иногда, совсѣмъ зачарованная пустыней и своимъ необыкновеннымъ путешествіемъ, Наташа пыталась сбросить съ себя сонъ и вслухъ себя спрашивала:

— Что это такое? Какъ это случилось? Гдѣ я? И неужели это, дѣйствительно, я?

Когда она переступила порогъ тюрьмы, она была полна радости, но радости земной и животной: спаслось тѣло! Теперь свершалось совсѣмъ иное — гораздо бобѣе значительное и важное: освобождался духъ. Никакихъ прежнихъ связывающихъ вѣрованій, обязательныхъ идей и выдуманныхъ программъ! Полная и совершенная свобода! Тоже радость — но особенная, безъ прежняго ощущенія себя и только себя, какъ центра вселенной, для котораго все только и существуетъ. Теперь она — песчинка въ безпредѣльности, лишенная ясныхъ желаній и жизненныхъ привязанностей. Ни прошлаго, ни будущаго, а въ настоящемъ — мѣрный шагъ лошади и остановившееся время. И вокругъ — милліарды песчинокъ, несчитанныхъ и не имѣющихъ особаго существованія, но тоже живущихъ. Все это и идетъ — и неподвижно, и живетъ — и не существуетъ. Понять это невозможно, объяснить нельзя, какъ нельзя въ этомъ и усумниться.

Совершенный сказалъ:

«Существуетъ, ученики мои, прибѣжище, гдѣ нѣтъ ни земли, ни воды, ни воздуха; гдѣ нѣтъ ни безконечности пространства, ни безконечности разума, ни представленій, ни ихъ отсутствія, ни чего бы то ни было; гдѣ

нѣтъ ни этого міра, ни другого міра, ни солнца, ни луны. Это, ученики мои, не появленіе, не уничтоженіе и не постоянное существованіе. Это не умираніе и не рожденіе. Это существуетъ безъ основы, безъ названія, безъ опоры: это есть конецъ страданія.

Гдѣ нѣтъ ничего, гдѣ не существуетъ никакой привязаности, — тамъ это единственное прибѣжище, — Нирваной называю я его. И кто достигъ его — тотъ не знаетъ никакихъ страданій!».

Такъ говорилъ Совершенный.

ПОРЯДОКЪ ГЛАВЪ

Часть первая: ОЛЕНЬ

Часть вторая: ПОБѢГЪ

Imp. « PASCA
13, r. Pascal. [illegible]